

**Брянская областная научная универсальная
библиотека им. Ф.И. Тютчева**

**Ф.И. ТЮТЧЕВ И ТЮТЧЕВЕДЕНИЕ
В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

**Материалы II-ой
научно-практической конференции**

23-24 ноября 2005 г.

Брянск 2005

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Т98

Редакционная коллегия: Алексеев В.П., Непомнящий И.Б.
Кукатова Г.И., ответственный за выпуск
Щедрова В.Е. - компьютерная верстка

Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия : Ма-
тер. II- ой
Т98 науч. - практ. конф. : 23-24 ноября 2005 г. / Брян. обл. на-
уч. универс. б-ка
им. Ф.И. Тютчева.- Брянск, 2005. - 148 с. : ил.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания,
предоставленно-го авторами текста.

Секция Ф. И. Тютчев: проблемы истории и теории литературы

Голованевский А.Л.,
*профессор, доктор филологических наук,
Брянский государственный университет
им. И. Г. Петровского
г. Брянск*

Первые материалы «Полного поэтического словаря Ф.И. Тютчева»

В основном завершена предварительная работа по созданию «Полного поэтического словаря Ф.И. Тютчева», которая велась в течение нескольких лет на кафедре русского языка Брянского государственного университета преподавателями, студентами, аспирантами. За это время подготовлены частотно-алфавитный словник лексем, первые варианты «Словаря конкордансов поэзии Ф.И. Тютчева» и «Словаря сочетаемости лексем в поэзии Ф.И. Тютчева». По предварительным данным, в языке поэзии Тютчева представлено более 11000 словоформ в 34 с лишним тысячах словоупотреблений. Все это лексико-грамматическое богатство будет отражено в «Полном поэтическом словаре».

Ниже мы представляем образцы словарных статей, в которых, кроме дефиниции лексем, приводятся сведения о частотности употребления каждой словоформы. В нашем понимании, словоформа – это лексема в конкретной грамматической форме. Лексема в начальной форме выступает в качестве заголовочного слова и в том случае, когда она сама отсутствует в поэтическом языке Тютчева, но в нем имеются другие словоформы этой лексемы. Как заголовочные выступают начальные формы следующих знаменательных и служебных частей речи: имени существительного, имени прилагательного, имени числительного, местоимения, инфинитива, глагола, причастия, а также неизменяемые – наречия, мо-

дальные слова, предлоги, союзы, междометия. В Словаре будет показана и сочетаемость определяющих слов знаменательных частей речи с определяемыми, что позволит в отдельных случаях конкретизировать их лексические значения, а в дальнейшем получить ценные сведения об особенностях тютчевского лексикона.

В словаре-тезаурусе, разновидностью которого является настоящий словарь, должны быть отражены и имена собственные. Но их предполагается разместить не в общем алфавитном порядке, а вынести в самостоятельный раздел в конце словаря. Дефиниции имен собственных приводятся по примечаниям «Полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева» (Л., 1987) на основе которого составлен Словарь конкордансов.

Не решенным до конца остается вопрос об использовании иллюстративного материала при дефинициях высокочастотных слов. Здесь будет очень трудно избежать субъективных подходов и личных пристрастий при отборе поэтических контекстов. При каждой иллюстрации в косых скобках приводится № стихотворения, из которого она извлечена. Из Приложения к Словарю можно будет узнать по номеру название каждого стихотворения.

В настоящей публикации приводятся все словарные статьи на букву А, за исключением статьи на союз-частицу А, который в стихах Тютчева употребляется 77 раз и, по нашим наблюдениям, имеет 10 контекстуальных значений, и несколько словарных статей на букву Б.

Авось (1). Может быть. Авось, - Я думал, - на постели Они хоть умереть дадут <115>.

Ад: ад (4), ада (1), аде (2), аду (1). Злобствующий, целый; властелин; издох, нет, томится.

1. Место мучения для нераскаявшихся грешников; геенна огненная, тартар. Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад Превыспренних путей нигде не воспретят <6>. ... Ной вступился, И в ад попал злодей <6>. Ад ли, адская ли сила Под клокочущим котлом Огонь геенский разложила... <143>. Не целый мир, но целый ад Тебе грозит ниспроверженьем <209>.

2. Могила в аду. Господь-бог на небе скончался, И в аде сатана издох <32>.

Адский: адская (1), адский (1), адскими (1), адской (1): власть, месть, пламень, сила.

1. Относящийся к аду в 1-ом значении. Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет <23>. 2. Страшный, ужасный. Страдай, томись, злодей, Ты жертва адской мести! <1>

Адъютант (1). Исполняющий чьи-либо приказы, находящийся на посылках у кого-либо. Женись и в полном смысле слова Будь адъютант своей жены <16>.

Академический: академические (1). Относящийся к Российской Академии Наук. И как же мог бы без измены... в академические стены... // Вас, вас впустить – непобедимый Немецкий храбрый гарнизон? <328>.

Алеть: алел (1), алели (1). Становиться алым, светло-красным. Восток алел... <10>. Алели щеки, как заря, Все жарче рдея и горя! <84>.

Алмаз (1). Метон. Алмазный перстень. В горьком опыта фиале Твой алмаз на дне горит <17>.

Алтарь: алтарь (5), алтарей (1), алтаря (1). Его, их, святой (2), Христов; обвил, остыл, исходят.

1. Возвышение в глубине христианской церкви. Страх божий, хранитель святых алтарей... <6>. И на холмах Эллады Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады... <6>. Давно остыл алтарь их – и без смены На страже здесь молчание <66>. И своды древние Софии, В возобновленной Византии, Вновь осенят Христов алтарь <167>. Когда из алтаря они исходят оба... <77>.

2. Вообще святое место. Но есть еще один приют державный, Для правды есть один святой алтарь: В твоей душе он, царь наш православный... <295>.

Алчный (1). Неумеренный в желаниях. Пусть велелепные столпы, Громады храмин позлащенны Прельщают алчный взор бессмысленной толпы... <4>.

Альбом: альбома (1). Собрание в виде книжки отобранных по известным причинам записей. Здесь посмертная книга Д.Н.

Блудова «Мысли и замечания». Как этого посмертного альбома Мне дороги заветные листы... <298>.

Амбар (1). Кладовая для хранения товаров. Ну как тому судить поэтов дар... Кому лицеем был амбар И кто смышлен лишь в скотоводстве <379>.

Амбра (1) (вариант амбра). Благовонное вещество. Дева друг фату бросает, Амбру с кудрей отрясает... <60>.

Амфора (1). Содержимое остроконечного кнizu глиняного кувшина. Кончен пир, умолкли хоры, Опорожнены амфоры... <160>.

Ангел: ангел (6), ангелов (2). Мой (3); слез, смерти, лики, нога.

1. Существо духовное, одаренное разумом и волею. И только смертного зениц Ты, ангел слез, дотронешься крылами... <19>. ... Ангел – богу предстоит <17>. То ангелов лики поют в вышине <199>. По ним проходит незаметно Небесных ангелов нога <240>.

2. Спаситель, вдохновитель. Ангел мой, где б души ни витали, Ангел мой, ты видишь ли меня? <277>.

Ангельский: *ангельский* (1), *ангельская* (1). Лира, роточек. Свойственный ангелу. ... *ангельская лира* Грустит в пыли на небесах! <26>. Этот *ангельский роточек* – Не создаст его поэт <21>.

Анемон (1). Растение из семейства лютиковых (Даль). Душистый анемон и крины Лиют на брашны аромат... <4>.

Апельсин (1). Дерево, на котором произрастают плоды апельсина. Цветет лимон и апельсин золотой... <195>.

Апостольский (1). Титул австрийского императора «апостольское величие». ... И весь апостольский их род Будь заклеямен одним прозваньем: Искарриот, Искарриот! <211>.

Апробовать: *апробую* (1). Одобрить, утвердить написанное. ... Я все прекрасно так сказала – Вполне довольна – апробую <358>.

Арестантский (1). Относящийся к караулу арестантов.

Аристократия: *аристократии* (1). Высшее сословие в государстве. Недаром вашим вы пером Аристократии служили... <314>.

◇ Аристократия светил ночных. Солнце. Свободы солнце Живей и жарче будет греть, чем ныне Аристократия светил ночных! <69>.

Аркада (1). Галерея, составленная из арок. Баснословной былью веет Из-под мраморных аркад <157>.

Армия (1). Множество вооруженных людей, пешие и конные. И с целой армией в бронях и на коне Противу мальчигов воюют? <382>.

Аромат: *аромат* (3), *ароматами* (1), *ароматы* (1). Их, свежей; курятся.

1. Приятный запах от некоторых веществ. Душистый анемон и крины Лиют на брашны аромат... <4>. И Зефир – радостным полетом Их разливает аромат... <11>. Недаром, о розы, на ваших листах Жарчее румянец, свежей аромат... <38>. Лишь курятся ароматы В опустевшей светлой зале <160>.

2. Вещества с приятными запахами. С караваном отдохну я, Ароматами торгуя... <60>.

Ароматный: *ароматной* (1). Вещество, от которого исходит аромат. Так с юных роз Авроры луч бежит С их чистою душою ароматной <49>.

Арфа: *арфа* (2), *арфы* (2). Ее, скальда, воздушной, твоей. Струнный музыкальный инструмент треугольной формы. Вот арфа ее в обычайном углу... <38>. О арфа скальда! <99>. Слышал ли в сумраке глубококом Воздушной арфы легкий звон... <26>. Не арфы ль твоей мне послышался звон? <38>.

Аршин (1). Общепринятая единица измерения длины. Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить... <292>.

Ах (21). 1. Восклицание при выражении чувства, сожаления. Но, ах не нам его судили... Ах, людям есть кого любить, Что им до наших нужд! <63>. Ах, и куда, безвременно почивший, Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший! <66>. Души его, ах! Не встревожит И голос матери родной <121>. Ах, и не в эту землю я сложил Все, чем я жил и чем я дорожил! <150>. Ах, и лучших из людей Часто губит гнев зловердный! <179>.

2. Для выражения чувства неудовлетворения чем-либо, кем-либо. Ах, умаял он, пестрый день, меня! <313>. Ах, грубиян! Ах, он нахал! <365>.

3. Выражение чувства удивления. Ах, и в этот самый час, Там, где нет теперь и нас, Тот же месяц, но живой, Дышит в зеркале Лемана <233>.

4. Для выражения отрицания – предварительного утверждения. Про это знает целый свет, Не знают немцы лишь родные. Ах нет, то знают и они... <328>.

Багровый: багровой (1), багровы (1). Ярко-красного цвета с синевой. Пусть завтра тучею свинцовой Всесильный бог громов вдруг ризою багровой Эфир сгущенный облечет... <4>. О, как лучи его багровы! Как жгут они мои глаза! <106>.

Багрить: багря (1). Окрашивать что-либо в багровый цвет. Страх обуял коней – они помчались... Напрасно с ними борется возница, Они летят, багря удила пеной... <67>.

Багрянец (1). Красный цвет. Что зрелый год дает плодам – Их царственный багрянец... <28>.

Багрянородный (1). Рожденный от царствующего Государя; порфирородный (СЦРЯ). И весь багрянородный сонм – под их стопой! <77>.

Багряный: багряных (1). Густокрасный, пурпуровый (СЦРЯ). Зловещий блеск и пестрота дерев, багряных листьев томный, легкий шелест... <80>.

Балласт (1). Не основной груз корабля, предназначенный для устойчивого плавания. Балласт хотя не назначает, Куда и как плыть кораблю, Но ход его он облегчает <381>.

Баловство: баловства (1). Детская забава, шалость. Нельзя же допустить такого баловства! <365>.

Баня: банях (1). Место, где прятятся и моются. То упыюся в банях ленью... <60>.

Барабан: барабаны (1). Ударный военно-музыкальный инструмент. И так победно шли полки, Знамена гордо развевались, Струились молнией штыки, И барабаны заливались... <205>.

Бард (2): мчится. Певец-поэт у древних кельтских племен. То мчится бард, беглец родного края... Но Дале бард – и видит пред собою Грозноносящий вечно юный Рейн... <66>.

Баскак: *баскаков* (1), *баскаком* (1). Представитель ханской власти, сборщик податей во время существования Золотой орды. Во дни напастей и беды, Когда из Золотой орды В Москву баскаков насылали. Конечно и тогда их выбирали... <367>. ... Вдруг заявить себя ожившим баскаком Для несуществующей Орды... <366>.

Баснословный: *баснословной* (1), *баснословные* (1). Легендарные времена, вошедшие в народные предания. ... Баснословной былью веет Из-под мраморных аркад <157>. Я знал ее еще тогда, В те баснословные года... <243>.

Бахрома: *бахромою* (1). Сравн. Россыпи снега на деревьях в виде тесьмы с мохрами. Чародейкою зимою Околдован лес стоит И под снежной бахромою, Неподвижною, немою, Чудной жизнью он блестит <230>.

Башня: (*на*) *башне* (1), *башни* (1). Старой, древней. Высокое древнее здание, замок с колокольней, предназначенный для обороны. На старой башне, одинок, Дух рыцаря стоит... <58>. И лучами неземными, Заключен и одинок, Перемигивался с ними С древней башни огонек <108>.

Баюкать: *баюкает* (2). Усыплять под звуки бури, струи волн. «Мне сладок сей бури порывистый глас, На ложе любви он баюкает нас» <114>. ... И баюкает их море Тихоструйною волной <155>.

Баять: *баят* (1). Говорить, рассказывать о старине. Там-то, баят, в стары годы, По лазуревым ночам Фей водились хороводы... <108>.

Бег (3): бурный, быстрый, пустынный. Быстрое движение по воде, самих волн. И в пристани, окончив бег пустынный, С веселостью знакомится он вновь! <7>. К брегам направив бурный бег С веселым ржаньем мчишься <75>. И бездну вод с ее скалами Земли уносит быстрый бег! <85>.

Бегать (1). Перемещаться с одного места на другое. ... И бегают по сучьям обожженным С зловещим треском белые огни... <299>.

Беглец (1). Покинувший родной край по какой-либо причине. То мчится бард, Беглец родного края... <66>.

Бегло (1). Поверхностно, стремительно оглядывать что-либо. Люблю глаза твои, мой друг. С игрой их пламенно-чудесной, Когда их приподнимешь вдруг И, словно молнией небесной, Окинешь бегло целый круг <124>.

Беглый: *беглую* (1), *беглые* (1), *беглый* (1). Струю, взгляд, зарницы. 1. Убегающий, движущийся. Что ты клонишь над водами, Ива, макушку свою И дрожащими листьями, Словно жадными устами Ловишь беглую струю? <102>. ... И сквозь беглые зарницы Чьи-то грозные зеницы Загорались порою <193>. 2. Быстрый, поверхностный. Пойдем и бросим беглый взгляд Туда, по склону вод... <231>.

Бегство: *бегстве* (1). Поспешное удаление из-за чувства страха. Все скрылося, ища спасенья в бегстве... <67>.

Бегущая (1). Удаляющаяся от чего-то. «Вот наша жизнь, - промолвила ты мне, - не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень, бегущая от дыма» <148>.

Беда: *беда* (5), *беды* (1). Моя, неминуемой, губит. 1. Предназначенное несчастье. Передо мной – пустыня водяная, За мной лежат и горе и беда... <35>. Что вам беда моя? <63>. Все гуще мрак, все пуше горе, Все неминуемой беда... <294>. Природы воздух ядовитый Нас отравляет не всегда: Мы себялюбием повиты – И эта губит нас беда... <383>. Печати русской доброхоты, Как всеми вами, господа, Тошнит ее – но вот беда, Что дело не дойдет до рвоты <312>.

2. Тяжелое время. Во дни напастей и беды, Когда из Золотой орды В Москву баскаков насылали... <367>.

Бедный (21): *бедный* (10), *бедного* (2), *бедное* (2), *бедной* (1), *бедные* (1), *бедным* (1), *бедных* (3), *беден* (1).

1. Несчастный, достойный сожаления; испытывающий мучения. Угоден Зевсу бедный странник, Над ним святой его покров! <54>. День с трудом преодолев, Бедный пахарь опочил <65>. Но

мне при виде сем так грустно было, Как месяцу, еще заметной тенью Бледневшему на небе. Бедный месяц! <69>. Ты, Фауст? Сей бедный беспомощный прах, Проникнутый насквозь моим вдохновеньем... <86>. Но ты, мой бедный, бледный цвет, Тебе уж возрождения нет, Не расцветешь <111>. О бедный призрак, немощный и смутный, Забытого, загадочного счастья! <150>. А также: <383>, <33>, <114>, <253>, <198>, <352>.

2. Обездоленный материально и морально. Ср. с такими персонажами. Пошли, господь, свою отраду Тому, кто в летний жар и зной Как бедный нищий мимо саду Бредет по жесткой мостовой... <171>. Бедный Лазарь, Ир убогой, К вам пишу, с одра привстав... <357>.

3. Беспомощный, больной. И пусть в отъезда час со всех сторон, И даже с бедного одра страданья, мольбы, благие пожеланья За вами понесутся вслед... <369>. Ты днесь воскрыльями ея Благоволил покрыть и бедного меня... <373>.

4. Ничтожный. Вам, вам сей бедный дар признательной любви, Цветок простой, неблаговонный... <11>. Пускай мое она созданье – Но как я беден перед ней <190>.

5. Совмещающие 1 и 2 значения. Эти бедные селенья, Эта скудная природа – Край родной долготерпенья, Край ты русского народа! <213>.

6. Подавленный, отягощенный. Я не ценю красот природы, Когда душа потрясена, Когда свинцовая невзгода Тмит бедный дух кошмаром сна <383>.

Имена собственные и их дериваты.

Аврора: *Аврора* (1), *Авроры* (1). ...Благоухающие слезы Не о былом Аврора льет... <132>. Так с юных роз Авроры луч бежит... <49>.

Австрийский: *австрийский* (1), *австрийского* (1). Относящийся к Австрии. Австрийский царь привык забавить Собой и други и враги... <378>, <211>.

Агамемнон (1). Персонаж «Илиады» Гомера, вождь греков, аргосский царь. Как дочь родную на закланье Агамемнон богам принес... <96>.

Адриатика: *Адриатикой* (1). Адриатическое море. Дождь Венеции свободной... Обручался ежегодно С Адриатикой своей <165>.

Александр Великий (1). Александр Македонский, сын греческого царя Филиппа. Филиппов сын – положим так, А все не Александр Великий <248>.

Аквилон: *Аквилоном* (1). В римской мифологии бог северного ветра. Токмо здесь, забытый Аквилоном, Лется он, и светел и глубок! <6>.

Аллах (1). Имя бога в мусульманской религии. «Аллах! Пролей для нас свой свет!..» <41>.

Алцей: *Алцея* (1) – Алкей (VII – VI вв. до н.э.) – древнегреческий поэт, в одах которого звучали тираноборческие мотивы. Проснулся в мире дух Алцея – И рабства пыль слетела с ней <8>.

Альгамбра: *Альгамбры* (1). Дворец мавританских властителей Испании (XIII – XIV вв.), отличающихся пышной орнаментальной отделкой. ... Как бы волшебным обвеваает светом Узорчатой Альгамбры колоннады... <66>.

Альпы (3). Альпийские горы. ... Альпы снежные глядят... <82>. Светились Альпы, озеро дышало... <239>, <6>.

Альпийский: *альпийских* (1). ◇ Альпийские горы. Един с Британских вод, другой с Альпийских гор... <6>.

Амур (1). Амур резвился вокруг него И дани брал с поэта <31>.

Английский: *английских* (1), *английского* (1). ◇ Английские палаты. Палаты общин и тори английского парламента. Куда вам в члены Английских палат... <266>.

Андрей Первозванный (1). Считается первым проповедником христианства на Руси. ... Где Первозванного Андрея Еще поднесь сияет крест... <324>.

Апеннины: *Апеннин* (1). Апеннинские горы в Италии. Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин! <6>

Аполлон: *Аполлона* (1). ◇ Древо Аполлона. Лавр. ... Да ветвию от древа Аполлона Его питомца я увью! <7>.

Аракс: *Аракса* (1). Река на Кавказе. ... Дал отблеск для крутых Аракса берегах... <6>.

Аракчеев (1). ◇ Аракчеев второй. Шеф жандармов и начальник III Отделения граф Петр Андреевич Шувалов.

Ареев: *Ареевой* (1). Арей – Арес. Удары губительны Ареевой десницы... <6>.

Ариция: *Ариции* (1). Афинская царица, которую любил Ипполит, сын афинского царя Тезея. Друг, не оставь Ариции моей! <67>.

Архимед: *Архимеда* (1). Архимеда точка. Поворотный пункт. Архимеду приписывают слова: «Дайте мне точку опоры, и я поверну весь мир». Счастлив, кто точку Архимеда Умел сыскать в себе самом... <339>.

Атлас (Атлант) (1). В греческой мифологии – Гигант, державший на своих плечах небесный свод. ... Беспамятство, как Атлас, давит сушу <40>.

Атреев (1), **Атрид** (1). ◇ Атреев сын – Атрид. Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне. ... Царь царей, Атреев сын... И с супругой, взятой с бою, Снова счастливый Атрид... <179>.

Афина: *Афиной* (1). Богиня, покровительница греков в Троянской войне. Рек Афиной всеблагою Вдохновенный Одиссей <179>.

Ахейский: *ахейских* (1). Греческий. ... чад ахейских <179>.

Ахеяне (1). Греки. И ахеяне... На судах своих видели, Вдоль эгейских берегов... <179>.

Аякс: *Аякса* (1). ◇ Аякса брат меньшей – Тевкр, покончивший собой в припадке ярости, когда Одиссей присвоил себе хитростью доспехи павшего Ахилла, на которые по праву притязал Аякс младший. «Хорошо любимцам счастья, - Рек Аякса брат меньшей...» <179>.

Приложение

В номерном порядке указаны названия всех стихотворений, представленных под соответствующим номером в статье.

1. На новый 1816 год.

4. Послание Горация к Мecenату, в котором приглашает его к сельскому обеду.

6. Урания.
7. <С.Е. Раичу> («Неверные преодолев пучины...»)
8. К оде Пушкина на Вольность.
10. Одиночество (*Из Ламартина*)
11. Весна («Любовь земли и прелесть года...»)
16. Послание к А.В. Шереметеву
17. Песнь Радости (*Из Шиллера*)
19. Слезы
21. (*Из Гейне*) («Друг, откройся предо мною...»)
23. К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...»)
26. Проблеск
28. Саконтала (*Из Гете*)
31. <С.Е. Раичу> («На камень жизни роковой...»)
32. (*Из Гейне*) («Закралась в сердце грусть, - и смутно...»)
33. Вопросы (*Из Гейне*)
35. Кораблекрушение (*Из Гейне*)
38. Cache-cache
40. Видение
41. Олегов щит
49. К N N
54. Странник
58. Приветствие духа
60. (*Из Гетева «Западно-Восточного Дивана»*)
61. Заветный кубок (*Из Гете*)
63. «Кто хочет миру чуждым быть...» (*Из «Вильгельма Мейстера» Гете*)
65. Песня (*из Шекспира*)
66. Байрон (*Отрывок*) <*Из Цедлица*>
67. <*Из «Федры» Расина*> («Едва мы вышли из Трезенских врат...»)
69. <*Из «Путевых картин» Гейне*> («Прекрасный будет день», - сказал товарищ...»)
75. Конь морской
77. Из «Эрнани» <*Гюго*> («Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный...»)
80. Осенний вечер

82. Альпы
84. «Сей день, я помню, для меня...»
85. «Звучит, как древле, пред тобою...»
86. «Кто звал меня? – О страшный вид!»
96. «Как дочь родную на закланье...»
99. Арфа скальда
102. «Что ты клонишь над водами...»
106. «Как птичка, с раннею зарей...»
108. «Там, где горы, убегая...»
111. «Сижу задумчив и один...»
114. «Все бешеной буря, все злее и злей...»
115. <Из Беранже> («Пришлось кончить жизнь в овраге...»)
121. «Не то, что мните вы, природа...»
124. «Люблю глаза твои, мой друг...»
132. Весна («Как ни гнетет рука судьбины...»)
143. Море и утес
148. «Как дымный столп светлеет в вышине!...»
150. «Итак, опять увиделся я с вами...»
155. «По равнине вод лазурной...»
157. «Вновь твои я вижу очи...»
160. «Кончен пир, умолкли хоры...»
165. Венеция
167. Пророчество
171. «Пошли, господь, свою отраду...»
179. Поминки (*Из Шиллера*)
190. «Не раз ты слышала признанье...»
193. «Не остывшая от зною...»
195. (Из Гете) («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...»)
198. «Недаром милосердным богом...»
199. (Из Шиллера) («С озера веет прохлада и нега...»)
205. Неман
209. «Теперь тебе не до стихов...»
211. По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая
213. «Эти бедные селенья...»
230. «Она сидела на полу...»

231. Успокоение («Когда, что звали мы своим...»)
233. «Грустный вид и грустный час...»
239. Memento
240. «Хоть я и свил гнездо в долине...»
243. «Я знал ее еще тогда...»
248. «Он прежде мирный был казак...»
253. Его светлости князю А.А. Суворову
266. Ответ на адрес
277. Накануне годовщины 4 августа 1864 г.
292. «Умом Россию не понять...»
294. «Ты долго ль будешь за туманом...»
295. «Хотя б она сошла с лица земного...»
298. <А.Д. Блудовой> («Как этого посмертного альбома...»)
299. Дым
312. «Печати русской доброхоты...»
313. Мотив Гейне
314. «Вы не родились поляком...»
324. Андрею Николаевичу Муравьеву («Там, где на высоте обрыва...»)
328. А.Ф. Гильфердингу
339. <А.М. Горчакову> («Да, вы сдержали ваше слово...»)
352. Любезному папеньке!
357. «Бедный Лазарь, Ир убогой...»
358. «Красноречивую, живую...»
365. «Британский леопард...»
366. «Конечно, вредно пользам государства...»
367. «Во дни напастей и беды...»
369. <Императрице Марии Александровне> («Мы солнцу Юга уступаем вас...»)
373. Императору Александру II
378. «Австрийский царь привык забавить...»
379. «Ну как тому судить поэтов дар...»
381. Средство и цель
382. «Какие песни, милый друг...»
383. «Я не ценю красот природы...»

Атаманова Н.В.,
ассистент кафедры русского языка
Брянского государственного университета
им. И. Г. Петровского,
г. Брянск

Лексика звука и ее семантика в поэтическом языке Ф.И. Тютчева

Творчество Ф.И. Тютчева занимает важное место в русской поэзии XIX века. Его стихотворениями по сей день не перестают восхищаться, их изучают, дают истолкование, ими зачитываются. Прежде всего поражает язык поэта, богатый, выразительный, точный, чистый, живой, но в то же время индивидуальный, не похожий на других, делающий его стихи абсолютно неподражаемыми. К сожалению, работ, посвященных исследованию языка поэта, в современной лингвистической науке не так много. Единственной работой чисто языкового характера следует считать монографию А.Д. Григорьевой «Слово в поэзии Тютчева» (1980). Среди наиболее значительных исследований предшественников о языке поэта можно выделить также статьи А. Белого, В. Брюсова, Н.К. Гудзия, Л.В. Пумпянского, Ю.Н. Тынянова, А.А. Николаева, В.А. Малаховского, Б.М. Козырева, Ю.М. Лотмана, диссертацию Ю.Д. Тильман.¹ Некоторые наблюдения, касающиеся особенностей языка и поэтики Тютчева, содержатся и в ряде литературоведческих работ.²

---

¹ Белый, А. Поэзия слова: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. – М., 1983; Брюсов, В. Ф.И. Тютчев // Собрание сочинений в 7 тт. – Т. 6. – М.: Худ. лит., 1975; Гудзий, Н.К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. – Л., 1930. – Т. 3. – №2; Пумпянский, Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания : Тютчевский альманах. 1803 – 1928. – Л.: Прибой, 1928; Тынянов, Ю.В. Вопрос о Тютчеве // Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История. Литература. Кино. – М., 1977; Николаев, А.А. «Понятым сердцу языком...» // Русская речь. – 1988. – №6; Малаховский, В.А. Из наблюдений над использованием имен прилагательных в лирике Ф.И. Тютчева // Очерки по русскому языку и стилистике. – Саратов, 1967; Козырев, Б.М. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. Ф.И. Тютчев. – Т. 97. Кн. 1. – М.: Наука, 1988; Лотман, Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник. – Таллинн, 1990; Тильман, Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф.И. Тютчева) : диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. – М., 1999.

² Саводник, В.Д. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. – М., 1914; Дарский, Д.С. Чудесные вымыслы : о космическом сознании в лирике Тютчева. – М., 1914; Райнов, Т. Духов-

Однако исследование тютчевской семантики представлено здесь либо на примере отдельных, выхваченных из поэтических текстов слов, которые иногда «толкуются не всегда убедительно и... не позволяют судить о том, насколько смело в этой области новаторство Тютчева»¹, либо рассматриваемый материал ограничен произведениями определенного периода, что, безусловно, не дает полного представления о словоупотреблениях поэта. В некоторых исследованиях содержатся лишь общие рассуждения о тютчевском поэтическом языке. Но если тот или иной исследователь хотя бы раз касался замечаний по поводу языка поэзии Тютчева, он практически всегда отмечал важный неоспоримый факт – это «особость» поэтического языка, объясняемая наличием у слов «колеблющихся признаков», т.е. дополнительных семантических и эмоциональных наслоений, существующих помимо основного значения.² Еще ранее Л.В. Пумпянский называл такое свойство слов в поэтических контекстах Тютчева «смещением», «наклоном его оси», «едва заметным перерождением его смыслового веса»³, а его последователь Б.М. Козырев – «вибрацией» смысла между двумя точными значениями слова.⁴ Учитывая отмеченные особенности языка поэзии Тютчева, целесообразным представляется провести работу по целостному изучению его семантики, и такая работа – создание «Полного поэтического словаря Ф.И. Тютчева» – уже проводится. Рассмотрим в ее рамках семантику слов-звукообозначений, функционирующих в лирике поэта.

Если «зрительные» слова (прежде всего лексика цвета) у Тютчева неоднократно привлекали к себе внимание исследователей⁵, то звуковая лексика, в количественном, а отчасти и в функ-

---

ный путь Тютчева. – Пг., 1923; Зунделович, Я.О. Этюды о лирике Тютчева. – Самарканд, 1971; Касаткина, В.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева. – М., 1978; Озеров, Л.А. Поэзия Тютчева. – М., 1975; Тютчевский сборник. – Таллинн, 1990; Ф.И. Тютчев: школьный энциклопедический словарь / сост. Г.В. Чагин. – М., 2004 и др.

¹ Григорьева, А.Д. Слово в поэзии Тютчева. – М., 1980. – С. 12.

² См. указанные работы Григорьевой А.Д., Тынянова Ю.Н., Николаева А.А.

³ Пумпянский, Л.В. Указанная работа. – С. 52.

⁴ Козырев, Б.М. Указанная работа. – С. 78.

⁵ Пумпянский, Л.В. Указанная работа. – С. 37 – 45; Козырев, Б.М. Указанная работа. – С. 117 – 119; Орлов, О.В. Поэзия Тютчева : пособие по спецкурсу. – М., 1981. – С. 38 – 41.; Океанский, В. Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX века. – Иваново, 2002. – С. 82 – 84; Белый, А. Указанная работа; Николаев, А.А. Указанная работа. – С. 3 – 8; Гаспаров, М.Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Тютчевский сборник. – Таллинн, 1990. – С. 5 – 23.

ционально-стилистическом плане уступающая цветовой лексике, не являлась предметом специального исследования. Однако неоспорим тот факт, что поэзия Тютчева буквально пронизана музыкальностью, мелодизмом, певучестью. Известно, что многое поэт унаследовал из мира державинской акустики.¹ Тютчев остро ощущал звук как одно из проявлений жизни, жил в мире звуков, через них воспринимая жизнь и людей и ими выражая свое отношение к действительности. Погружаясь в звуки, четко улавливая все оттенки могучей симфонии жизни, Тютчев создал гармоническую картину звучащего мира, где все значимо и символично, конкретно и в то же время обобщенно. В его стихотворениях звук часто играет роль поворотного мига в жизни. В движении звука для Тютчева важно все: как стихия звукового напора, так и всеобщая звуковая гармония. Наиболее частотными словами-звукообозначениями в идиолекте Тютчева являются лексемы, связанные с обозначением динамических, процессуальных проявлений звука (*звук* – 26², *звучать* – 11, *воплъ* – 6, *гам* – 6, *греметь* – 9, *грохот* – 4, *гул* – 10, *звон* – 7, *клич* – 7, *клик* – 5, *ропот* – 4, *свист* – 4, *стон* – 4, *треск* – 6, *шум* – 15, *шуметь* – 16). Сюда же можно отнести обозначения различных стихий, проявление которых сопровождается звуками (*буря* – 25, *ветр* – 9, *ветер* – 5, *ветерок* – 7, *вихрь* – 9, *гроза* – 17), а также лексемы со значением речевой деятельности (*глас* – 26, *говор* – 4, *речь* – 14, *песня* – 21, *петь* – 22, *пенье* – 6, *крик* – 11).

Доминанта рассматриваемой парадигмы – лексема *звук* (26) – чаще всего выступает в поэзии Тютчева в своем основном для языка значении – «воспринимаемое органами слуха ощущение, вызываемое механическими колебаниями».³ Лексема может использоваться для выражения любых звуковых ощущений, то есть различные проявления звука (звон, гул, гам, шорох и т.д.) могут быть названы звуком вообще. Но даже при функционировании лексемы в прямом значении она в поэтических контекстах Тютчева выходит за его рамки, становясь не равной самой себе. Такой выход обусловлен в большей части использованием приема символизации.

¹ Пумпянский, Л.В. Указанная работа. – С. 47.

² Частотность лексем приводится по компьютерным конкордансам к стихотворениям Тютчева.

³ Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. – Т. 4. – 1955. – С. 1158.

Например, звук символизирует жизнь – если замирает звук, то замирает жизнь:

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –

Жизнь отошла... <234>

Тени сизые смешались,

Цвет поблекнул, звук уснул –

Жизнь, движенье разрешились

В сумрак зыбкий, в дальний гул. <109>

В первом контексте отсутствие звука символизирует полное отсутствие жизни, смерть. Состояние безжизненности природы и человека конкретизируется контекстом: *угрюмый лес, все голо, пусто-необъятно, немое однообразие, человек снитя сам себе, тускнеют взоры, безлюдный край*. Во втором контексте неполное отсутствие звука (звук уснул) символизирует состояние сна, дремоты, которое связано с образом тоски, овладевшей душой, с бездеятельностью. Образ порхающего мотылька, представляющий в стихотворении Тютчева, как и в античной мифологии, душу, преодолевает тяготение смерти.

Замирание звука не всегда может означать угасание человеческой жизни. Например, в стихотворении «Поток сгустился и тускнеет» <93> поэт описывает «жизнь бессмертную ключа», которую «сковать всесильный хлад не может». Тютчев поэтизирует образ холода, способного изменить внешний вид и снизить его восприятие потока: «поток сгустился и тускнеет», прячется подо льдом, цвет его «гаснет» и «звук немеет». Однако власть «всесильного хлада» ограничена: ключ продолжает журчать под твердым льдом, тревожа «мертвое молчанье». Природа живет по собственным законам. Постигая красоту, величие и сокровенность мира природы, поэт видит его сходство с людским. Ключ для него становится олицетворением юности, его шепот означает биение человеческой жизни. Таким образом, в контексте происходит уподобление жизни природы жизни человека, в центре которого – звук.

Оппозиция «жизнь человека – жизнь природы» реализована в стихотворении «Над виноградными холмами...» <92>, где единственно слышимыми оказываются звуки природы, олицетворяю-

щие «дней воскресных тишину». Таким образом, звуки природы здесь для поэта более важны, чем звуки человеческой жизни.

В контекстах возникает еще одно соотношение: звук – цвет. Причем проявление звуко-, цветообразов происходит параллельно: угасание цвета (*гаснет цвет, цвет поблекнул, сумрак зыбкий*) непосредственно влечет за собой исчезновение звука (*звук немеет, звук уснул*), а затем и исчезновение жизни в целом.

Другая сфера символов, в которую вовлекается лексема *звук*, синтагматически контактируя с субстантивами *вышина, небо, вершина, сон*, а также с атрибутами *волшебный, потрясающий, блаженный, благодатный*, - это представление о прекрасном, возвышенном, сокровенном. Обычно употребление лексемы *звук* в таком символическом значении связано с неоднократно отмечавшейся тютчевской тенденцией в построении модели мира – движением «низ – верх». ¹ Высшей ступенью такого движения является небо, «горнее, неземное жилище, где смертной жизни места нет» <92>. Здесь лексема *звук*, выступающая в метафорических контекстах, служит не для наименования реального звучания, а для выражения представления о возвышенном, влекущем к себе. Причем звуковое движение в таких контекстах может выражаться по-разному. Оно либо присутствует (т.е. звук есть, воспринимается органами слуха):

Но долго звук неуловимый

Звучит над нами в вышине,

И пред душой, тоской томимой;

Все тот же взор неотразимый... <237>,

либо отсутствует (звука нет):

---

¹См. указанные работы Лотмана Ю.М., Белого А., Брюсова В.

Там в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет...
Туда взлетая, звук немеет. <92>

Обозначение прекрасного, возвышенного часто связано и с областью человеческих снов, где на первый план снова выходят звуки:

Блаженные звуки
Он слышит во сне.
То ангелов лики
Поют в вышине. <199>
Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов... <350>

Мир сна – это мир тишины и неподвижности. Он противопоставлен внешнему хаосу звуков:

Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он воял легко над гремящею тьмой. <74>

Часто грань между ступенями мироздания («низ – верх») становится еле заметной. Звуки неба проникают в земную сферу, превращая хаотичные, шумные повседневные звуки в волшебные и благодатные. Столкновение небесных звуков с земными (шум дневной улицы) способствует созданию особого звукового строя, «стозвучного, шумного – и невнятного» <50>. В поэтическом контексте снова возникает репрезентация звука посредством актуализации зрительных образов (*шумел день – толпами улица блистала, тень облаков пролетала – звуки доносились*).

Специфическое свойство лексемы *звук* в современном русском языке быть средством выражения любых звуковых ощущений ярко реализовано в стихотворных текстах Тютчева. Лексема часто используется, например, для выражения различных проявлений шума, в связи с чем вовлекается в контексты, в которых содержится оппозиция «шум – тишина»:

Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон. <74>

Здесь лексема выступает в синтагме *хаос звуков*, смысл которой варьируется с помощью сочетаний *грохот пучины, гремящая тьма,*

ревущие валы. Этому оглушительному шуму противопоставлена *тихая область видений и снов*. Следовательно, лексема реализует в контекстах еще одни символические значения: звук – шум, звук – тишина. С другой стороны, являясь средством обозначения шума, она вовлекается поэтом и в тему хаоса:

Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки! <94>

«Неистовые звуки» символизируют душевную бурю, разлад, т.е. хаос души, вызванный хаосом в мире природы. У Тютчева образ природного хаоса также рисуется с помощью звуковых слов: ветер воет, сетует, твердит, роет и взрывает звуки, голос ветра «то глухо жалобный, то шумно». В результате лексема звук получает в тютчевском поэтическом идиолекте символическое обозначение звука – хаоса.

Являясь средством выражения любых звуковых ощущений, лексема звук у Тютчева может использоваться для обозначения конкретных звуков. Такая конкретизация обычно осуществляется в самом контексте, например, звуки – человеческие голоса:

Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами? <59>

звуки – клич:

Несется клич: «Распни, распни его!..»
О Русь, ужель не слышишь эти звуки... <384>

звуки – звон:

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон...
То потрясающие звуки,
То замирающие в друг... <26>

Синтагмы звук цепей, звуки лир, звуки арфы указывают на конкретные источники образования звуков:

Огнем свободы пламеня
И заглушая звук цепей,

Проснулся в лире дух Алцея –
И рабства пыль слетела с ней. <8>
Несутся свыше звуки лир... <6>

Звуки, издаваемые музыкальными инструментами, всегда эмоционально насыщены.

Нередко звуки в поэтических контекстах Тютчева символизируют прошлое. Причем на связь лексемы с образами памяти, прошлого указывает ее сочетаемость со словами, содержащими в своей семантике признак темпоральности (помнить звуки с детства, звуки братских наречий, привычный с младенчества звук). Во всех случаях значение «звуки памяти, прошлого» возникает как вторичное на базе основного, контекстного. Например, в стихотворении «Недаром русские ты с детства помнил звуки...» <244>, представляющем собой обращение к немецкому журналисту и драматургу Вильгельму Вольфсону, долгое время изучавшему русский язык и познакомившему западных читателей с русской литературой, лексема *звуки* реализует значение «речь русского народа, русский язык». Аналогичное значение выявляется и в стихотворении «К Ганке» <138>, отражающем общий взгляд поэта на проблему взаимоотношений народов, трагически разделенных в своей истории, но остающихся братьями по крови и по вере и тяготеющих к единству. Здесь звуки – это «речь славянского народа». Более четко соотношение «звук – память» отражено в следующем контексте:

Ах, но, к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный, -
Он к бытию манит меня опять! <87>

Значение лексемы *звук* конкретизируется на уровне целого контекста – «звуки церковных колоколов, несущих благую весть». Здесь же возникает мотив «знакомого звука», довольно часто используемый поэтом (*звук привычный с младенчества, родимый*). Особенно преобладает он в тех контекстах, где лексема вовлекается в сферу выражения эмоций. Например, в стихотворении «Из края в край, из града в град...» <116> звук, принесенный ветром, ассоциируется с прощальным словом любви:

Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости.

Мотив «знакомого звука» здесь является мотивом утраченной любви, невозвратимости прошлого блаженства. Он воплощен и в стихотворении «Графине Е.П. Растопчиной» <178>, но имеет противоположную трактовку. Здесь «знакомый звук» - это «чудный голос», песня женщины, пробуждающая в душе поэта весеннее настроение.

Мотив двух звуков – «знакомого» и «вечного» отражен в следующем контексте:

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, -
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне. <335>

Здесь звуки – это отголоски любовных переживаний, имевших место в жизни поэта, волнующих его до сих пор и усилившихся благодаря встрече с любимой прежде женщиной. В этом случае к звуковому восприятию подключается и память чувств. Таким образом, «знакомый звук» в стихотворении Тютчева выполняет разнообразные художественные функции. Он может быть одновременно и источником мучительных переживаний по поводу утраченной любви, и вестником вновь вспыхнувшего чувства.

Звуковое начало и сущность человеческой души тесно связаны в лирике Тютчева. Гармония созвучий проникает в душу и живет в ней до тех пор, пока не происходит повторение событий, воспоминание о них. Таким образом, «происходит общение двух разделенных временем сторон одного «я», и звук как экспрессивный импульс делает его возможным».¹ Свою реализацию звук получает в любом звуковом начале, которое поэт считает близким для себя. Это могут быть «музыкальные видения», рожденные в душе поэта звуками «знакомого голоса» («Графине Е.П. Растопчиной», <178>), свист ветра, разбудивший душу («Как жадно мир души ночной // Внимает повести любимой!» <94>). Таинственная сила звука помогает душе освободиться от угнетенного состояния,

---

¹Мурашов, А.А. Душа поэта и ее выражение в слове. Ф.И. Тютчев // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века. – Москва, 1997. – С. 108.

«живая душа» женщины, исполняющей песню, ощущается в ее мелодии:

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствует в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...
Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...
По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки – душу живу,
В них вашу душу слышим мы. <329>

Звук и душа сливаются в одно целое: звуки музыки настолько проникают в душу, что сама она приобретает качества, позволяющие ей звучать (человек слышит не звуки, а душу в них).

Семантическое богатство лексемы *звук* в поэзии Тютчева позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, многообразны способы проявления звука. Издаваемый звук может выражать не только реальное звучание, например, пение птиц, игру на музыкальных инструментах, речь, но и метафорическое «звучание». Тем самым к звуковому восприятию подключаются эмоции, память чувств, представление о прекрасном. Звуковая семантика в таком случае приглушается, а на первый план выдвигается эмоциональное значение (звуки – отголоски прошлых событий, звуки прекрасного, звуки сна, звуки души), либо философское значение (звуки – жизнь, их угасание – отсутствие жизни). Во-вторых, многообразны сферы проявления звука. У Тютчева это небесные и земные звуки, дневные и ночные, звуки природы и человеческой жизни, звуки прошлого и настоящего. У него часто зыбка грань между наличием и отсутствием звуков, сферами их распространения. Таким образом, лексема *звук* как общее слово для выражения любых звуковых ощущений представлена в тютчевской поэзии семантически широко. Несмотря на то, что лексема, как отмечено выше, функционирует чаще всего в своем основном для языка значении, в поэтиче-

ском тексте, пронизанном семантическими ассоциациями, она наделается символическими наслоениями, которые, безусловно, необходимо учитывать при составлении словарной статьи. Выявим систему ее символических и метафорических значений, которые могут быть отражены в «Полном поэтическом словаре» в следующих дефинициях: 1. Символическое обозначение жизни. 2. Символическое обозначение прекрасного, возвышенного. 3. Символическое обозначение хаоса. 4. Символическое обозначение прошлых событий, любовных переживаний. 5. Речь народа, русский язык.

Рассмотрим семантику лексем *звон* (7) и *шум* (15), выражающих противоположные оттенки звука. Звон в поэтических контекстах Тютчева бывает двух видов. С одной стороны, это легкий мелодичный звук музыкальных инструментов (арфы): «воздушной арфы легкий звон» <26>, «арфы твоей звон» <38>, «чудный звон затрепетал в струне» <99>, с другой – это звон церковных колоколов, благовест: «благовестный звон» <156>, «далекий колокольный звон» <30>, «звон меди православной» <334>, «звон, литии, псалмопения святогорские» <377>. Семантика лексемы в целом не выходит за пределы словарного толкования («звуки, образуемые чем-либо металлическим, стеклянным»)¹, но контекст наделяет ее дополнительными семантическими смыслами. Звон арфы символизирует у Тютчева душевную гармонию («Проблеск», <7>), жизнь, оживление после сна («Арфа скальда», <99>). Чудный звон проснувшейся арфы напоминает поэту о былом – о давно минувших песнях «сладострастных дев», ее звуки сравниваются с бредом потревоженной во сне души:

Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне. <99>

Колокольный звон (благовест) употребляется в трех символических смыслах: звон перед началом церковной службы:

И с колокольни одинокой

¹Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. – Т. 4. – 1955. – С. 1153.

Разнесся благовест протяжный и глухой... <10>
звон – весть о наступлении святого дня «православного Востока»,
о Воскресении:

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень! <348>
Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласился! <156>

звон – предвестник важных, значительных событий:
Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты –
И звоном меди православной
Все огласились высоты. <334>

Если звуки арфы получают у Тютчева личную значимость, становясь символом душевной гармонии человека, то колокольный звон приобретает общемировое значение, масштабность. Он символизирует наступление важных исторических событий (например, в стихотворении «Над русской Вильной стародавней» <334> таковым является Польское восстание), событий, имеющих общечеловеческую значимость (Святое Воскресение). Часто колокольный звон ассоциируется с ожиданием тех или иных событий. Общее ощущение затягивания времени передается при помощи звукового фона, в который, наряду со звоном колокола, вкрапляются и другие звуки (шелест «звучных» листьев, шум от стаи журавлиной):

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, -
И в звучных листьях замер он... <30>

Замедление времени передается здесь и при помощи зрительных образов («море вешнее в разливе», «светлея, не колыхнет день», «молчаливей ложится по долине тень»). Семантика ожидания уточняется синтагмой «далекий колокольный звон» («колокол далекий» <10>), где в прилагательном *далекий* одновременно сочетаются два значения (пространственное и временное): «находящийся на большом расстоянии» и «отделенный большим проме-

жутком времени». Колокольный звон возвещает, призывает прислушаться к голосу Вечности:

Прохожий слушает, - и колокол далекий

С последним шумом дня сливает голос свой. <10>

Звуки колокола сливаются со звуками природы, растворяются в них.

Если звон включается в ряд звуков, обозначающих мелодическое, гармоничное звучание, то шум – нетоновых, негармонических. В поэзии Тютчева семантика лексемы *шум* необычайно широка. Базируясь вокруг отмеченного в словарном значении лексемы компонента «нестройное, громкое звучание», она расширяется и обогащается в контексте поэтических стихотворений. Шум у Тютчева функционирует в различных сферах: природа, человек. Он может быть дневным («шум дня») и ночным, может выражать звуки неодушевленных предметов или человеческую речь. Но независимо от сферы распространения или способов выражения шум всегда представлен как динамическое явление. Поэтому нередко он вовлекается в один семантический ряд со словами, выражающими развивающееся движение, действие. Так, в стихотворении «Весенняя гроза» словосочетания, обозначающие развитие грозы (*гром грохочет, гремят раскаты, пыль летит, поток бежит, не молкнет птичий гам*), усиливают семантику лексемы *шум* (*шум нагорный*). В тютчевском поэтическом идиолекте шум в природе является непременным атрибутом грозы, ее начала или развития («Как в стае диких птиц перед грозой, // Тревожней шум, разноголосней крики» <168>). Неоднократное повторение, соединение в звуковой картине разных по характеру звуков позволяет поэту создавать выразительную динамическую картину («Сей шум, движенье, говор, крики // Младого пламенного дня» <106>).

Наряду с динамичностью важным признаком шума является его тональность. Шум у Тютчева всегда неприятный, раздражающий, «дикий, заунывный» <158>, «нескромный» <91>, «пронзительный» <106>, символизирующий «нестройное звучание». При чем такое эмоционально-субъективное отношение поэта к шуму более всего характерно для дневных звуков, выражающих человеческую речь. Лексема *шум*, используемая обычно для изображения

дневных звуков, актуализирует одно из словарных значений – «брань, крики, скандал», которое наделяется в контексте добавочным оттенком, – «то, что отталкивает, мешает, что противостоит возвышенному»:

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня! <106>

Шум в природе, также иногда «дикий, заунывный», выражает, напротив, всеобщее веселье в природе («И гам лесной, и шум нагорный – // Все вторит весело громам» <36>). «Дикие, заунывные» шумные звуки природы благодатны для поэта, например, шум «родных елей» («Какою сладостною думой // Его обворожали ум!» <158>), шум волн <37>, шум дождя <258>, шум рос и прохлад («Какие росы и прохлады // Оттуда с шумом льются к нам!» <240>). Однако Тютчев все же большее предпочтение отдает ночным звукам («О ночь, ночь, где твои покровы, // Твой тихий сумрак и роса!..» <106>), хотя иногда они раздражают его, мешают ему «слиться с беспредельным» («Их оглушит наружный шум, // Дневные разгонят лучи, - // Внимай их пенью – и молчи!..» <73>).

Столь характерное для Тютчева неприятие шума способствует развитию в его поэзии частого перехода от шума к молчанию (сну):

Затих повсюду шум и гам
И воцарилось молчанье... <50>
Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум. <155>

Поэт любит сталкивать разнородные звуки, например, шум – звон:

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, -
И в звучных листьях замер он... <30>

Лексема *шум* здесь, возможно, несколько трансформирует свое лексическое значение, приобретая наряду с основными признаками «громкие, нетоновые звуки» признак звучности, мелодичности.

Причем, признак громкости отходит на второй план (ср. звон – шум веет тихо). Здесь же снова наблюдается постепенный переход от шума к молчанию (растворение в «звучных» листьях). В поэтических контекстах есть аналогичное соотношение звуков (шум дня – голос колокола):

Прохожий слушает, - и колокол далекий

С последним шумом дня сливает голос свой. <10>

Итак, лексема *шум* в поэтических контекстах Тютчева реализует следующие значения:

1. Звуки, слившиеся в нестройное, обычно громкое звучание.
2. Звуки дня, отталкивающие, мешающие, противостоящие возвышенному.
3. Звуки природы.
4. Звонкий, мелодичный звук.

Рассмотрение семантики лексем со значением звука, наиболее частотных в количественном отношении в поэтическом идиолекте Тютчева, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, использование звуков и их символика играют большую роль в построении тютчевского сюжета. Ее значимость определяется отраженной в ней авторской концепцией мира. Во-вторых, своеобразие тютчевского словоупотребления в сфере лексем-звукообозначений проявляется в том, что узувальное значение слова чаще всего не вытесняется совсем, а либо перестает доминировать в слове, отодвигаясь на второй план, либо претерпевает контекстуальную семантическую трансформацию, наделяясь добавочными семантическими наслоениями. Отмеченная особенность семантики поэтического слова является ведущей в поэзии Тютчева и, безусловно, важной при создании словаря его поэтического языка.

Аникеева Т. В.,
соискатель 3-го курса кафедры
истории русской литературы
Санкт-Петербургского
государственного университета
г. Санкт-Петербург

Параллелизмы «человек-природа» в творчестве Ф.И. Тютчева

Поэтическое наследие Тютчева еще с конца XIX в. стало восприниматься как единый текст. В последние десятилетия «Тютчевский текст» неоднократно описывался в научной литературе как специфический мир поэта. При этом неоднократно отмечалось, что одной из важнейших и неотъемлемых составляющих универсума Тютчева является природная среда. Занимаясь исследованием его творчества, будь то философско-религиозные аспекты или вопросы поэтики, невозможно обойти тему природы. Центром внимания моей работы является часто используемый Тютчевым художественный прием, который может быть определен как *параллелизм «человек-природа»*.

Специфичность сопоставления образов природной среды и образов, относящихся к жизнедеятельности человека, в поэзии Тютчева ощущали почти все исследователи, занимавшиеся его творчеством, однако суть явления называлась и определялась ими по-разному. Так, В.С. Соловьев, одним из первых обратившийся к изучению творчества Тютчева (его работа появилась в 1889 г.), считал основой тютчевской лирики «совершенное воспроизведение физических явлений как состояний и действий живой души».¹ В.Я. Брюсов во вступительной статье к собранию сочинений Тютчева 1912 г. «проведение полной параллели между явлениями природы и состояниями души» назвал специфически тютчевским

---

¹Соловьев, В.С. Поэзия Тютчева // Наше наследие. - 1988. - №2. - С. 86.

приемом, отличительной особенностью его лирики.¹ Д.С. Дарский в книге о Тютчеве 1914 г. отметил, что «параллелизмы между явлениями природы и состояниями души были у поэта не приемами творчества только, но основывались на уверенности в глубочайшем тождестве обеих форм бытия».² Об этом художественном приеме не раз писали и исследователи творчества Тютчева советского времени. Д.Д. Благой, в частности, указал на то, что параллельное отождествление совершаемого в природе, и того, что происходит в душе человека, связано у Тютчева с уничтожением и стиранием между ними грани.³ Б.Я. Бухштаб, рассматривая сопоставления и противопоставления мира природы и мира человека в тютчевской лирике, употребляет слово «аналогия», которая обычно движется «от природы к душе, от образа к его символическому смыслу».⁴

Ставший актуальным уже на первом, символистском, этапе исследования творчества Тютчева, вопрос о *параллелизмах «человек-природа»* продолжает привлекать к себе внимание и в современном тютчеведении. Начиная с В.С. Соловьева, показавшего своеобразие тютчевской метафоричности в восприятии природы, и заканчивая Ю.И. Левиным, открывшим единый архетип тютчевского универсума⁵, исследователи приходят к мысли о глубокой взаимосвязанности, всего, что является предметом изображения в поэзии Тютчева. Прежде всего, это касается мира природы и мира человеческих чувств, ощущений, состояний. Говоря о мифологичности, глобальном изоморфизме и взаимоотраженности всего сущего как главных признаках художественного мира Тютчева, исследователи стремятся к более точному определению данной особенности его мировосприятия, так как описательные характери-

---

¹ Брюсов, В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов, В.Я. Избранные соч. В 2 т. - М., 1955. - Т. 2. - С. 223.

² Дарский, Д. С. «Чудесные вымыслы»: о космическом сознании в лирике Тютчева. - М., 1914. - С. 94.

³ Благой, Д. Д. Гениальный русский лирик (Ф.И. Тютчев) // Литература и действительность. - М., 1959. - С. 447.

⁴ Бухштаб, Б. Я. Тютчев // Бухштаб, Б. Я. Русские поэты. - Л., 1970. - С. 39.

⁵ Левин, Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник. - Таллинн, 1990. - С. 142-199.

ки уже представляются недостаточными. Ряд других исследований, на которые я буду ссылаться в ходе своей работы, в целом не меняет общей картины: вопрос о *параллелизмах* в поэзии Тютчева на сегодняшний день остается открытым. Единого определения этого столь важного в тютчевской поэтике приема не существует. Отсутствует и детальное описание его структурных особенностей.

Настоящая работа не ставит своей целью исчерпывающее раскрытие поставленной проблемы. Для точного определения специфики тютчевского сопоставления человека и природы необходимо, во-первых, сравнительный анализ с аналогичными приемами в текстах других поэтов (в первую очередь – романтиков); во-вторых, более пристальное изучение конкретного стихового материала – непосредственно тютчевских текстов. Я делаю попытку охарактеризовать ряд устойчивых типов тютчевских параллелизмов, поскольку по своей структуре они неоднородны.

Рассмотрев все стихотворения Тютчева (включая политические и переводные) с точки зрения наличия и использования в них *параллелизмов «человек-природа»*, я обнаружила 101 текст, содержащий подобного рода употребления. Точность этой цифры может быть подвергнута сомнению, поскольку вполне возможны случаи «открытия» новых *параллелизмов*: ведь еще В. Я. Брюсов отметил, что помимо стихов, содержащих легко вскрываемые *параллелизмы* («Слезы людские...», «Фонтан»), у Тютчева второй член сравнения иногда оказывается опущенным. Перед нами только образ из мира природы; и читателю необходимо угадать, что именно соответствует этому образу в человеческом мире (см., например, стихотворение «Что ты клонишь над водами?...»).

Сопоставления *человеческого и природного* в поэзии Тютчева встречаются в стихотворениях любой тематики, в том числе и политических. Параллельные конструкции *«человек-природа»* могут быть у Тютчева очень краткими, составлять одну строфу или строку, вплоть до одного словосочетания или даже слова («Чьи-то грозные зеницы / Загорались порой»).¹ Анализ подобных параллелизмов требует работы значительного большего объема, чем по-

---

¹Тютчев, Ф.И. Полное собрание сочинений. - Л., 1987. - С. 55 (далее сноски на это издание даются в тексте в скобках).

зволюют рамки настоящей статьи, поэтому я остановлюсь лишь на тех стихотворениях, которые целиком построены по принципу параллелизма (всего 41 текст).

Такие стихотворения могут быть разделены на 4 группы.

Первый тип представляет собой «двухчастные композиции» (использую удачное определение Е.А. Маймина).¹ Подобные стихотворения достаточно легко выделяются в обособленную группу за счет их главного структурного признака – наличия двух частей, одна из которых повествует о чем-то *«природном»*, другая – о *«человеческом»*. Как правило, эти части совпадают со строфическим делением текста. Дополняя друг друга, давая возможность сопоставления, различные образные и содержательные ряды обеих частей позволяют глубоко воспринять и прочувствовать описываемое явление или мысль. Е.А. Маймин считает, что сама структура двухчастных композиций Тютчева, основанная на сопоставлении факта из мира человеческого с фактом из мира природы, приводит к своеобразной «мифологизации конкретного психологического факта».² Мифологизация заключается в том, что наблюдение, относящееся к области человеческой жизни, «как бы приобретает все черты истинности, наполняется всеобщим философским содержанием».³ И.В. Козлик следующим образом описывает данный тип стихотворений: природа и внутренний мир человека предстают как два предмета художественного познания – картине природы посвящена первая строфа, человеческой душе – вторая. Функции образов природы в первой и второй строфе различны: в первой – реальные явления внешнего мира, во второй – символы определенных процессов, происходящих во внутреннем мире субъекта речи.⁴

Приведу пример. В стихотворении «Еще земли печален вид...» первая строфа полностью представляет собой описание состояния в природе. Тютчев уловил и запечатлел тонкий переход-

---

¹ Маймин, Е.А. Философская лирика Тютчева // Маймин, Е.А. Русская философская поэзия. - М., 1976. - С. 164.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Козлик, И. В. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева. - Ивано-Франковск – Коломыя, 1997. - С. 63.

ный момент не просто от весны к зиме, но от *предчувствия*, *предощущения* весны (причем переживаемой самой природой, а не лирическим героем) к ее полноценному наступлению. Второе четверостишие первой строфы содержит одушевление – вся природа в целом рисуется как человек, который, находясь в состоянии на грани сна и пробуждения, чувствует или слышит что-то приятное для себя, ожидающее его после просыпания, и, предвкушая, находясь еще во сне, улыбается этому. За счет этого одушевления данная зарисовка природной жизни становится более объемной, а следующая за этим вторая строфа полностью переключает стихотворение в сферу человеческого бытия: «Душа, душа, спала и ты...» (137). Так к описанным вариантам *сна* - зимнего сна природы, утренней полудремы человека - прибавляется *сон души*; выражаясь современным языком, апатичное существование, когда человек живет обыденной повседневной жизнью, в которой нет внутреннего развития, а все чувства и ощущения притупляются. Таким образом, темой стихотворения становится изображение момента предвкушения, грядущего изменения существующего состояния: и человек, и природа застигнуты взглядом художника на пороге чего-то нового и обновляющего. Последние строки подчеркивают равноправие и сосуществование двух миров – человеческого и природного: «Или весенняя то нега? / Или то женская любовь?..» (137).

А вот другой пример. В стихотворении «Фонтан» обе составляющие его части связаны единым замыслом. Речь вроде бы идет вовсе не о фонтане: дано аллегорическое изображение человеческого стремления к познанию, причем для этого Тютчев использует устойчивую аллгорию, известную еще с XVII века. Однако само изображение фонтана не является только аллегоричным, так как оно создано предметно и зримо, оно и связано, и автономно, «это не только мир подчиненный, но и мир в себе»¹: «...облаком живым / Фонтан сияющий клубится; / Как пламенеет, как дробится / Его на солнце влажный дым» (134).

Всего мной было обнаружено семь двухчастных стихотворений-параллелизмов (полный перечень располагается в конце статьи как приложение).

---

¹ Маймин, Е. А. Философская лирика Тютчева. - С. 164.

Во втором типе стихотворений-параллелизмов сопоставление «человеческого» и «природного» происходит в конце стихотворения, в самых последних его строках, неожиданно переключая повествование в иную плоскость. За счет этого весь предыдущий текст переосмысливается, что позволяет Тютчеву выйти на более высокий уровень обобщения. Таково, например, стихотворение «Осенний вечер», которое представляет собой описание вечера ранней осени. Однако последние его строки придают изображаемой картине природы новый смысл: «...и на всем / Та кроткая улыбка увяданья, / Что в существе разумном мы зовем / Божественной стыдливостью страданья» (110). Еще присутствующие, но уже ускользающие последние тепло и ясность перед долгой беспробудной зимой и улыбка измученной человеческой души – по Тютчеву, одно и то же.

В стихотворении «Русской женщине» мы встречаемся с обратной ситуацией – основную его часть занимает описание человеческого, а не природного бытия: полторы строфы рассказывают о печальной, но при этом достаточно обычной судьбе русской крестьянки: «Вдали от жизни и любви / Мелькнут твои молодые годы, / Живые помертвляют чувства...» (153). Первоначально тема воспринимается как вполне конкретная, узкая и даже не лишенная социального подтекста. Однако последние три строки выводят ее за пределы описываемого пространства, наполняя философским смыслом за счет сопоставления с природным образом: «И жизнь твоя пройдет незрима... / Как исчезает облак дыма / На небе тусклом и туманном, / В осенней беспредельной мгле...» (153).

Две строфы стихотворения «Как неожиданно и ярко...» (14 строк) представляют собой описание радуги, создают зримую картину, стихотворный пейзаж. Правда, Тютчев дважды вводит мотив непостоянства («минутное торжество», «дано нам на мгновенье»), но только в самом финале (2 строки) пейзаж переключается во всеобъемлющее философское обобщение. Написанное 5 августа 1865 г., на следующий день после годовщины смерти Елены Николаевны Денисьевой, это стихотворение является своеобразным продолжением другого текста - «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (дата написания 3 августа 1865 г.), содержащего в себе крик

одинокое человеческого существа в безразличной к нему вселенной, вопрос и одновременно с этим страстную мольбу: «Ангел мой, где б души не витали, / Ангел мой, ты видишь ли меня?» (222). Затем, в «день молитвы и печали» 4-го августа – молчание, а вслед за этим мрачный итог того, что было пережито и прочувствованно за прошедший день, категорическое «нет» на выражаемую накануне зыбкую надежду соединения и гармонии: «Ушло, как то уйдет всецело, / Чем ты и дышишь и живешь» (223). Этот пример – один из вариантов реализации тютчевской мысли о невозможности преодоления страданий человеческого «Я», выражаемой во многих стихотворениях («Смотри, как на речном просторе...», «Проблеск» и др.). Для Тютчева смерть являет собой безусловный конец индивидуального существования. Для него соединение с умершей возлюбленной невозможно ни в каком из миров, ни в какой из философско-религиозных систем, все вокруг непостоянно, гармония недостижима. Таким образом, стихотворение, описывающее появление радуги после дождя, за счет двух последних строк перерастает в личную трагедию поэта и в трагедию человеческого существования вообще.

Стихотворений, содержащих обобщенно-философское заключение, у Тютчева четырнадцать; в их числе: «Здесь, где так вяло свод небесный...»; «Через ливонские я проезжал поля...»; «Вечер мгlistый и ненастный...» и др.

Третий тип *параллелизмов* включает в себя стихотворения, в которых слияние «*природного*» и «*человеческого*» визуально осуществляется более тесно – образы двух миров соседствуют в пределах одной строфы или даже строки, как, например: «Дума за думой, волна за волной... / В сердце ли тесном, в безбрежном ли море, / Здесь в заключении, там – на просторе...» (179). Оба параллельных образных ряда («*природное*», «*человеческое*») самостоятельны и в то же время несамостоятельны. Эти ряды взаимосвязаны контекстуально, как и в уже рассмотренных стихотворениях – двухчастных параллелизмах, различие здесь только в композиционном построении. Данная взаимосвязь приводит к тому, что образы из мира природы допускают двойное восприятие и толкование: они осознаются и в прямом их значении, и в соотнесенности с че-

ловеческим бытием. С.Л. Франк отмечал, что особое, «специфически тютчевское», одушевление природы коренилось в глубинном уровне мировосприятия поэтом жизни.¹ С одной стороны, сама природа передается Тютчевым не как мертвый материал, который повинуется воле художника, а как комплекс живых сил, страстей, чувств. С другой стороны, душевная жизнь человека также ощущалась Тютчевым как область некоего объективного, космического бытия. Отсюда томление девушки представляется поэтом как процесс сгущения атмосферы перед грозой, а любовь «на склоне дней» – как вечерняя заря на уже потухшем небе. «Все это у Тютчева не "образы", не символические приемы выражения душевных настроений, а восприятие их подлинной космической природы <...>. Таким образом, Тютчева, по сути, везде и всегда интересует только объект, природа, мир».²

Анализируя стихотворение «В душном воздухе молчанье...», Е.А. Маймин показывает, что невозможно однозначно определить, является ли метафорой вопрос: «Иль то капли дождевые / Зачинающей грозы?» (124). Читателем воспринимаются сразу оба возможных смысла. «Это делает поэтическое слово предельно заполненным, объемным, как бы с внутренней перспективой».³ С этим согласуется и высказывание Д.Д. Благого: «...картина грозы в природе очеловечена, образ девы "оприроднен" <...>, причем всем этим достигнута не только высокая художественная выразительность, но и – пластически, в ярких наглядных образах – подсказывается <...> философская мысль о целостности мира, о единстве человека и природы».⁴

В стихотворении «Люблю глаза твои, мой друг...» осуществляется сопоставление человеческого взгляда с огненной стихией: «Люблю глаза твои, мой друг, / С игрой их пламенно-чудесной... / Глаза, потупленные ниц... / Угрюмый, тусклый огонь желанья» (137-138). Глаза, сверкающие мгновением и ярким, словно вспышка молнии, кокетством, и глаза, «опущенные ниц» - это не просто

---

¹Франк, С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. - 1913. - №11. - С. 10.

²Там же.

³Маймин, Е. А. Философская лирика Тютчева. - С. 163.

⁴Благой, Д. Д. Гениальный русский лирик (Ф.И. Тютчев). - С. 447.

два разных взгляда женщины, это разные настроения, состояния, два варианта или две стадии любовных отношений. Однако, по сути своей, и то, и другое – любовь, равно как и «пламенно-чудесная игра», блеск молнии и «угрюмый, тусклый огонь» - разные проявления одной стихии - *огня*. Это сопоставление (*взгляд-огонь*) наполняется еще более глубоким смыслом за счет проявляющейся глобальной оппозиции «*верх-низ*»: в первой строфе: «приподнимешь», «небесная», во второй: «потупленные ниц».

Всего у Тютчева восемь стихотворений подобного типа: «Дума за думой, волна за волной...», «В душном воздуха молчанье...», «Слезы людские, о слезы людские...», «Последняя любовь» и др.

Четвертая группа стихотворений содержит наиболее интересный и необычный тип *параллелизмов* в тютчевской поэзии. Глубокая и точная характеристика этого типа была дана Б. М. Козыревым, увидевшим в таких стихотворениях реализацию особого принципа, определенного им как «поэтизация семантики».¹ Б.М. Козырев показывает, что тот же самый принцип лежит в основе употребления Тютчевым отдельных слов. Суть его заключается в использовании в узловых пунктах стихотворения таких слов, которые в данном контексте могут иметь два или более значений. Каждое из значений по отдельности доступно четкому определению, то есть эффект заключается не в «расплывании» смысла слова, а в «вибрации» смысла между двумя его точными значениями. Все значения влекут за собой свой ряд ассоциаций, причем «эти ряды, пересекаясь и взаимодействуя, обогащаются и усиливаются как бы вследствие резонанса между ними».² Так, в строке «Разоблаченная с утра, / Сияет Белая Гора...» три смысла: полуметафорический (раздетая гора), чисто метафорический (лишенная тайны), реализующий корневую семантику (очистившаяся от облаков)). Подобную «вибрацию» смысла может являть собой целое стихотворение: например, «Ты, волна моя морская...». «Волна морская» - изобраа-

---

¹Козырев, Б. М. Письма о Тютчева // Ф. И. Тютчев. Кн. 1. - М., 1988. - С. 78. - (Лит. наследство. Т. 97).

² Там же.

жение любимой Тютчевым водной стихии, олицетворение движения и жизни – «Как, покоясь иль играя, / Чудной жизни ты полна...» (183). Море, волна – это субстанция, находящаяся в непрерывном изменении, то буйная, то спокойная, то угрюмая, то светлая, она не бывает одинаковой, не бывает застывшей и остановившейся. Противопоставление «*движение – остановка*» вообще очень характерно для Тютчева. Эта оппозиция является одной из основных в его художественном мире. Не случайно *зиме* с ее застывшим временем и пространством Тютчев всегда противопоставляет *весну* – время перемен, а не *лето* – период устойчивый и лишенный динамики, хотя в целом и радостный (за исключением тех случаев, когда в образе *лета* на первый план выходит *зной* как явление, оцениваемое Тютчевым резко негативно). «Чудная жизнь» волны есть ее вечное движение, то есть *Непостоянство*. Это слово мы видим и в эпиграфе стихотворения – «*Mobile comme l'onde*» («Непостоянная, как волна»). Б.М. Козырев заметил, что эпиграф может быть отнесен скорее к женщине, чем к волне («КАК волна», но не сама волна). Рассмотренное с такой позиции, стихотворение рисует своеобразный женский образ: «Сладок мне твой тихий шепот, / Полный ласки и любви... / Не кольцо, как дар заветный / Взыбь твою я опустил...» (183). Любовь между мужчиной и женщиной для Тютчева – это «поединок роковой», и этот мотив звучит в конце стихотворения: «Нет – в минуту роковую / Тайной прелестью влеком, / Душу, душу я живую / Схоронил на дне твоём» (183). Таким образом, в этом стихотворении «символически слиты воедино две темы: тема морской волны и тема женщины»¹, подсвеченные общим философским мотивом вечного обновления, способности изменяться как основного признака жизни.

Стихотворение «Что ты клонишь над водами...» (123) также на первый взгляд является пейзажной зарисовкой: ветви плакучей ивы, склонившиеся к сверкающей на солнце воде ветви, - зрительно красивый и выразительный образ, но за этим встает сначала фольклорный образ обиженной, не выданной замуж, девушки, а

---

¹Там же. С. 84.

затем - более глубокая идея жизни-движения, которая проходит мимо, не давая возможности стать ее частью.

То же равноправие нескольких смыслов, создающее «вибрацию» между ними, обнаруживается и в стихотворениях: «Конь морской», «Яркий снег сиял в долине...», «Море и утес», «Молчит сомнительно Восток...» и др.

Остановлюсь на еще одной существенной особенности тютчевских параллелизмов. Речь идет об одушевлении, когда что-либо в природе сопоставляется с *физическим* обликом человека, животного или божества, неодушевленная природа наделяется антропоморфными чертами. Одушевление природного явления или процесса, может реализовываться у Тютчева как «очеловечивание» или «обожествление». В первом случае чему-либо из природной сферы, соответственно, неодушевленному, приписываются признаки или действия живого существа: «Солнце смотрит на поля... / Принахмурилась земля...» (153), «Словно тяжкие ресницы / Подымались над землею, / И сквозь беглые зарницы / Чьи-то грозные зеницы / Загорались порою...» (179). Последний пример уже пограничный: хотя грозное небо определено через черты человеческого лица – ресницы, глаза – по сути, здесь описано проявление божества грозы. Тютчев может и непосредственно открывать в каком-либо явлении природы его высшую, «божественную» или «демоническую» сущность, что может выражаться через мифологические образы: «И сам теперь великий Пан / В пещере нимф спокойно дремлет» (82), «Как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой» (223).

Следует сказать еще об одном распространенном у Тютчева приеме, обладающем большой силой художественного воздействия. Природные составляющие могут переходить, вливаться в человека, в результате чего происходит смешение человеческого тела с телом природы, и они становятся единым целым: «Во взорах небо ликовало...» («Восток белел. Ладья катилась...» (122), «Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло!» (71).

Рассмотрим этот прием более подробно на примере стихотворения «Сей день, я помню, для меня...» (113). Первые строки этого стихотворения задают тему, используя прием каламбура:

«Сей день, я помню, для меня / Был утром жизненного дня» - начало новой жизни соотнесено с утренним пробуждением природы. Данное вслед за этим описание женщины состоит из, казалось бы, заштампованных сравнений – «Вздыхалась грудь ее волной... / Алели щеки, как заря...». Однако в следующей строке, наоборот, дается яркое, необычное сравнение, которое возвращает читателя к началу стихотворения и напоминает, что перед нами – рождение нового дня, новой жизни: «И вдруг, как солнце молодое, / Любви признание золотое / Исторглось из груди ея...». Таким образом, предыдущие сравнения последовательно работают на создание одной картины, а не являются просто избитыми метафорами. Признание в любви вырвалось из самой глубины женского существа, как солнце восходит из вод океана. Оба эти смысла из мира *человеческого* и *природного* слиты воедино в строке «вздыхалась грудь ее волной» - это и волнение человеческого существа (как бы мимоходом идет игра между двумя значениями корня «волн»), и скрытое ожидание, таящееся в волнах предрассветного моря. Раскрасневшиеся щеки не сравниваются, а *становятся* самой зарей, которая разгорается, подготавливая появление солнца: «Все жарче рдея и горя». И последняя строка стихотворения завершает его, возвращая к первоначальному смыслу – как рождение нового дня, произошло рождение новой жизни, нового человека, который впервые видит окружающую его реальность и приветствует ее возгласом одновременно торжествующим и тревожным: «И новый мир увидел я!». Но этот смысл также переносный: ведь на самом деле изображается не рождение человека из утробы матери, а переоценка действительности, появление нового, полностью отличного от предыдущего, восприятия действительности под воздействием чувства любви. Основную мысль этого стихотворения можно сформулировать таким образом: любовь, приходя в жизнь людей, изменяет ее столь сильно, что это сопоставимо с такими грандиозными и космическими событиями, как рождение человека и наступление нового дня в природе.

В заключение еще раз подчеркну, что процесс открывания двойных смыслов и подтекстов в стихотворениях Тютчева, скорее всего, еще не завершен. Даже в тех стихотворениях, где нет явного

сопоставления человека и природы, а дано лишь описание какого-либо явления природы (или описание человеческого чувства, состояния), «ощутимо все то же глубоко поэтическое и вместе с тем философское созерцание поэта, объединяющее природу и человека в одно нерасторжимое целое».¹ Однако уже выявленных на данный момент параллелизмов вполне достаточно для того, чтобы заниматься прояснением их структурных особенностей, изучать различные варианты их реализации в конкретных текстах и таким образом продвигаться на пути исследования этого глубоко своеобразного художественного приема в творчестве Тютчева.

Приложение

Первый тип (7 стихотворений)

«Как над горячею золою...» <1829>, начало 1830-х гг. (104); «Ты зрел его в кругу большого Света...» начало 1830-х гг. (117); «Поток сгустился и темнеет...» начало 1830-х гг. (118); «Фонтан» <1836> (134-135); «Еще земли печален вид...» <1836> (137); «Когда в кругу убийственных забот...» 22 октября 1849 (155); «Лето 1854» август 1854 (187-188).

Второй тип (14 стихотворений)

«14-е декабря 1825» 1826 (72-73); «Здесь, где так вяло свод небесный...» <1829> (86); «Через ливонские я проезжал поля...» начало октября 1830 (110); «Осенний вечер» октябрь 1830 (110); «Еще томлюсь тоской желаний...» 1848 (152); «Вечер мгlistый и ненастный...» <1835> (126); «Русской женщине» 1848 или 1849 (153); «Как дымный столп светлеет в вышине!...» 1848 или 1849 (153); «Обвеян вещею дремотой...» 15 сентября 1850 (167); «В часы, когда бывает...» 1858 (197); «Как неожиданно и ярко...» 5 августа 1865 (223); «К NN» <1829> (84); «Н. И. Кролю» 1863? (212); «Смотри, как на речном просторе...» <1851> (173).

Третий тип (8 стихотворений)

«На древе человечества высоко...» 1832 (121); «В душном воздуха молчанье...» <1835> (124); «Люблю глаза твои, мой друг...» <1836> (137-138); «Слезы людские, о слезы людские...» осень 1849 (155); «Дума за думой, волна за волной...» 14 июля 1851 (179); «Последняя любовь» между серединой 1851 и началом 1854 (186); «О, этот Юг, о, эта Ницца!...» 21 ноября 1864 (214); «Прекрасный день его на Западе исчез...» 11 апреля 1857 (195).

Четвертый тип (12 стихотворений)

«Конь морской» <1830> (107); «Сей день, я помню, для меня...» 1830 (113); «Что ты клонишь над водами...» <1835> (123); «Яркий снег сиял в долине...» <1836> (135); «Смотри, как запад разгорелся...» <1838> (143); «Море и утес»

---

¹ Благой, Д. Д. Гениальный русский лирик (Ф. И. Тютчев). - С. 447.

1848 (152); «Пошли, господь, свою отраду...» июль 1850 (165); «Первый лист» май 1851 (178); «Недаром милосердным богом...» 1851 (182); «Ты волна моя морская...» апрель 1852 (183); «Молчит сомнительно Восток...» 29 июля 1865 (221); «Другу моему Я. П. Полонскому» 30 мая 1865 (221).

Горелая О.Н.,
старший научный сотрудник
ГУК «Брянский государственный
объединенный краеведческий музей»
г. Брянск

Оттенки цвета в «денисьевском цикле» Ф.И. Тютчева

В.Н. Касаткина в статье «Музыка и живопись в стихах Тютчева» замечает: «Тютчев умеет запечатлеть едва уловимые изменения цветов, еле заметные переходы от тьмы к свету и наоборот. Он передает мерцание теней ночью, поблекшие краски сумерек, зыбкий сумрак, ему нравится прозрачность света. У него молодая листва на берегах прозрачна, как дым; осенний день хрустален» [4;235].

Многие исследователи отмечали живописность тютчевской поэзии, но обычно это говорится о природной лирике, а любовная остается в стороне. Из всего многообразия любовной лирики Ф.И. Тютчева мы выбрали для исследования стихотворения, посвященные Елене Александровне Денисьевой. Объясняется выбор тем, что именно «денисьевский цикл» – лучшая, на наш взгляд, часть любовной лирики Тютчева, ее жемчужный венец, в нем проявилась наиболее ярко личность самого поэта. Не все стихотворения цикла содержат указание на какой-либо цвет, поэтому разбор произведений «Не раз ты слышала признание...», «Предопределение», «Чему молилась ты с любовью...», «Две силы есть – две роковые силы...» в работу не вошел.

В ходе работы четко вырисовались несколько направлений исследования:

1. Изменение цветовой палитры от начала цикла к завершающим стихотворениям;
2. Цветовое противопоставление героя и героини;
3. Тема водной стихии и связанные с ней цвета;
4. Противопоставление красок природы душе человека или единение (реже) природы и души.

Все эти подтемы тесно переплетаются, разработка одной совершенно немыслима, если не затрагивать другую, поэтому четкого разделения поставленных проблем в исследовании нет.

Все стихотворения «денисьевского цикла» появились за 18 лет, многие уже после смерти Елены Александровны. Первые произведения, относящиеся к июлю 1850 года, написаны спокойными, нежными, прозрачными красками. В «Как ни дышит полдень знойный...» все наполнено мягким сумраком: «все тихо и темно», «живые благовонья бродят в сумрачной тени», «сладкий сумрак полусонья», «очарованную мглу», «в мерцанье полусвета». Здесь полумрак весь пронизан светом, он живой, он мерцает, переливается. Похожая картина в стихотворении «На Неве». Звездный свет, отражающийся «в легкой зыби невыхских волн» дает переливы синего, лазурного, серебристого. Светлая, но неяркая, спокойная ночь.

Совершенно иное видение мира предстает перед нами в строках августовской зарисовки «Поддыханьем непогоды...». Страшная картина разбушевавшейся стихии завораживает своей красотой – неуправляемой и бурной («Вздувшись, потемнели воды / И подернулись свинцом...»). По сравнению с первыми стихотворениями, где чувство – еще только мечта, греза, даже не чувство еще, а предчувствие, здесь бушует страсть, она вырвалась на свободу, ее уже невозможно остановить. И тихий сумрак, спрятавшийся от знойного полдня, сменяется радужным лучом пасмурно-багрового вечера. Золотой, огненно-красный, пламенный и темная лазурь воды – это уже не описание природной стихии, а описание чувства, распутившегося огневой розой в душе лирического героя.

У Тютчева часто можно провести параллели между произведениями разных лет. Это касается и цветовой палитры. 3 августа 1865 года, через 15 лет, появится стихотворение «Как неожиданно и ярко...». Влажная синева неба на мгновение украшается радугой.

Похожие краски, хотя и более светлые. Но если в первом случае жизнь, красота природы захватывают все своей страстью, не оставляя места размышлениям, то во втором появляется философское осмысление природного явления: все прекрасное – и в природе, и в жизни человека – очень быстро уходит, цвета меркнут, бледнеют, и ничего не остается, кроме душевной пустоты...

Если в первых стихотворениях героиня присутствует еще только на уровне чувства, то в следующих постепенно вырисовывается четкий, яркий образ глубоко чувствующей, искренней, любящей, страдающей женщины. Появляются и сопутствующие ей цвета: «Ты любишь искренно и пламенно» (цвет огня переходит от стихии к человеку, обозначая в данном случае силу чувства героини), от «волшебной, страстной ночи» взора женщины невозможно оторвать душу. Слово «ночь» как будто сразу дает нам ощущение тьмы, черноты как характеристики цвета глаз, однако трудно не согласиться с выводом А.Д. Григорьевой: «...учитывая склонность Тютчева к семантической многоплановости слова, вернее предположить здесь указание не только на цвет, но и на глубину (черный огонь страсти и таинственность, влекущие лирического героя).

Слова «углубленный в тени ресниц ее густой» как будто бы семантически обосновывают метафорическое употребление слова «ночь» (цветовая характеристика), но следующий стих «Как наслажденье утомленный» выдвигает тему «страстной ночи», как бы конкретизируя двойственность метафоры» [3;174]. Но в любом случае эта ночь – вовсе не непроглядный мрак. Как и в предыдущем стихотворении появляется слово «волшебный», там волшебный мир, созданный героем-чародеем, мир любви, явно окрашенный в яркие цвета, сверкающий, здесь – волшебная, страстная ночь, пропитанная огнем...

Как мы видим, продолжается тема пламени и появляется новый эпитет «волшебный». В том случае, если мы принимаем его за характеристику цвета, он вмещает в себя сразу все цвета радуги, сверкая переливами драгоценных камней. Невольно вспоминаются картины М.А. Врубеля, находящиеся, как и стихи Тютчева, на грани живописи и поэзии. Отметим, что связано это многоцветье в основном с героиней.

В это же время в живописи цикла появляется еще два оттенка даже не цвета, а блеска. В стихотворении «Не говори: меня он, как и прежде, любит...», на первый взгляд, выраженных цветов нет, но есть два слова, предполагающие блеск: «нож» (причем «нож в руке его дрожит»), то есть неровный холодный блеск стали и «в слезах» – живой блеск влаги на лице героини.

Таким образом, мы видим расширение количества цветов. Интересен и способ их выражения у Ф.И. Тютчева – зачастую нет цвета как такового, но одним словом вызываются разнообразные цветовые ассоциации.

Постепенно усиливается трагическая нота в звучании «денисьевского цикла». При этом открывается новый аспект в теме огня, света. Как утверждает А.Д. Григорьева, слова-образы огонь, свет, ночь, мрак у Тютчева можно отнести «к устойчивым центрам традиционных семантических комплексов» [3;166]. Это проявилось и в стихотворении «Последняя любовь» (1851 г.), где поэт обращается к образам «зари вечерней», прощального света. Все стихотворение наполнено ало-золотым сиянием заката, теснимого тенью. На западе то вспыхивает, то меркнет свет – «бродит сиянье». Подлинная картина природы и состояние души стареющего человека (образы вечера и зари символизируют определенные возрастные периоды человеческой жизни. «Вечерняя заря, закат – устойчивые поэтические символы старости» [3;166]) сливаются в единое целое. Во второй строфе соединяются два центральных образа – света, пусть и прощального, приглушенного («Сияй, сияй, прощальный свет»), и тени («Полнеба обхватила тень»). В результате впервые звучит в цикле нота безнадежности, пришедшая с пониманием того, что, как бы ни медлил «вечерний день» он не может не смениться мраком.

С этим стихотворением перекликается другое – «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.». Снова образ «гаснущего дня», тихий свет вечера. Но уже во второй строфе мрак становится полным – «Улетел последний отблеск дня». Ушла любимая женщина, унеся с собой свет, ушло очарование...

Тема ушедшего очарования в этом цикле – сквозная. В стихотворении «О, как убийственно мы любим...» в первой же строфе

возникает тема тьмы – «Как в буйной слепоте страстей». Эта слепота губит яркие краски – розы ланит, блеск очей, волшебный взор. Казалось бы, слезы – это тоже блеск (вспомним стихотворение «Не говори: меня он, как и прежде, любит...»), но сейчас уже слезы, обращающие все в пепел, горячая влага все опалила, выжгла. Впервые в этом стихотворении появляется серый цвет – цвет сгоревших надежд, цвет пепла, цвет боли «без отрады и без слез».

И еще один образ приносит с собой новый цвет – образ толпы и сопутствующий ему цвет грязи. В грязь втоптан то, что цвело («волшебный мир») в душе героини. Убиты светлые краски. И последняя строфа, повторяющая первую, замыкает круг – побеждает мрак, «слепота страстей». Но все же это временное настроение, и на смену мрачным, темным краскам снова приходят яркие цвета.

Первая же строка «Ты, волна моя морская...» (апрель 1852 г.) заявляет об основном цвете стихотворения – цвете морской волны. Жизнь волны вызывает восхищение всегда, смеется ли она на солнце («светла») или бьется в одичалой бездне вод («угрюма»). Противопоставление темного и светлого начал природы сглаживается сочетанием «в ночи твоей лазурной», которое делает переход от описания природы к описанию переживаний лирического героя органичным и естественным. Настолько близка и понятна прелесть волн герою, что именно в них, на дне моря хоронит он душу, живую душу любимой. Причем слово «схоронил», скорее всего, имеет значение «спрятал». В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» дает такое толкование: «Хоронить что, прибирать на место, прятать, класть в потаенное место, скрывать вещь или хранить, оберегать» [1;561]. Исходя из этого, заметим, в этом стихотворении нет трагического подтекста, поэт, как и в зарисовке «На Неве» просит волну скрыть то, что ему дорого, от посторонних глаз.

28 июля 1852 года появляется стихотворение, блистающее переливами солнечного света и воды (лазурный, синий), трепетом зеленой листвы на фоне голубого неба; все цветет. А с другой стороны – одна улыбка умиления измученной души героини. В последней строфе снова нет прямого указания на цвет, но есть проблеск света – в светлой улыбке любящей женщины. И этот духов-

ный свет ценнее всего блеска природы. Здесь уже нет единения состояния души и состояния природы, а в дальнейшем разрыв только будет углубляться.

С первыми стихотворениями цикла связаны по смыслу стихи лета 1855 года «Так, в жизни есть мгновения...» и «Пламя рдеет, пламя пышет...». В них как будто возвращается ощущение полета мечты, ощущение счастья. Поэт снова на грани реальности: «Я брожу как бы во сне», «Дремотою обвеян я», мир вокруг него наполнен светом, цветом и звуками: «шумят верхи древесные», «листья веют и шуршат», с ним беседуют птицы и возлюбленная («Страстный говор твой ловлю»). И снова попытка поймать ускользающее время («О, время, погоди!»)... При этом ощущение призрачности счастья усиливается доносящимися цветами и звуками грубого внешнего мира:

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят...

Но пока это краски и звуки фоновые, второго плана. Рядом любимая, ее присутствие несет мир, покой, свет:

Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.

Разрыв почти в десять лет, и произведения, появившиеся уже после смерти Е.А. Денисьевой. И в первый раз тень, тьма связаны с героиней. В стихотворении «Весь день она лежала в забытьи...» «...вторая строка, – как отмечает К.В. Пигарев, – с необыкновенной точностью передает зрительное впечатление от постепенно тускнеющих в умирающем человеке признаков жизни» («И всю ее уж тени покрывали...»[5;241]). А за окном – теплый летний дождь, струи которого весело звучат по листьям. Летняя зелень, скрывающаяся за пеленой дождя, – вот основная краска природы на этот раз. Она ни в коем случае не вступает в противоречие с тенью, лишь подчеркивает ее, усугубляя чувство охватывающей печали, боли.

В том же октябре 1864 г. появилось стихотворение «Утихла биза... Легче дышит...». Совершенно иное цветовое решение. И, как часто бывает у Тютчева, очень резкий контраст между красками природы и души героя. Первые три строфы – описание по-

летнему теплого солнечного женевского дня. Здесь и лазурь воды, белизна лебединых перьев, золото солнечных лучей, пестрота деревьев и в завершение – сияние Белой Горы. Но все это великолепие не может заслонить воспоминание об одной могиле в родном краю. Как мы видим, глубина тьмы усиливается. Смерть уже вступила в свои права.

Последнее из интересующих нас стихотворений 1864 г. – «О, этот юг, о, эта Ницца...». Здесь нет подробного описания пейзажа, но это и не требуется. Контраст слов «блеск» и «прах» и так очень резок. Снова возникает серый цвет, подавляющий все своей безжизненностью...

1865 г. принес много новых болезненных переживаний и новые стихи. Одно из самых сверкающих, но и самых тревожных стихотворений цикла «Как хорошо ты, о море ночное...». Здесь уже не намек на цвет, краски переданы чуть ли не всеми самостоятельными частями речи: прилагательными (контекстуальными антонимами – лучезарно – сизо-темно; лунном, т.е. серебристом, тусклом, даже эпитет чуткие (звезды) дает цветовое ощущение – неровный, мигающий свет), глаголами и глагольными формами (блещет, сверкая), существительными (блеск, сияньем, звезды, сиянье). И снова противопоставление сверкающего праздника природы, стихии – и души, окутанной этим праздником, как сном. Интересно, что если в стихотворении «Ты, волна моя морская...» поэт говорит «душу, душу я живую/Схоронил на дне твоём», то здесь, несмотря на желание потопить всю душу в обаянии волн, самого действия нет, и соединения душ не происходит.

Вслед за этим ярким, насыщенным цветами стихотворением идет непроглядная мгла – «Есть и в моем страдальческом застое...». В настоящем «все пусто и темно», даже проблеску света – слезам и умиленью – нет доступа. Минувшее тоже покрыто мраком, «под землей, как труп, лежит оно». Только два сочетания выбиваются из общего ряда, как полагает А.Д. Григорьева, они «объективно не несут в себе этой гнетущей эмоциональной окраски: легкая (тьма) и солнечные (лучи). Но эта легкая тьма не веет, а мир – без солнечных лучей; отрицания не и без при глаголе и прилагательном превращают положительные признаки в их противопо-

ложность» [3;192]. Яркий цвет в положительном значении только один раз проявляется в стихотворении, когда речь заходит о ней, «Так пламенно, так горячо любившей». Теплый цвет огня любви в памяти героя – единственное, что еще может противостоять мраку настоящего.

В жизни героя не осталось больше света, до конца он будет так одинок, «как буду одинок в своем гробу». Кажется, окончательно все поглощает тьма («15 июля 1865 г.»). Тема ушедшего, угасшего света раскрывается и другими произведениями 1865 г.: «Как неожиданно и ярко...», «Вот бреду я вдоль большой дороги...», «Нет дня, чтобы душа не ныла...».

К.В. Пигарев в книге «Жизнь и творчество Тютчева» отмечает: «Тютчев любит краски, как любит все яркое и живое. Но он мастерски изображает и пейзажи, подернутые туманом и как бы растворяющиеся в бледной монохромной гамме» [5;225]. Такова палитра стихотворения «Опять стою я над Невой...». «Еще больше усиливается ощущение призрачности настоящего и порождаемое этим ощущением колебание между реальностью и сном» [2;133]. Ушла жизнь не только героини, лирический герой тоже уже «как бы живой», поэтому ярким краскам места уже нет («Нет искр в небесной синеве»), все бледно, все замирает в «лунном сиянье», даже отчаянию и связанным с ним краскам нет уже места там, где нет жизни...

Таким образом, как постепенно, от начала к концу цикла, светлые, яркие краски, уступают место тьме, мраку. Если в стихотворениях первых лет темнота побеждает редко, то в последних тема уходящего света, связанного с героиней, становится основной. Необычно то, что пока лирический герой любим, чувствует себя живым, он видит и яркость мира, и мрак, но стоит ему почувствовать себя на грани жизни и смерти («как бы живой»), темнота отступает, сменяясь туманным сиянием. Все сливается, закрывая прошлое пеленой.

На протяжении цикла мы видим не только увеличение количества используемых поэтом красок, но и смену значений слов, обозначающих цвет (например, слово «слезы»).

Отметим, что если с героиней на протяжении всего цикла связаны яркие, светлые краски, сменяющиеся тенью лишь при ее уходе из жизни, то герою почти с самого начала сопутствует мрак, как, например, в стихотворении «О, как убийственно мы любим...» (1851 г.)

В этой статье лишь намечены возможные пути исследования цветовой палитры любовной лирики Тютчева. Проблема, выдвинутая в работе, обширна и нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В.И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 684 с.
2. Грехнев, В.А. [Время и любовь в «денисьевском цикле» Тютчева]//50 комментариев к стихотворениям Ф. Тютчева: Хрестоматия для словесника / сост. В.Ф. Погорельцев. - 2-е изд, испр. и доп. – Брянск : Изд-во БГУ, 2003. – С. 130-134.
3. Григорьева, А.Д. Слово в поэзии Тютчева. – М., 1980. – 248 с.
4. Касаткина, В.Н. Музыка и живопись в стихах Тютчева // Мастерство русских классиков. – М. : Советский писатель, 1969. – С. 219-246.
5. Пигарев, К.В. Жизнь и творчество Тютчева. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.

Головачева О.А.,
доцент кафедры русского языка
Брянского государственного
университета им. И.Г. Петровского
г. Брянск

**О некоторых компонентах смысла
лексемы *странник***

Роман А.Ф. Вельтмана «Странник», стихотворение Ф.И. Тютчева «Пошли, господь, свою отраду...» и повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник» связаны мотивом странничества и сопутствующего ему одиночества.

Согласно толковому словарю *странник* – это «человек, странствующий пешком, обычно на богомолье», слово устаревшее (СО, 1986, 670). Примечательно, что данное значение в полном объеме не реализуется ни в одном из указанных текстов, зато в его смысловой структуре, если рассматривать ее в динамическом аспекте, проявляются такие преобразования, которые выявляют авторскую позицию и способствуют ее восприятию читателем.

В художественном произведении самым ярким средством воздействия выступают лексические единицы, формирующие в совокупности идейно-художественную энергетику текста в целом. К наиболее значимым из них, на наш взгляд, следует обратиться.

Странник Тютчева – лирический герой. Говоря о нем, автор использует только узувальную признаковую и предикатную лексику, с помощью которой отмечает ненужность роскоши и красоты окружающего мира для путника:

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис...

При этом широко введено в контекст отрицание (*не для него; не освежит, недоступную...*), лексемы, включающие смысловые компоненты бесполезности (*напрасно, мимо*), повторы. Таким образом частные значения в систематическом виде постигаются читателем на основе его общеязыковой и культурной составляющей и способствуют выведению того базового, суммарного значения, которое не было определено поэтом в названии, но доминировало на всем текстовом пространстве, о чем свидетельствует и кольцевое построение стихотворения. Авторская позиция концептуализируется в первой и последней строфе:

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой...

Странник Лескова – Иван Северьянович Флягин – герой прозаического произведения, написанного в такой лирической тональности, которая дала право исследователям говорить о поэзии лесковской прозы.

Несмотря на то, что герой - *молитвенный сын*, что жизнь его полна сложными перипетиями, он еще «странствует», даже пребывая в монастыре, всю жизнь совершая какое-то удивительное паломничество к своей больной душе. Если он и странник, то какой-то *странный* – «необычный, непонятный, вызывающий недоумение» (СО, 1986, 670), возможно, вследствие того, что *очарованный*. Эта лексема в словарях представлена по-разному. Согласно лексикографической фиксации протоиерея Г. Дьяченко, *очарованный* – «заклятый, заколдованный, сделавшийся жертвою волшебных чар» (ПЦСС, 2002, 809), а современные словари (СО, ТСУ и др.) отмечают переносное значение – «такой, на кого произвели чарующее впечатление, пребывающий в восхищении, в восторге» (ТСУ, 2001, 3т., 280). Поскольку слово Н.С. Лескова многопланово, то логично предположить контаминацию семантики прямого и переносного значения причастия /прилагательного *очарованный*, что привело к расширительному переосмыслению лексической единицы. При этом автор, рассказывая о «жизни, опытах, мнениях и приключениях» героя, утонченно преподнес читателю свое, индивидуальное запечатление русской языковой картины мира, а у последнего появилась возможность ее расшифровать, опираясь на этнокультурный базис.

Наряду с узуальными лексическими единицами Н.С. Лесков широко вводит в контекст и лексемы, созданные им самим. В ряде случаев они мотивированы, объяснены читателю по ходу текста (*молитвенный / моленный сын, тюбеньковать, подцетинить / подцетинен / подцетиниванье*), например:

- *Извините, пожалуйста, мы не совсем понимаем, что это значит, что вы были **подщетины**?*
- *...после того, как я раз пробовал уходить, а меня поймали... то и сделают... чтобы не ушел: «Мы тебе лучше пятки нарубим и малость щетинки туда пихнем»...повалили меня на землю человек десять и сверх меня сели, а один такой искусник из них в одну минутку мне на подошвах шкурку подрезал да да рубленой коневьей гривы туда засыпал и опять с этой подсыпкой шкурку завернул и стрункой зашил...*

В других синтаксических конструкциях семантика проявляется из контекстуального окружения (*плоть на ногах **взгноилась**, ножки **уносистые**, от кучера шел **кучеренок**, от конюха – **конюшонок**, **конюшенные** люди...*) или выводится из структурного состава слова (*аспидский, всередине, драмокомедия, лакейчонок, отборность, приседывать, противляться, сапожонки, слабодушный, спятиться*). В тексте отмечено новообразование, созданное писателем по типу абракадабры – с запрограммированной «вытянутостью» семантики:

...да и ну на них вслух какие попало незнакомые слова произносить. Кричу как можно громче:

«Парле – бьен – комса - шире – мир - ферфлюхтур – мин – адью – мусью!»

В оригинальном использовании Н.С. Лесковым общекнижной лексики и индивидуально-авторских производных, обогащенных различными коннотациями, читателем с тонким лингвистическим слухом улавливается отношение писателя к быту, нравам, персонажам, жизни – всему тому, что создает широкое полотно художественного текста и отражает его национальную специфику.

Роман А.Ф. Вельтмана «Странник», предшествовавший творениям Ф.И. Тютчева и Н.С. Лескова, представляет собой в структурном отношении симбиоз поэзии и прозы. Его герой - молодой офицер – скорее путешественник по долгу службы, чем странник. Он не испытывает страданий, как герой Лескова, не отказывается от удовольствий подобно тютчевскому пилигриму.

Можно сказать, что он играет, наслаждается жизнью, даже разочарования его непродолжительны. Рассказывая о передвижениях персонажа, наряду с узуальной лексикой Вельтман использует и лексемы, созданные им самим. Эти единицы характерологические, передающие авторскую иронию, например: *вечноунылая* (скука), (сидит) *очаровательно-слаба*, *мысленная* (дева), *хроническо-хронологический* (спор), *односвойственные* (существа) и др.

При этом автор создает новые лексические единицы не только по известным языку моделям, но и предлагает свои, уникальные способы словопроизводства, которые не встречались ни до него, ни после, например:

*Потом выпил я, как водится, и стакан **фе**, ибо данный кофе не стоил и названия **офе**.*

Системе языка известны способы словообразования, при которых из структуры слова удаляется морфема – семантически значимый элемент (распрефиксация, нулевая аффиксация), но чреступенчатое удаление фонемы с последующим поэтапным восстановлением исходного слова - *фе – офе – кофе* - это нововведение русского писателя А.Ф. Вельтман.

Наряду с авторскими новообразованиями в романе прослеживаются и единицы, представляющие интерес своей графической оформленностью:

Мой конь устал, устал и я!

$\Pi \frac{PPPP}{UUUU} !!!$ – молвил Странник

вдруг и спешил.

Довольно, милые друзья,
Своею скачкой вас потешил!

Таким образом, тема человека – странника, весьма актуальная для творчества русских писателей, эксплицируется через лексические единицы различных уровней и позволяет каждому читателю в силу его компетенции сделать свои «семантические наблюдения», которые, по мнению Л.В. Щербы, «могут быть только субъективными» (Щерба, 1957, 28).

Литература

1. Вельтман, А.Ф. Странник. - М. : Наука, 1978. - С. 7-209.
2. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. - М., Отчий дом, 2002.
3. Лесков, Н.С. Очарованный странник – СС в 12 т. - М., Правда, 1989. - Т. 2. - С. 218-337.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1986.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Вече, 2001.
6. Тютчев, Ф.И.. Пошли, господь, свою отраду... : избранное. - М. : Московский рабочий, 1985. - С. 114.
7. Щерба, Л.В. Избранные труды по русскому языку. – М., 1957.

Непомнящий И. Б.,
кандидат филологических наук,
учитель гимназии №1
г. Брянск

**Реминисцентная структура стихотворения
«Хоть я и свил гнездо в долине...»
в системе «горного» цикла Ф.И.Тютчева**

Документальных подтверждений знакомства Тютчева с первой южной поэмой Пушкина, насколько известно, нет, но предположить иное еще менее вероятно. «Кавказский пленник» вышел в свет на рубеже августа и сентября 1822 года; следовательно, Тютчев, выехавший в Германию двумя месяцами ранее, не застал острых споров, развернувшихся в связи с новым пушкинским произведением. Между тем поэма при жизни автора выходила четырежды, и почти наверняка Тютчев знал о ней уже в 1825 году, когда после трехлетнего отсутствия оказался на родине. Как и «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» в полном соответствии с нормами байронической поэмы предлагал читателю пунктирный сюжет, систему авторских отступлений и лирически окрашенные «картины» и «описания».

Показательно, что некоторые пушкинские стихотворения начала двадцатых годов как бы «отпочковались» от поэмы. Так, по свидетельству П. Анненкова, пьеса «Я пережил свои желанья...» «принадлежала целиком поэме, назначаясь... для портрета главного действующего лица. Даже отъятая от нее, она еще носит в рукописи название «Элегия (из поэмы «Кавказ»)».

Отчасти упрощая и схематизируя проблему, эпизоды пушкинской поэмы можно распределить по трем основным сферам. Первая – это лирико-драматические диалоги Пленника и Черкешенки, о недостаточной разработанности которых сожалел еще Вяземский. Далее – этнографические этюды, посвященные быту и нравам горских народов: именно эти страницы произведения сам автор оценивал как «лучшую часть... повести», хотя и «ни с чем не связанную» (письмо к В.П. Горчакову). Наконец, немалое место в «Кавказском пленнике» занимают и собственно пейзажные панорамы, новизна и смелость которых обратили на себя внимание современников.

В отличие от характера главного героя, о котором даже ближний пушкинский круг отзывался как о неполном и «недорисованном», то, что касалось описательной части поэмы, было воспринято благожелательно и даже восторженно – как огромной важно-

сти открытие в русской поэзии. Вот оценка Вяземского: «Все, что принадлежит до живописи в настоящей повести, превосходно»; он же – чуть раньше: «Пушкин, созерцая высоты поэтического Кавказа, поражен был поэзией природы дикой, величественной, поэзией нравов и обыкновений народа грубого, но смелого, воинственного, красивого...» Вот мнение Гоголя: «Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всей душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом...» Позднее П. Анненков обобщил реакцию первых читателей поэмы именно на пушкинские описания: «Величавая картина Кавказа, переданная Пушкиным с такой поэтической верностью и вместе с такой простотой, изумила самих противников его.» Между тем, запечатлевая в поэме картины кавказской природы и быта, сам Пушкин мог лишь в небольшой степени опереться на непосредственные впечатления, личный опыт. Не случайно в черновом тексте «Путешествия в Арзрум» спустя десятилетие он обмолвился: «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо изобразить нравы и природу, виденные мною издали.» По этому поводу В. Кулешов замечает: «Пушкин видел Кавказ мельком. Описание черкесского быта... во многом дано с опорой на воображение, по некоторым приметам, о которых слышал из рассказов очевидцев.» И далее: «Но именно эти сцены произвели огромное впечатление на современников, очень наслышанных о Кавказе, но впервые «увидевших» его в поэме Пушкина...»

Однако вопрос об источниках кавказских сцен представляется куда более сложным, а материал для размышлений по этому поводу был предложен самим автором в примечаниях к поэме. Конечно же, прежде всего речь идет о восьмом примечании, которым Пушкин сопровождает следующее место:

Влачась меж угрюмых скал,
В час ранней утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,

Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.

Но – именно с учетом своего реального содержания – пушкинский комментарий распространяется и на следующий фрагмент (от «Когда с глухим сливаясь гулом...» до «С какой-то радостью внимал...»), где на смену общей грандиозной панораме кавказского хребта приходит конкретизированное описание горной грозы.

Примечание, о котором идет речь, резко выделяется на фоне прочих. Выделяется как существенно большим объемом, так и, главное, общей направленностью. В подавляющем большинстве пушкинские пояснения касаются сфер лингвистики и/или этнографии и лишь иногда затрагивают вопросы военно-исторического плана. Но восьмое примечание к поэме всецело обращено к проблеме эстетической, именно – изображению Кавказа в русской поэтической традиции. Приведены соответствующие фрагменты из «зубовской» оды Державина и послания Жуковского «К Воейкову». Важно: Пушкин не просто упоминает об этих произведениях, что было бы вполне достаточно для тогдашнего читателя, и не только оценивает их: «превосходная ода» – о Державине, «прелестные стихи» – о Жуковском. Автором «Кавказского пленника» в полном объеме воспроизведены отрывки, посвященные кавказской теме. Более того, автор демонстрирует прямую зависимость первой части собственной поэмы от творчества предшественников. Вполне очевидно это по отношению к Жуковскому. Сравним: в послании – «...И в сонме их гигант седой, Как туча, Эльборус двуглавый Ужасною и величавой Там все блистает красотой», в поэме – «...И в их кругу колосс двуглавый, В венце блистая ледяном, Эльбрус огромный, величавый, Белел на небе голубом»; у Жуковского – «Там все является очам Великолепие творенья», у Пушкина – «Великолепные картины!»; в тексте 1814-ого года – «...Где изредка одни елени Орла послышав грозный крик, Теснясь в толпу, Шумят ветвями...»,

в тексте 1822-ого – «Уже приюта между скал Елень испуганный искал; Орлы с утесов подымались И в небесах перекликались...»

Менее прозрачны, но не менее глубоко связи фрагмента поэмы с державинскими строфами. Первое, что воспринимает Пушкин от Державина, - интерес к цветовой гамме. У Державина:

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит...

Пушкинский Кавказ по-державински интенсивен в колористическом отношении: “седые, румяные, синие” горы, блистающий “ледяной венец”, голубое небо. (Кстати сказать, в послании Жуковского краски представлены куда скупее: “голубым” туманом и “седым” Эльбрусом’; они смягчены и не привлекают специального внимания.)

Второй момент, объединяющий Пушкина с Державиным, - мотив горной грозы. И наконец, у того и у другого - исключительный интерес к акустике: в раннем тексте - “...как, с ребр там страшных гор лиясь, Ревут в мрак бездн сердиты реки; Как с чел их с грохотом снега Падут, лежавши целы веки...” и т.д. В более позднем - весьма близкое: “И вдруг на доли дождь и град Из туч сквозь молний извергались; Волнами роя крутизны, сдвигая камни вековые, Текли потоки дождевые...” Сходство ощутимо даже в самом фонетическом рисунке: Пушкин, как бы вослед Державину, предлагает строки, аллитерированные на *г*, *р*, *д*, *т*.

Таким образом, в примечании к поэме автор удостоверяет литературные источники, которые питали его недостаточно долговременные и широкие личные впечатления о Кавказе, демонстрирует, на какие тексты-предшественники он сознательно опирался в разработке кавказской темы, а заодно и дает крайне сжатый экскурс, посвященный традиции в развитии самой этой темы.

Однако функции пушкинского комментария не исчерпываются решением только данной узкой задачи. Читатель поэмы, знакомясь с примечанием, невольно соотносил все три текста, и, может быть, в первую очередь соседствующие отрывки из Державина и Жуковского. Оснований для сопоставления было более чем достаточно, начиная с ключевой вводящей фразы “ты зрел...” и кончая рядом ландшафтных деталей. Но сравнение даже при беглом взгляде должно было с неизбежностью перейти в противопоставление. Каждый из приводимых фрагментов превосходно иллюстрировал специфические свойства каждого из двух великих лириков, а главное - своеобразие поэтических эпох, ими представляемых.

Одические строфы Державина - квинтэссенция того, что принято называть русским барокко XVIII века: бурное великолепие образов и насыщенность звуковыми и колористическими эффектами свидетельствуют сами за себя. Но при этом державинские строки далеки от гармонического благозвучия, в них господствует “какофония” - “неровность слога и неправильность языка”, по позднейшему пушкинскому определению. Чего стоит хотя бы вызывающе антимузыкальные стечения согласных (по-своему, конечно, в высшей степени выразительные) в первой из цитируемых в комментарии строф: “Как с ребр там страшных гор лиясь, Ревут в мрак бездн сердиты реки...” Такой слог на фоне легкого мелодического стиха Жуковского, Батюшкова, даже Карамзина в 20-е годы XIX века уже воспринимается как первобытный, варварский и абсолютно неприемлем. Не гармонизировало стихи и наличие неточной рифмы (“сизо-янтарна - злато- багряна”), нередкой для Державина, но почти не встречающейся в школе Жуковского, и обилие явно разговорных либо устарелых оборотов (“лежавши целы веки”, “кажут вид” и т.п.), и очевидная неупорядоченность синтаксиса. Напротив, воспроизводимые в пушкинском примечании строки из послания “К Воейкову” типичны не только для творчества Жуковского, но и для всей “школы гармонической точности” и показывают бесспорные ее достоинства: эвфоничность, синтаксическую прозрачность, свободу от чрезмерной тропеизации и присущих оде XVIII столетия архаических элементов. Стихи, которыми написана пушкинская поэма, выявляют куда большую ее зависимость от опыта Жуковского.

Это последнее касается и темы - весь “этнографический” пласт в “Кавказском пленнике” преемственно связан с посланием. Но не только темы. Например, подобно Жуковскому, Пушкин отказывается от строгой строфической организации текста и тем самым обретает необходимую для поэмы интонационную раскрепощенность и гибкость. Но важно и иное: цитируя в примечании как Державина, так и Жуковского, сталкивая их, в самом тексте поэмы автор демонстрирует возможность осуществить синтез этих, на первый взгляд несовместимых, начал. Комментарий и есть заявка Пушкина на свою особую роль в сложнейшем процессе поисков такого синтеза.

Все сказанное, думаю, имеет прямое отношение к трактовке некоторых тютчевских пьес, типологически и конкретно-исторически связанных с первыми пушкинскими поэмами. Одна из них - стихотворение 1861 года “Хоть я и свил гнездо в долине...”.

2

Еще в 1928 году Л.В.Пумпянский отмечал наличие в тютчевской лирике своеобразного “горного” “цикла. Действительно, начиная с рубежа 20-30-х годов, в творчестве поэта появляются произведения, непосредственно связанные с темой гор и представляющие собой хрестоматийные образцы романтической лирики: “Утро в горах” (1830), “Снежные горы” (1830), “Альпы” (1830), “Яркий снег сиял в долине...” (1836), “Над виноградными холмами...” (середина 30-х), “Хоть я и свил гнездо в долине...” (1861). Большая часть этих произведений обладает общими признаками. Все они по-тютчевски картинны и лапидарны; во всех - ключевая для понимания основного конфликта цикла оппозиция “гора - долина”; везде - особая статика горного ландшафта, призванная, по-видимому, утвердить мысль о “вечном” и “высшем” начале бытия; почти в каждом представлена световая динамика (смена ночи “просветлевшим Востоком”); наконец, в концовке едва ли не каждого стихотворения - колористический мотив игры солнечного света и лазурного неба с сияющими снежными вершинами:

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,

Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.
    (“Утро в горах”)

...Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой
    (“Снежные горы”)

...И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..
    (“Альпы”)

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..
    (“Яркий снег сиял в долине...”)

Даже в композиции этих пьес чувствуется бесспорное родство: каждая из них двухчастна, что подчеркивается ясным строфическим делением текста либо на четверостишия, либо на так называемые мнимые восьмистишия.

Стихотворения “Хоть я и свил гнездо в долине...” - одно из самых значительных произведений “горного” цикла - этот цикл, по видимому, и замыкает. Мотив возвышенности (холмов, курганов, “голой высоты”) еще не однажды встретится в тютчевской поэзии и после 1861 года, но в пьесах последнего десятилетия он не займет центрального места. В миниатюре 1861 года сосредоточены по существу все главные признаки произведений Тютчева, которые посвящены теме гор: от основной оппозиции “вершина - долина” до строго выверенной дихотомической структуры целого, от романтизированной-христианской установки (порыв “дольного”, смертного человека к Божественному Абсолюту) до характерного колористического финала.

Пожалуй, наиболее близко к данной миниатюре стихотворение середины 30-х годов “Над виноградными холмами...”. В нем также присутствуют и мотив “воздушной струи”, и евангельская ассоциа-

ция в двух заключительных стихах: "...И нечто праздничное веет, Как дней воскресных тишина." Вообще говоря, стихотворение "Хоть я и свил гнездо в долине..." настолько типично для Тютчева, что сама мысль о скрытой в нем реминисцентной структуре может показаться спорной, а то и "крамольной". Однако постановка вопроса о такой структуре, как станет ясно из дальнейшего, вполне правомерна.

Сперва - об очевидном. "Горные" впечатления Тютчева связаны отнюдь не с Кавказом, а с центральной и южной Европой: Германией, Швейцарией, Италией. Ближайшие по времени относятся к периоду пребывания поэта в Германии и Швейцарии летом - осенью 1860 года. Между тем не менее существенно и другое: Тютчев как русский поэт, укорененный не только в западноевропейской, но и в национальной традиции, не мог игнорировать ее опыт в разработке лирической темы (хотя бы в плане языковом). Такое "двойное гражданство", существование на стыке двух традиций, говоря тютчевскими словами, "на пороге как бы двойного бытия", не редкость для многих и многих произведений поэта. Русская же поэзия, предшествовавшая и современная Тютчеву, в связи с "горной" проблематикой в первую очередь располагала кавказскими панорамами Державина, Жуковского, Пушкина, позднее - в 30-е годы - Лермонтова.

Естественно, что образы северных "финских скал" у Боратынского не могли быть востребованы Тютчевым в силу их безусловной чуждости южным ландшафтам. Для относительной полноты картины укажем и на некоторые стихи Н.М. Языкова, также связанные с изображением и восприятием европейского горного ландшафта и написанные в 40-е годы. Вот довольно типичные образцы языковской лирики:

И тесно и душно мне в области гор -
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор...
(“Элегия”, 1843)

Или - уже в иной “Элегии”:

В тени громад снеговершинных,

Суровых, каменных громад
Мне тяжело от дум кручинных...

Ясно, что эмоциональная реакция на горный пейзаж (“тяжело”, “душно”, “давит” и т.п.) здесь противоположна светлому, подлинно праздничному восприятию Тютчева.

Стихотворение “Хоть я и свил гнездо в долине...”, думается, вполне сознательно соотнесено автором с “кавказской” темой в русской поэзии, прежде всего - с некоторыми фрагментами пушкинской поэмы, а через примечание к ней - и с отрывками из Державина и Жуковского. Очевидна близость в ритмико-интонационной организации всех текстов (четырёхстопный ямб с чередованием женских и мужских окончаний), но, безусловно, есть переключки и параллели куда более специфические. Начало второго восьмистишия у Тютчева содержит прямую цитату из “Кавказского пленника”:

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам,-
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!

Перед нами - обобщение ряда элементов из первой части пушкинской поэмы, в первую очередь - практически дословное воспроизведение пушкинской строки из следующего фрагмента:

Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный (...)
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.

Единственное различие - смена третьего лица на первое (*он* на *я*), но оно абсолютно неизбежно при замене объективно-повествовательного плана на субъективно-лирический.

Мысль о цитатной природе тютчевской строки нуждается в пояснениях. У Пушкина стих “Смотрел по целым он часам” служит прелюдией к этнографическому описанию, тогда как у Тютчева - чистый, не отягощенный никакими “местными подробностями” пейзаж. Такое смещение скорее всего связано с контаминацией нескольких мест в поэме, контаминацией, обусловленной общей ситуацией созерцания горных вершин: “...Несчастный тихо приподнялся; Кругом обводит слабый взор... И видит: неприступных гор

Над ним воздвигнулась громада”; и еще: “...Вперял он любопытный взор На отдаленные громады Седых, румяных, синих гор.” Приведенные строки из “Пленника” могли отразиться и на начале второго тютчевского восьмистишия. С первой цитатой фактически совпадает эпитет: пушкинское “неприступных” лишь слегка скорректировано Тютчевым на “недоступные”. Последнее легко объяснить положением созерцателя: внизу, в долине, а не вверху. Со второй - тождественные рифмы: у Пушкина - “прохлады - громады”, у Тютчева - зеркально - “громады - прохлады”.

Воспроизведение пушкинского “Смотрел по целым он часам...” в миниатюре нельзя откомментировать указанием на общую поэтическую фразеологию эпохи, хотя такого рода совпадения между тютчевской лирикой и текстом “Кавказского пленника” тоже имеются. Например, в поэме:

Снедая слезы в тишине,
Тогда рассеянный, унылый
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю...

А вот - в лирической пьесе:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой -
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда...

И общность лирической ситуации (память о бывшей возлюбленной), и близость в лексике, и просодическое единство впечатляют. Но вывод о непосредственной историко-литературной зависимости тютчевских строк от фрагмента поэмы выглядел бы по меньшей мере преждевременным, потому что перечисленные признаки характеризуют русскую любовную элегию начала века в целом. Например, у Батюшкова читаем: “Моей пастушки несравненной Я помню весь наряд простой, И образ милый, незабвенный Повсюду странствует со мной.” (“Мой гений”, 1815). У Жуковского: “Во всех

природы красотах Твой милый образ я встречаю...” (“Песня”, 1808). В несколько иной интонировке примерно то же и у Боратынского: “Напрасно я на память приводил И милый образ твой, и прежние мечтанья...” (“Признание”, 1828, 1834). Примеры в этом ряду умножаются без всяких затруднений, ибо однородность романтико-элегического словаря и ограниченность метрического репертуара (почти тотальное господство в русской элегии четырехстопного ямба) провоцировали такие совпадения, более того, делали их практически неизбежными. Но строка из “Кавказского пленника” и не могла войти в ограниченный и определенный жанром перечень традиционных лирических формул, ибо она была порождена эпическим сюжетом и снабжена необходимыми сюжетными мотивировками: действительно, что остается делать пленнику, как не наблюдать часами окружающую его экзотику? Лишенная этих мотивировок, взятая как бы в “готовом виде”, тютчевская строка “Смотрю по целым я часам...” выглядит в системе всего стихотворения не вполне органично даже с точки зрения здравого смысла: в самом деле, насколько реально “по целым часам” созерцать горные высоты, да еще в ночную и/или предутреннюю пору - ведь стихи “Вдруг просветлеют огнецветно Их непорочные снега...” достоверно свидетельствуют о рассветном преображении.

Впрочем, эта строка - самый заметный, но не единственный и даже не важнейший канал связи стихотворения “Хоть я и свил гнездо в долине...” с “Кавказским пленником”. Пушкинский импульс ощутим уже в двух начальных тютчевских строчках: упоминание о “свитом гнезде” окликает не только блистательный “Кавказ” (1829) со стихом “А там уж и люди гнездятся в горах...”. За ним - и заключительные, а значит, акцентированные строки поэмы: “К ущельям, где гнездились вы, Подъедет спутник без боязни, И возвестят о вашей казни Преданья темные молвы.” Представляется, что намеченная параллель не замыкается на паре Тютчев - Пушкин, она распространяет свое влияние и на строки из послания “К Воейкову”:

Но там - среди уединенья
Долин, таящихся в горах.-
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камуцинец...

Пушкин явно следует за Жуковским в изображении жизни горцев, входит в диалог с ним в рамках обозначенной традиции. Тютчев - подключается к этому диалогу, но при этом не актуализирует этнографический план, а предлагает вполне типичную для собственной философской лирики метафизическую коллизию: человек, оказавшийся лицом к лицу с “целым миром” (Н. Скатов).

Отенок скрытой диалогичности, соотнесенности личного духовного бытия с чьим-то иным опытом поддерживается и во второй строке тютчевской пьесы: “...Но чувствую порой и я...” Примеры использования частицы *и* в подобной функции у Тютчева не единичны: “Есть и в моем страдальческом застое Часы и дни ужаснее других...” (1865) или: “И в нашей жизни повседневной Бывают радужные сны...” (1859). В начале стихотворения 1861 года Тютчев, с одной стороны, отсылает к финалу “Кавказского пленника”, с другой же - к фрагменту, воспроизведенному Пушкиным в примечании к поэме. Не *мимо* Пушкина, но *сквозь* него - вот формула пути, избранного Тютчевым для усвоения опыта допушкинской поэзии. Еще Б.Н. Эйхенбаум, отчасти полемизируя с Тыняновым, отмечал огромную роль Жуковского в формировании неповторимой тютчевской интонации: “В поэзии Тютчева наблюдается интересное сочетание традиций русской лирики (Державин и Жуковский), еще осложненное немецким влиянием... “Побежденный” Жуковский с его немецкой ориентацией находит своих продолжателей среди ... боковых линий.” И далее, говоря о восприятии младшим мелодической гармонии старшего, исследователь писал: “Мелодическая роль вопросительной интонации исчерпана была Жуковским. Зато восклицательная интонация часто слагается у Тютчева в мелодическую систему.” Это наблюдение может быть превосходно проиллюстрировано и стихотворением “Хоть я и свил гнездо в долине...”. В первой его части - несколько ритмических волн, подчеркнутых анафорическим повтором частицы *как*, на которую падает внесхемное ударение:

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, _

Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

Причем здесь - тонкость, показывающая, насколько филигранен Тютчев в работе со словом: первое как сугубо служебный элемент, но каждый последующий повтор все более отдаляет слово от значения союза и приближает к значению восклицательной частицы. Постепенность трансформации союза в частицу обеспечивается пятым стихом, занимающим серединную позицию в восьмистишии и имеющим двойственную интонационную природу: он может восприниматься и в качестве однородного придаточного, связанного с предшествующей конструкцией, и как начало самостоятельной структуры. Последние строки первой строфы знаменуют окончательное перерождение *как* в маркера восклицательной интонации, что тонко оттенено ее отголоском, проникающим во вторую половину пьесы: "...Какие росы и прохлады Оттуда с шумом льются к нам!" Сам звуковой строй тютчевских строк - с умеренным преобладанием сонорных и звонких над глухими, с неброскими аллитерациями и ассонансами, с единичными переносами и отчетливостью синтаксического рисунка - восходит к культуре "школы гармонической точности", отцом-основателем которой в русской поэзии был В.А. Жуковский.

Но реминисцентная структура стихотворения "Хоть я и свил гнездо в долине..." осложняется и органическим привлечением элементов, которые восходят к "кавказским" строфам зубовской оды Державина. Воздействие последнего ощутимо уже в первой части тютчевской миниатюры: здесь оно проявляется и в использовании характерного для поэта XVIII века составного прилагательного ("удушливо-земное"), и в анафорически повторяющихся конструкциях с *как*:

...Как с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,

Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов .

И далее:

Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесьясь, смотрит в темный бор...

Тютчев как бы “цитирует” сам синтаксический строй державинских строф (другое дело, что по сравнению с однообразной «механической» интонацией оды тютчевская анафора поражает игрой оттенков и полутонов, о чем уже было сказано).

Однако особенно прочны связи с державинской поэтикой у второго восьмистишия. Как и Державин, Тютчев сосредоточивает внимание на акустических и колористических свойствах горного ландшафта. Причем одинакова и последовательность характеристик: сначала - звук, потом - цвет. Пушкин, напротив, в поэме располагает темы скорее “по Жуковскому”, у которого зрительные впечатления предшествуют слуховым. Подобно Державину Тютчев связывает акустические эффекты с водной стихией, а колористические - с игрою солнечных бликов на горных вершинах: “Вдруг проясняют огнецветно Их непорочные снега...” В зубовской оде о том же: “...Там солнечны лучи, средь льдов, Средь вод, играя, отражаясь, Великолепный кажут вид...”

Но Тютчев, работающий с малой формой, не столько редуцирует, сколько до предела уплотняет державинско-пушкинские темы: то, чему в многословной оде (да и в эпизоде поэмы) отведены десятки строк, в миниатюре ужато до лаконических формулировок. Так, тютчевские “огнецветные” снега обобщают и развернутый колористический ряд Державина (“разноцветные” брызги дождя, “сизо-янтарная” глыба, “злато-багряная” заря) и цветовую гамму из “Кавказского пленника” (“седые”, “румяные” и “синие” вершины гор). В тютчевских строфах не просто сконцентрированы державинские приемы и образы, они как бы очищены от чрезмерности, гармонизированы и уравновешены, ибо соединены с мелодическими принципами школы Жуковского. Иначе говоря, в миниатюре Тютчева воплощен иной, глубоко отличный от пушкинского вари-

ант синтеза тех тенденций в русской поэтической традиции, которые были связаны с творческой практикой Державина и Жуковского. Это синтез, открывающий дорогу к универсальному стилю, но осуществляемый не в лиро-эпических формах байронической поэмы, а на предельно тесной площадке лирико-философской миниатюры.

В середине 50-х годов XIX века вышла в свет биографическая книга П.В.Анненкова о Пушкине. Она почти наверняка была прочитана Тютчевым (хотя бы в силу личного знакомства последнего с автором). Анненков в частности писал: “Байрон был указателем пути, открывавшим ему (Пушкину. - И.Н.) весьма дальнюю дорогу и выведшим его из того французского направления, под которым он находился в первые года своей деятельности... ближайшая причина байроновского влияния на Пушкина состояла в том, что он один мог ему представить современный образец творчества. По-немецки Пушкин не читал или читал тяжело; перевес оставался на стороне британского лирика.” Тем не менее немецкое влияние проникает в русскую словесность не только с середины века, когда оно становится одним из определяющих факторов интеллектуальной жизни и идейной борьбы, но и в первые его десятилетия. Прежде всего проводником этого влияния оказывается Жуковский, о чем красноречиво писал, например, Боратынский:

...И правду без затей сказать тебе пора:
Пристала к Музам их Немецких Муз хандра.
Жуковский виноват: он первый между нами
Вошел в содружество с германскими певцами
И стал передавать, забывши Божий страх,
Жизнехуленья их в пленительных стихах.
Прости ему Господь!..

(“Богдановичу”, 1824)

Наиболее мощное воздействие немецкой романтической поэзии и философии в 20-30-е годы испытал на себе именно Тютчев, знавший то и другое, что называется, из первых уст. Синтез разнонаправленных и противоречивых тенденций, о котором мечтала русская поэзия этого времени, достигается Тютчевым не в английском (байроническом) варианте, но именно в “немецком”, связанном не с

остротой и занимательностью сюжета, а с напряженной философичностью в границах малой формы - фрагмента и миниатюры. Достижение такого синтеза оказалось возможным для Тютчева не через игнорирование художественного опыта пушкинской поэмы, как полагал Л.В.Пумпянский, а через самое непосредственное усвоение этого опыта.

3

Реминисцентное поле тютчевской пьесы не может быть представлено с необходимой полнотой без привлечения еще одного важного для поэта имени. Речь идет о Карамзине. Если вопрос о связях поэзии Тютчева с творчеством Державина, Жуковского или Пушкина рассматривался во многих, причем имеющих фундаментальное значение работах, то проблема “Тютчев и Карамзин” сегодня остается малоизученной. И здесь следует напомнить общеизвестное: что Карамзин - одна из ключевых фигур в литературном процессе рубежа веков; что упоминание о нем неоднократно встречается в связи с Тютчевым на страницах погодинского дневника; что поэт был лично и близко знаком со вдовой и детьми великого историографа; что в 1866 году, к столетию со дня рождения Карамзина, Тютчев написал проникновенные стихи, в которых высказал высочайшие оценки личности и деятельности юбиляра; наконец, то, что в год создания миниатюры “Хоть я и свил гнездо в долине...” Тютчев ввел имя Карамзина в весьма тесный круг избранных, “незабвенно-дорогих” имен:

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи -
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

(“На юбилей князя П.А.Вяземского”, 1861)

Карамзин в качестве исторического мыслителя несомненно повлиял на Тютчева - автора “декабристского” стихотворения “Вас развратило Самовластье...”, на последовательные монархические убеждения поэта. Однако не только историософия, но и натурфилософские взгляды Карамзина не прошли для Тютчева бесследно. В первую

очередь они отразились на тютчевском горном цикле, в котором обнаруживается ряд выразительных соответствий с фрагментами “Писем русского путешественника”. Имеем в виду те страницы произведения, которые посвящены впечатлениям повествователя от Альпийских гор.

Впервые опубликованные (не в полном объеме) еще в 1791-1792 годах, “Письма” затем неоднократно выходили в свет в составе собраний сочинений писателя. Последний раз - в 1820 году, то есть в период самого активного усвоения студентом Тютчевым опыта русской литературы. Трудно усомниться в том, что сентиментальная карамзинская проза была известна Тютчеву еще до его отъезда из России. Косвенные же свидетельства особого внимания Тютчева к “Письмам” - в позднейшей тютчевской эпистоле, адресованной жене: “Твои рассуждения о письмах Карамзина (недавно прочитанных Эрнестиной Федоровной.-И.Н.) доставили мне такое удовольствие, что третьего дня, отправляясь в Лесной к Вяземскому, я взял с собою твое письмо, чтобы он его прочел.”

Воздействие карамзинской прозы ощущается в “горных” пейзажах Тютчева еще 30-х годов. Иногда речь может идти едва ли не о дословных совпадениях. Так, в записи от 12 августа говорится: “Сестры-прелестницы! Я хотел бы счастливою чертою пера изобразить красоту вашу... хотел бы сравнить бело-румяные щеки ваши с чистым снегом высоких гор, когда восходящее солнце сыплет на него алые розы...” Весьма близко к процитированному пассажиру окончание тютчевской пьесы середины 30-х “Яркий снег сиял в долине...” : “Но который век белеет Там, на высях снеговых? А заря и ныне сеет Розы свежие на них!...” Сходство усиливается, если учесть, например, и такое наблюдение Карамзина о неприступных горных вершинах: “...здесь, смотря на хребты каменных твердынь, ледяными цепями скованных и осыпанных снегом, на котором столетия оставляют едва приметные следы, забывает он (смертный.-И.Н.) время.”

Куда более глубоки и существенны связи с карамзинскими размышлениями другого тютчевского стихотворения того же периода - “Над виноградными холмами...”. Современные комментаторы сообщают, что на обороте его автографа - “прозаическая пей-

ажная зарисовка: описаны чистое небо, горы, облака, розы, радуга, блестящая зелень... солнечный свет - детали пейзажа, входящие в разные стихотворения, в том числе и в стихотворение “Над виноградными холмами...”. И далее, приведя отзыв С. Дудышкина (“Мотив не новый, но он именно потому и дорог нам, что мы знакомы с ним давно, что помним его еще со времени лучшего из наших поэтов.”), указывают, что “рецензент имеет в виду художественный опыт романтика Жуковского с его поэтически-религиозными настроениями”. никоим образом не оспаривая правомочности предложенной параллели (Тютчев - Жуковский), все -таки скажем, что не меньшие основания считаться прямой предшественницей тютчевской картины есть и у прозы Карамзина. И дело не только в общности темы (описание Альп), хотя и этот фактор не стоит сбрасывать со счетов.

Выше уже было отмечено единообразие концовок в тютчевских “горных” миниатюрах. Вообще говоря, мотив сияния снежных вершин в солнечных либо лунных лучах почти ритуально воспроизводится в русской поэзии начала XIX века - от хрестоматийного лермонтовского “...Под ним Казбек, как грань алмаза, Снегами вечными сиял” до периферийного “...И вековые льды горят Небесной радуги огнями” из послания Ивана Козлова “К другу В.А. Жуковскому” (1822). Но в “горном” цикле Тютчева есть специфика: сияние, блеск и игра тютчевских гор с огневой лазурью показаны автором как некое остановленное мгновение мировой жизни. Уже в раннем стихотворении “Утро в горах” само название сигнализирует о временной характеристике. Не забывает сказать о времени Тютчев и в подавляющем большинстве иных произведений этого ряда: в “Альпах” - о “лазурном сумраке ночи” и близящемся рассвете, в “Снежных горах” - о “мгле полуденной”, в “Над виноградными холмами...” - о предвечерье (через упоминание о “померкшей реке”) и т.п. По существу связанная с темой гор лирика Тютчева представляет весь суточный круг. Такая фиксация внимания на конкретном моменте, с одной стороны, способствует возникновению эффекта картинности, а с другой - до предела усиливает чувство вечности, воплощенной в этих вознесшихся над дольным миром твердынях. Вот этот романтически-философский (метафизический) аспект вос-

приятия альпийских высей и сближает максимально стихи Тютчева со страницами карамзинских “Писем русского путешественника”.

Фрагменты «Писем», посвященные “Альпам”, являют собой ярчайший пример лирической прозы. Приведем следующее место, вполне представимое в своде поздних тургеневских миниатюр: “Светлый месяц взошел над долиною. Я сижу на мягкой мураве и смотрю, как свет его разливается по горам, осребряет гранитные скалы, возвышает густую зелень сосен и блистает на вершине Юнгферы, одной из высочайших Альпийских гор, вечным льдом покрытой. Два снежных холма, девическим грудям подобные, составляют ее корону. Ничто смертное к ним не прикасалось; самые бури не могут до них возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызают их нежную округлость; вечное безмолвие царствует вокруг их - здесь конец земного творения!.. Я смотрю и не вижу выхода из сей узкой долины.” О лирической наполненности здесь свидетельствует многое: и безусловная доминация субъективного восприятия, и высокая степень тропеизации текста, и наличие подчеркнутой символической оппозиции “гора - долина”, и элементы характерной для лирической пьесы кольцевой композиции, и присутствие своеобразных ритмически выверенных повторов (“...осребряет гранитные скалы, возвышает густую зелень сосен и блистает на вершине Юнгферы...”). Такие картины и описания неизбежно привлекали особое внимание еще и потому, что существовали на фоне спокойного, погруженного в детализацию методического повествования, которое в целом определяло художественный строй “Писем”. Переключки Тютчева с Карамзиным многочисленны и системны: они касаются и общей метафизической установки, и мотивной сферы, и словаря. Сравним: у Карамзина - “нежная округлость” горы и - ниже: “...сижу теперь на бугре и смотрю на скопище вечных снегов. Здесь (...) запасная хранилища природы, хранилища, из которой она во время засухи черпает воду для освежения жаждущей земли.” У Тютчева - оба образа совмещены в концовке первого восьмистишия: “Взор... видит на краю вершины Круглообразный светлый храм.” В прозе - мысль о несовместимости вечного, горного и смертного, суетного: “Ничто смертное к ним не прикасалось...”; и еще: “Все земные попечения, все заботы, все мысли и

чувства, унижающие благородное существо человека, остаются в долине... Здесь смертный чувствует свое высокое определение, забывает земное отечество и делается гражданином вселенной...” В стихотворении “Над виноградными холмами...” карамзинское свернуто до четырех строк:

Там, в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.

Мотив “воздушной струи” тоже находит себе соответствие у Карамзина. Путешественник делится впечатлениями после предпринятого восхождения: “Чувство усталости исчезло, силы мои возобновились, дыхание мое стало легко и свободно...” Наконец, и финал тютчевской миниатюры бесспорно соотносим с карамзинской метафизикой: обоими авторами горные вершины воспринимаются как последняя из имеющихся в природе ступень на пути к Божественному Абсолюту, место и момент встречи Творца и Творения. Вот фрагмент из прозы: “Если мне когданибудь наскучит свет; если сердце мое когда-нибудь умрет всем радостям общежития, если не будет для него ни одного сочувствующего сердца, то я удалюсь в эту пустыню, которую сама натура оградила высокими стенами, неприступными для пороков, - и где все, все забыть можно, кроме Бога и природы...” А чуть ниже - “...здесь в благоговейном ужасе трепещет сердце его, когда он помышляет о той всемогущей руке, которая вознесла к небесам сии громады...” У Тютчева - практически о том же:

Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

В этом контексте даже начальный стих Тютчева невольно воспринимается с учетом неоднократных упоминаний в “Письмах” о виноградных “склонах” и “садах”.

Конечно же, усвоение и привлечение образов и мотивов карамзинской прозы носит у Тютчева подлинно творческий характер. Стихотворение “Над виноградными холмами...” переключается не с

каким-то отдельным фрагментом “Писем”; оно освобождено полностью от элементов этнографических, которыми насыщены альпийские впечатления путешественника, в нем не просматриваются руссоистские темы, о которых не забывает повествователь. Но, пожалуй, главное отличие - в трактовке самого Абсолюта: у Карамзина речь идет скорее о Боге Ветхого Завета, строителе и созидателе тварного мира. Вот отчетливый (не единственный) сигнал об этом: “Я преклонил колена, устремил взор свой на небо и принес в жертву сердечное моление - тому, кто в сих гранитах и снегах запечатлел столь явственно свое всемогущество, свое величие, свою вечность!..” В тютчевской миниатюре финальные строки, разумеется, порождены новозаветной ассоциацией.

Самое время сделать хотя бы краткое отступление, касающееся “горного” цикла в целом. Как уже отмечалось, впервые о его существовании в поэзии Тютчева сказал Л.В. Пумпянский в статье 1928 года: “Около десяти раз, по крайней мере, трактована любимая тема Тютчева: недоступные вершины. (...) противоположение смертной, поработанной долины олимпийскому блаженству лазурно - сияющих вершин с поразительным упорством повторяется Тютчевым неоднократно.” Исследователь связывал стихи этого ряда с учением Шеллинга.

Несмотря на зоркость основного посыла, мысль Пумпянского, на наш взгляд, нуждается в уточнениях. Влияние Шеллинга не исключает и поисков “русских корней” той или иной тютчевской пьесы, во-первых. А во-вторых, тезис об олимпийстве, об античных основах “романтической космогонии” правомочен лишь в отношении части тютчевских произведений, входящих в этот несобранный цикл. Его основу составляют следующие тексты: “Утро в горах”, “Снежные горы”, “Альпы”, “Яркий снег сиял в долине...”, “Над виноградными холмами...”, “Хоть я и свил гнездо в долине...”, наконец, “Утихла биза... легче дышит...” (1864). Впрочем, последнее из названных не всецело относится к структуре данного цикла, а находится в точке пересечения двух рядов - “альпийского” и “денисьевского”. Для всех этих произведений характерны общие признаки, системное присутствие которых было указано ранее и которые обеспечивают необычайное внутреннее единство, называемое нами

тютчевским несобраным циклом. Единство это не только внешнее, статическое: оно затрагивает самые разные уровни и не способно существовать без центральной динамически развивающейся лирико-философской темы. Присмотримся к цепочке перечисленных пьес, учитывая предложенную последовательность. “Утро в горах” - подступ к теме, своего рода визитная карточка, “заставка” для последующего. В начальном звене цикла - господство сугубо пейзажного начала, это зарисовка, “картинка” (если воспользоваться некрасовским определением), в которой минимизирована сложнейшая религиозно-философская проблематика, составляющая ядро более поздних произведений. В двух других текстах 1830 года ситуация резко усложняется. Перед нами два контрастных варианта в разработке “античной” версии темы: в “Снежных горах” - полдневная пора, “дольний мир”, показанный в разгар знойного дня в состоянии конфронтации с игрой “ледяных высей”:

...Горе, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Сравнение снежных вершин с “божествами” (во множественном числе!) маркирует связи финала с античными представлениями. В “Альпах” , напротив, представлен своеобразный негатив картины, запечатленной в “Снежных горах”: дремлющие Альпы, “помертвелыми очами” глядящие - сверху вниз - на ночной заколдованный мир. Наблюдатель во всех начальных фрагментах цикла прямо не обозначен. Это вполне естественно: для языческого миропонимания взаимоотношения неба и земли надмирны и разворачиваются как бы независимо от наблюдающего за ними человека.

Иное - в трех заключительных пьесах. В первой из них (“Над виноградными холмами...”) уже представлен наблюдатель, хотя он пока еще предельно абстрактен: “Взор постепенно из долины, Подъемлясь, всходит к высотам...” Не конкретное лицо, даже не отвлеченное “человеческое я”, а - метонимически - “взор”. Но вместе с появлением созерцателя меняется и облик художественного пространства: смягчается конфликт между горным и дольным, ибо человеческий взгляд объединяет их в общей панораме мировой жиз-

ни. Но главное - возникает ранее отсутствовавшая отсылка к новозаветным реалиям - "дней воскресных тишина". Тенденции, намеченные в данной миниатюре, еще более наглядны в стихах, написанных спустя четверть века. В стихотворении "Хоть я и свил гнездо в долине..." есть уже конкретизированное авторское я, а евангельская ассоциация из подчиненного элемента сравнения трансформируется в нечто самоценное и непосредственно воспринимаемое: "По ним проходит незаметно Небесных ангелов нога!.." Спустя три года в тяжелейшем для себя 1864-ом, Тютчев еще раз обратится к альпийской теме, где, кажется, в последний раз свяжет светоносность горной вершины с мотивом Нового Завета:

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

Но эта строфа из стихотворения "Утихла биза..." будет трагически соотнесена с пронзительным финалом, в котором воплощается утопичность, невозможность для живой, страдающей души остаться в гармоническом согласии с сиянием горных высей:

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там - в родном краю -
Одной могилой меньше было.

По существу, весь драматизм тютчевской концовки становится очевиден и получает дополнительную философскую перспективу при соотнесении ее не только с биографическими обстоятельствами 1864 года (смерть Е.А. Денисьевой), но и с метафизической проблематикой горного цикла. Отметим важную закономерность: в рамках этого цикла рост личностного начала сопровождается все более рельефным, настойчивым обращением поэта к евангельским темам и ассоциациям. То, что этот процесс не случаен, подтверждается и при анализе некоторых иных циклов Тютчева: "ночного", цикла о "русском космосе", денисьевского. Развитие каждого из них во времени характеризуется неуклонным укрупнением человеческого я и, соответственно, все большей "христианизацией" поздних фрагментов. От "родных божеств", завсегдаев Олимпа, до "небес-

ных ангелов” - таков вектор тютчевской мысли в “альпийском” цикле.

4

Вопрос о тютчевских несобранных циклах органически связан с проблемой “дублетов”. Действительно, без многочисленных и акцентуруемых самим автором совпадений или соответствий, затрагивающих разные структурно-семантические уровни, объединение лирических пьес в циклические ряды было бы невозможно в принципе. Однако сходство еще не обозначает тождества; как раз наоборот: именно внимание к малозаметным отличиям между текстами позволяет уловить эволюцию тютчевской мысли. Уже было сказано, что наиболее близкие отношения в границах горного цикла существуют между стихотворениями “Над виноградными холмами...” и “Хоть я и свил гнездо в долине...”. Их роднит очень многое: от ситуации до словаря, от мотивной сферы до особенностей построения. Роднит их, с нашей точки зрения, и связь с “Письмами русского путешественника”. Собственно, соответствия, отмеченные ранее относительно текста 1836 года, распространяются и на более поздний: от мотива воздушной струи до оппозиции “гора - долина”, от ощущения ущербности смертного, “удушливо-земного” существования до восприятия сияющих горных высей как святых и “непорочных”. Но есть и очень важное разграничение. Пожалуй, единственный раз на протяжении всего цикла в миниатюре 1861 года воплощен образ встречного движения - Божий мир отвечает на страстный порыв “дольного” человека к небу. Уточним: в стихотворении “Над виноградными холмами...” также речь идет о единстве двух начал, но направленность движения в пьесе середины 30-х годов была линейна - снизу вверх: от долины до “горного, неземного жилища”. Даже звук взлетает “туда”, где нет места смертной жизни, но не знает обратного пути.

Принципиально другое - в стихах 1861 года. Несмотря на недоступность громад, они даруют человеку “росы” и “прохлады”; не только личность рвется к высшему миру, но и высший мир отзывается на “голос родственный” человеческой души. Отсюда - и фор-

сированная восклицательная интонация, доминирующая в стихотворении “Хоть я и свил гнездо в долине...” и помогающая воплотить особую эмоциональную приподнятость, вызванную чувством этого единения.

Реминисцентная структура стихотворения Тютчева “Хоть я и свил гнездо в долине...” необычайно сложна. Даже в своей “русской” части она включает в себя апелляции к творчеству Державина и Карамзина, Жуковского и Пушкина. Изучение этой структуры обнаруживает, что “цитирующий” Тютчев нередко имеет дело не с отдельными претекстами, не с конкретными авторами, а с целыми течениями и темами в истории национальной литературы. Так, в миниатюре сопрягаются как “альпийские”, так и “кавказские” мотивы. Но в сознании поэта такого рода темы не обобщенно-безличны, а в высокой степени структурированы. Иными словами, Тютчев отдает себе отчет, когда, кем и что именно было вложено в разработку интересующей его проблемы и дифференцированно подходит к этим вкладам. Один из младших современников поэта С.М. Волконский размышлял: “Тютчев был представитель истинной и изысканной культуры (...) все, даже самое мимолетное, самое дальнее, теряется корнями в недоступных глубинах лично пережитого (...) повторяю, Тютчев самое культурное явление в нашей поэзии!” Неразгаданность тютчевской поэзии людьми XIX века, может быть, в первую очередь объясняется неразгаданностью того типа синтеза, который был предложен Тютчевым. Это - универсализм малых форм, причем затрагивает он не только область жанра (именно в преодолении жанровой рубрикации, сковывающей и ограничивающей, смысл пушкинских поисков), но и сферу индивидуальных стилей. На площадке лирической шестнадцатистроичной пьесы Тютчев мог синтезировать столь различные художественные тенденции, как барочная ода и сентиментально - романтическая проза XVIII века, элегический романтизм Жуковского и элементы байронической поэмы Пушкина. Сложность данной структуры усугубляется еще и тем, что - в условиях несобранного цикла - ее частью неизбежно становятся автореминисценции, исключительная роль которых составляет особую проблему в изучении русской лирики XIX века.

Гехтляр С.Я.,
*профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой журналистики
Брянского государственного
университета им. И. Г. Петровского,
г. Брянск*

Не отводя взгляда от пропасти...

-Вы как стихи пишете?

-На магнитофон...

-А я на века!

*-Да я, признаться, тоже на это
замахиваюсь...*

(Из разговора
современных поэтов)

В многоголосье лирики Тютчева среди стихов, традиционно относимых к философским, выделяются такие, где нет лирического героя, точнее, он в них предельно обобщен: «Стоим мы слепо пред судьбою...», «И в божьем мире то ж бывает...», «Две силы есть, Две роковые силы...», «Природа - сфинкс...».

Особую группу составляют четверостишия эпиграмматического стиля: «За нашим веком мы идем...», «В разлуке есть высокое значенье...» и др.

Поэтическая мысль живет в таких стихах в отдалении от личности и оттого особенно относится к каждому. Отличительные их черты – мифологичность и (отчасти в связи с мифологичностью) - многослойность семантическая, а также сходство структурно-композиционное: в этих стихотворениях находим языковые особенности, способствующие предельно экономному выражению сложных и противоречивых суждений и оценок.

Счастливо родившись в метафорической рубашке, каждое такое откровение поэта становится подчас достойным вступить в диалог с мыслью Ветхого и Нового Заветов, именно так, на наш взгляд, - в стихотворении:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, -
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было *в начале у Бога...*» (От Иоанна, 1-2). «...И Слово стало плотью и обитало с нами, *полное благодати и истины...*» (Там же, 14; здесь и далее в цитатах курсив мой. – С.Г.).

Приведенное стихотворение, как представляется, - о Слове в евангельском смысле, о его *Данности*, неразрывной связи с *Сочувствием* и *Благодатью*, а главное - о том, что после того как Оно дано - Оно *Наше*. Т.е., не столько о «*не данности*» предугадывания, сколько о нашей ответственности за будущее и перед Ним (обратим внимание на постпозицию слова *наше*: имея, конечно, собственно стилистическую нагруженность, постпозиция местоимения к тому же подчеркивает *второстепенность принадлежности*).

Актуальное членение в качестве ремы, ядра первого высказывания, недвусмысленно выделяет *не дано*, во второй и третьей фразе логическое ударение - на словах *сочувствие* и *благодать*, оба эти существительные объединены глаголом *дается*, который здесь относится к известному, к теме, и который очень важен.

Данность (правда, разноплановая, как покажем далее) объединяет *Слово*, *Сочувствие* и *Благодать*, противопоставляя их, - по разным аспектам, - *Предугадыванию (не дано)*, противопоставленность оттеняется морфологически (страдательное причастие – возвратная форма глагола) и синтаксически (большая степень абстрагированности, которая идет от безличной конструкции, сопровождающей причастную форму).

С другой стороны, глагол *дается* по отношению к *сочувствию* и *благодати* выступает в различных значениях, по отношению к каждому из этих понятий актуализируются разные вари-

анты семантики. *Сочувствие* у Тютчева не имеет значения «отзывчивое, участливое отношение к чужому горю, переживание, сострадание», отмечаемого в наши дни в качестве первого и основного (Словарь русского языка в 4-х тт., т. 4), точнее, такое значение имплицитно, не первично. Здесь сочувствие - прежде всего «незримая духовная, нравственная связь» (см. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.4). Благодать – «дары Духа Святаго; наитие свыше; помощь, ниспосланная свыше ...» (Там же, т. 1). Одновременно этот глагол и сближает сочувствие с благодатью: сближает такой общий компонент значения, приведенного в цитированном словаре В.И. Даля, как «...безотчетное угадывание, знание».

Как видим, главное отличие сочувствия, как оно представлено здесь поэтом, - в его рукотворности (только сам человек может духовную, нравственную связь установить, может быть, точнее сказать - *добыть*: здесь *дается* в том же смысле, как *дается* или *не дается* математика), отсюда возможность не перечисления, а сравнения: «Сочувствие дается Как ... благодать».

Отмеченные различия могут быть восприняты в первую очередь благодаря различиям, скрытым в семантической структуре глагола. Если по отношению к *сочувствию дается* означает *потенциальную возможность умения, способности выполнить, осуществить* что-либо (наличие у возвратной формы глагола *дать* такого варианта значения отмечает Словарь русского языка в 4-х тт., т. 1, с. 365), то *благодать* – это то, *чем можно наделить*, наградить, что может быть даровано (см. там же). Таким образом выявляется еще один план противопоставления: *благодать*, которая дана, - *предугадыванию*, которое не дано. Элемент значения *наитие*, *предсказание* воедино связывает в стихотворении три ключевых слова: *предугадать*, *сочувствие*, *благодать*. Объединенные свойством «отношение к данности», они в то же время по-разному реализуются человеком, что скупыми, подчас имплицитными средствами удастся выразить поэту.

Важнейшую составляющую поэтической мысли отчетливо обнаруживает, во-первых, отмеченная выше общая для всех трех слов сема «предназначенность». Во-вторых, - союз И вместе с

предшествующими ему знаками препинания. Запятая обозначает здесь границу между Божественным (данность) и воплощенным (добываемым). Тире, как это часто бывает у Тютчева, - границы скрепляет.

Союз И соединяет два внешне однотипных и равноразмерных сложноподчиненных предложения. Однотипность чисто внешняя, так как первое главное – односоставное, безличное, второе - двусоставное, но одинаковые начала (*Нам*) и одинаковое число компонентов (в каждом их три) делают предложения очень похожими. Придаточное у каждого присоединяется словом КАК, которое, будучи разным: союзным словом (за ним следует изъяснительное придаточное) в первом случае и близким по смыслу к союзу (ср.: *дается так же, как*) - во втором, тем не менее поддерживает видимость одинаковости. Эта мнимая параллельность структур существенна для выявления их причинно-следственной и одновременно условной связанности (ср. возможность параллели: предугадать не дано – и потому...).

Слово, как будто говорит поэт, несомненно, даровано Богом, дано нам, но, несмотря на предопределенность свыше, Слово – наше и - связано с тем, как сочувствию и благодати служим Мы всей своей жизнью. Сами же эти сочувствие и благодать Слово во многом обусловлены.

Можно предположить, что, к тому же, по мысли поэта, как она читается нами, Человек должен пройти намеченное в согласии с Божьим миром вспомним: «И жизни Божеско-всемирной/Хотя б на миг причастен будь». Хотя это было сказано за много лет до написания анализируемого стихотворения и в то время, когда отношения с Божеским, как утверждают исследователи, у Тютчева были несколько иные, - тем не менее представляется возможным сослаться на цитированные строки: они лишь подтверждают, что и молодому Тютчеву знакомы были убеждения об ответственности Человека перед Высшим).

Можно обратить внимание и еще на одно суждение, незримо присутствующее в анализируемом четверостишии. Неумная тяга в будущее (стремление предугадать) - от неумения быть счастливым в настоящем. Поэт как бы предупреждает нас: желая

вечного, нельзя забывать жить на земле. (Жизнь - это то, что проходит, пока мы занимаемся другими делами).

Не случайно в каждом из 4-х предложений - местоимение 1 лица множественного числа (*нам* три раза и один раз - *наше*), а в трех из них - препозиция это местоимение актуализирует. В этом - тоже акцентирование Человеческого и в то же время - переключенка с Евангелием, прежде всего, с его стилистикой (ср.: «Но *между* вами да не будет так: а кто хочет *между* вами быть большим, да *будет* вам слугою...») (От Матфея, 26). Одновременно отметим и противопоставленность (множественное число первого лица не характерно для текстов Евангелия, ориентированных в основном интонацией побуждения - но именно эта форма акцентируется Тютчевым).

Широко используемые поэтом приемы концентрированного выражения смысла, так характерные для его малых форм, присутствуют в данном четверостишии как проявления каждого из языковых уровней.

Строгую целостность, однородность и законченность придает звучанию почти полное отсутствие передних гласных (фонетически их три: [Е] в нЕ, первая строка, [И],[Е] в сочувствИЕ, третья строка; подчеркнуты: *фонетически*, потому что в представленных орфографически Е,И других случаев переднерядность нейтрализована аккомодацией, редукцией и др. фонетическими условиями); превалирование ударного [А] (два в первой строке, по одному - во второй и третьей, в последней снова два ударных [А]; превалирование твердых согласных (из 46 согласных мягких всего 8, причем 3 из них - [Ј], который как согласный практически не осознается).

Фонетическая целостность поддержана лексикой (из 9 составляющих четверостишие лексем три представлены в вариантах и повторениях: МЫ - 4 раза, ДАЕТСЯ - два раза, КАК - два раза), морфологией (использование специфики разных форм одного глагола, личного и притяжательного местоимения) и синтаксиса (видимая однородность структур).

Интересна переключенка «видимостей»: только внешне похожи синтаксические структуры - и только кажется, что три раза по-

вторяемое *Нам* - это одно и то же местоимение. В первой строке оно употреблено в предельно обобщающем значении: здесь Мы - говорящий и все остальные в противопоставлении Всевышнему, пример подобного употребления есть в словаре В.И. Даля: «За нами (долгъ) как за Богомъ» (т.2, с.364). В третьей и четвертой строках *Нам* употреблено для обозначения *неопределенного лица*, это уже гораздо более узкая и не уточняемая категория лиц, объединенных тем, что для них возможна предполагаемая ситуация (ср. иллюстрацию подобного варианта семантики в Словаре русского языка в 4-х тт., т.2, с. 316: «Мы почти всегда извиняем то, что понимаем. Л. Толстой.»). Точнее сказать, здесь происходит нейтрализация собственно местоименной семантики первого лица, возможность такого употребления В.И. Даль тоже предполагал: «Есть и квась, да, видно, не про насъ» (т. 4, с. 670).

Все отмеченные особенности текста, несомненно, способствуют выразительности и одновременно выявлению многослойности поэтической мысли, оформлению ее афористической самостоятельности...

Интересно отметить, что в этом стихотворении с наибольшей полнотой осуществлены поэтом так широко используемые в его малых формах приемы концентрации мысли. Они присутствуют здесь как проявления каждого из языковых уровней.

...Случилось так, как часто случается с настоящей поэзией: последующие поколения наполнили анализируемое четверостишие различным прагматическим содержанием, в частности, толкуя «не дано предугадать» не как отрицание возможности, а как утверждение возможности вариантов.. Так например, известно, что в советские времена диссиденты и правозащитники, все, кто оппонировал власти, любили ссылаться на это стихотворение, видели в нем предсказание того, что их сопротивление принесет плоды. Мысль Тютчева глубже: «...Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово...» (От Луки, 37).

Секция: Краеведческие аспекты в изучении жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Село Овстуг и его окрестности

Покрасова Л. Н.,

*кандидат педагогических наук,
директор муниципального учреждения
культуры Балашихинского района
Московской области «Централизованная
библиотечная система»*

Литературно-издательская и музейно-экспозиционная деятельность Центральной районной библиотеки им. Ф.И. Тютчева как часть культурного наследия Балашихинского района Московской области

С самого раннего детства входит в нашу жизнь удивительная, завораживающая чистотой чувства, ясностью и красотой образов поэзия Федора Ивановича Тютчева.

С годами все расширяется, все углубляется наше знакомство с творчеством великого лирика - мыслителя, проникновенного выразителя человеческих чувств, вдохновенного певца природы... Тютчев один из первых русских поэтов увидел в русских пейзажах, в русских метелях и грозах особый национальный колорит, который впоследствии стал доминирующим мотивом в стихах многих поэтов.

Поэзия Тютчева - одно из драгоценных достояний русской классической литературы. Однако при жизни он был мало известен широкому кругу читателей. Он считался поэтом «немногих». А между тем, среди этих немногих были Пушкин, Некрасов, Тургенев, Достоевский, Фет, Блок и др., которые восхищались свежестью, новизной и духовной неисчерпаемостью его поэзии.

Нас влечет не только высокая поэзия Тютчева, но и его эпистолярное наследие. Богатое содержание его писем, в которых на-

шли отражение непосредственность его личности, его эстетические, философские, исторические и политические воззрения, из которых можно составить себе яркий портрет одного из образованнейших людей своего времени, узнать об удивительно богатой человеческой душе. Из поколения в поколение растет интерес к биографии поэта, его внешне обыкновенной и внутренне драматической, сложной жизни.

Чем же близко и дорого нам, людям XX и XXI веков, веков великих научных открытий и технического прогресса, творчество поэта прошедших лет? Да прежде всего своей актуальностью, самобытностью, способностью проникать в самые глубины человеческой души, тревогой за судьбу мира, природы и человека, который, как считал поэт и мыслитель, «обречен на вечный бой со всеми зловещими силами природы и общества». Он дорог нам и тем, что вселяет в нас ощущение беспредельности мира, его величия, его тайны. Тютчев учит нас понять этот мир и понять себя в нем.

Каждый, кто соприкасается в своей жизни с творчеством Ф.И. Тютчева, получает много минут душевного спокойствия и наслаждения.

Следы великого поэта прослеживаются и на Балашихинской подмосковной земле. Поэтому работники культуры, педагоги, общественность, творческая интеллигенция делают все возможное, чтобы величайшее поэтическое и духовное наследие не кануло в лету. Они несут творчество поэта в массы и добиваются, чтобы его имя перешло с нами и в последующие века.

В этом сложнейшем процессе приобщения взрослых и детей к творчеству Ф.И. Тютчева свое место и достойную нишу заняла Центральная районная библиотека им. Ф.И. Тютчева - одно из ведущих учреждений культуры Балашихинского района.

С 1998 года библиотека носит имя великого русского поэта, мыслителя, гражданина и патриота земли русской Федора Ивановича Тютчева. Основной своей задачей Центральная районная библиотека считает активную пропаганду и сохранение великого литературного наследия Ф.И. Тютчева, его жизни и творчества. Ежегодно в Центральной районной библиотеке проходят мероприятия, посвященные памяти гения Тютчева. За 7 лет работы по подтвер-

ждению имени Ф.И. Тютчева сформирован и регулярно пополняется книжный фонд библиотеки; действует постоянная выставка «И верит сердце в правду и любовь».

Библиотека приняла самое активное участие в мировом праздновании 200-летия со дня рождения Ф.И. Тютчева (2003г.). Библиотека совместно с Управлением культуры Балашихинского района подготовила и успешно осуществила обширную программу чествования юбиляра, включившую в себя: литературно-музыкальные вечера «Творчество Ф.И. Тютчева в музыке романса», «Вечер классического романса», «Любимые женщины Ф.И. Тютчева»; встречу с ведущим исследователем творчества поэта - академиком Г.В. Чагиным «Ты, ты мое земное провиденье»; встречи с писателями, поэтами, артистами - моноспектакль Московского драматического театра «Тютчев. Повествование в стихах и прозе»; научно-практическую конференцию «Тютчев и Россия» с участием ведущих ученых-исследователей, потомков поэта, писателей, редакторов художественных журналов, учителей-словесников и творческой интеллигенции.

В юбилейный год в Балашихинском районе был проведен литературный конкурс «Тютчев - гениальный поэт, мыслитель, великий гражданин и патриот».

Создан бюст Ф.И. Тютчева (автор - член Союза художников России, наш земляк М.С. Любимов), который установлен в Центральной районной библиотеке.

В рамках празднования Международного фестиваля литературы и искусства «Славянские встречи», посвященного Дню славянской письменности и культуры, в Центральной районной библиотеке им. Ф.И. Тютчева ежегодно проходят встречи с творческой интеллигенцией - поэтами, писателями, деятелями культуры. В гостях у читателей побывали такие мастера слова, как В. Крупин, Н Дмитриев, Е. Ряпов, И. Панова, Г. Чагин, Н. Пигарев - правнук великого поэта, председатель Тютчевского общества. На этих встречах идет серьезный и вместе с тем душевный разговор о многовековой, уникальной истории развития русской литературы, русского слова, о той решающей роли, которую играет русский язык в судьбе России и мирового сообщества.

Крепкая творческая дружба связывает Центральную районную библиотеку им. Ф.И. Тютчева с ведущим российским ученым - исследователем его творчества Геннадием Васильевичем Чагиным, который высоко оценивает полезную, интересную и многоплановую работу Центральной районной библиотеки по пропаганде творчества поэта, а значит, и по подтверждению имени русского литературного гения. Тютчевский книжный фонд библиотеки располагает почти всеми публикациями Г.В. Чагина о Ф.И. Тютчеве. Кроме того, Г.В. Чагин считает своим долгом популяризировать деятельность Балашихинской Центральной районной библиотеки в литературном мире. Так, в школьном энциклопедическом словаре «Ф.И. Тютчев» (Издательство «Просвещение», 2003 г.) главным редактором которого является Г.В. Чагин, была опубликована статья "Балашихинская Центральная районная библиотека им. Ф.И. Тютчева".

Областные и региональные средства массовой информации: газета «Факт», радио «Берег надежды», телевидение - регулярно освещают жизнь Центральной районной библиотеки им. Ф.И. Тютчева и, особенно, ее деятельность, связанную с именем знаменитого поэта. Кабельное телевидение сняло к 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева фильм «Ф.И. Тютчев в Москве и Подмосковье». Все публикации в региональных СМИ, все фотографии с праздничных торжеств, посвященных славному имени, оформлены в альбомах. В целях выявления, сбора, хранения, изучения и пропаганды жизни, творчества и литературного наследия великого Ф.И. Тютчева в Центральной районной библиотеке в декабре впервые будут проведены Тютчевские дни, приуроченные ко дню рождения поэта. Состоится открытие постоянной литературной экспозиции «Жизнь и деятельность Ф.И. Тютчева» в рамках создания литературного музея при Центральной районной библиотеке им. Ф.И. Тютчева. Его экспозиционный фонд - это малая часть культурного наследия и информационного ресурса Балашихинского района, созданная в интересах нынешних и будущих поколений балашихинцев.

Деятельность литературного музея предполагает:

- организацию и постоянное обновление и пополнение различ-

ных выставок и экспозиций, связанных с именем Ф.И. Тютчева;

- организацию и проведение экскурсий, основанных на музейных материалах, для детского и взрослого населения с учетом их интересов;
- использование музейного фонда в экспозиционной, научно-методической, культурно-просветительской, библиотечно-библиографической, информационной и образовательной работе с читателями и жителями района;
- разработку и издание тематических и библиографических пособий, каталогов и картотек, обзоров, указателей, отражающих жизнедеятельность Ф.И. Тютчева, с целью информирования читателей и привлечения их в библиотеку;
- проведение в Балашихинском районе ежегодных Тютчевских дней, предусматривающих: подготовку праздничной экспозиции, подготовку и издание буклета, организацию литературно-музыкального концерта, подготовку научно-практической конференции, организацию открытых уроков в общеобразовательных школах района, проведение детского творческого конкурса, презентацию новых книг о жизни и творчестве поэта;
- проведение в музее открытых и тематических школьных уроков, литературно-музыкальных вечеров, поэтических салонов, связанных с именем великого поэта, в целях формирования исторического сознания и патриотического воспитания молодежи;
- установление творческих и научно-исследовательских контактов с библиотеками, музеями, с различными учреждениями и организациями, а также с отдельными личностями, заинтересованными в издании и пропаганде жизни и литературного наследия великого Ф.И. Тютчева;
- информационную, консультативную и методическую помощь учреждениям культуры, общеобразовательным школам и вузам, клубам и любительским объединениям, творческим и научным работникам, всем, кто интересуется жизнедеятельностью и творчеством Ф.И. Тютчева, в пределах своей компе-

тенции;

- постоянное взаимодействие с посетителями музея, читателями библиотеки, поклонниками и любителями творчества Ф.И. Тютчева;
- изучение и использование положительного опыта музейной деятельности библиотек, носящих имя великого поэта и гражданина.

Отмечая активное участие библиотеки в пропаганде жизни и творчества поэта, делегация из Балашихи была приглашена 1 августа 2005г. на празднование 85-летия музея-усадьбы «Мураново». В состав делегации, которую возглавили заместитель начальника Управления культуры МА. Чернова и директор МУК «ЦБС» Л.Н. Покрасова, вошли и наши замечательные певица Алена Лелекова и композитор Владимир Бохан. Они представили слушателям цикл романсов на стихи Ф.И. Тютчева. Их исполнение настолько соответствовало общему впечатлению от усадьбы, ее музейной экспозиции и открытой выставки «Страницы мурановской истории», что было воспринято как явное воссоединение поэтической музыки и музыкальной лиры.

Руководители делегации договорились с руководством музея-усадьбы о дальнейшем творческом сотрудничестве и ежегодном участии представителей музея в проведении ежегодных декабрьских Тютчевских дней на Балашихинской земле. К взаимному удовольствию, директор музея В.В. Пацюков сфотографировался с нашей делегацией на фоне усадебного дома и пожелал успехов в благородном деле по популяризации имени великого Федора Ивановича Тютчева.

Совсем недавно Центральная районная библиотека им. Ф.И. Тютчева выступила инициатором проведения ежегодного открытого литературного конкурса им. Ф.И. Тютчева, в котором могут принять участие все любители поэзии, любители литературного творчества. Итоги конкурса будут подводиться в декабре в Тютчевские дни на балашихинской земле.

Учитывая большую работу Центральной районной библиотеки им. Ф.И. Тютчева, ее патриотическую, эстетическую и православную направленность, а также руководствуясь рекомендациями

Г.В. Чагина, мы предложили взаимовыгодное сотрудничество в целях культурного обмена по пропаганде литературного наследия Ф.И. Тютчева Брянской областной научной библиотеке им. Ф.И. Тютчева, муниципальному учреждению культуры «Опочининская библиотека» и краеведческому музею г. Мышкина Ярославской области. Этот творческий проект послужит духовно-нравственному воспитанию населения и пропаганде литературного наследия великого сына земли. Ибо творческое литературное наследие Ф.И. Тютчева должно быть доступно, изучаемо и почитаемо всеми жителями XXI века.

Алексеев В.П.,
директор
Брянского государственного
объединенного краеведческого музея

Другие Тютчевы, другой Федор Иванович

Современником поэта Тютчева был его полный тезка, тоже Федор Иванович Тютчев. Второй Тютчев родился всего в двух десятках верст от Овстуга, воспитывался примерно в такой же дворянской семье, как и поэт, но не достиг такого положения в обществе, как его знаменитый тезка и не оставил литературного наследия. Его биография заурядна по сравнению с биографией поэта, но может быть этим и представляет для нас интерес. Имя второго Тютчева часто встречается в документах разных архивов и даже поэтому, чтобы не путать его с поэтом, тютчеведам необходимо знать о его существовании. Начнем с родословной.

Как известно, большая часть Тютчевых ведет свой род от Захария Тютчева, посла Дмитрия Донского к Мамаю. К этой основной ветви принадлежит и поэт Федор Иванович Тютчев. Но первым из его предков, появившихся в Брянском уезде, был дед Николай Андреевич, родившийся в селе Знаменском под Угличем. На Брянщине же еще в XVI в. сложились по крайней мере две самостоятельных ветви Тютчевых, которые позже не могли доказать

своего родства с Захарием. Один из этих родов шел от брянского помещика Пороши Тютчева. Его родовым гнездом было село Выгоничи. Другой – от брянского помещика, жильца Игнатия Андреевича Тютчева, упоминаемого в 1582 г. Эти Тютчевы обосновались в селах Хотылево и Кабаличи. Потомкам Игнатия Тютчева в XVIII в. был присвоен герб, отличавшийся от герба основной линии. На гербе Овстугских Тютчевых в верхнем поле помещен рог, а в нижнем – дворянская корона с крыльями и жезлом. На гербе хотылевских и кабаличских Тютчевых эти атрибуты помещены в левой и правой частях нижнего поля, а в верхнем поле изображен скачущий влево конный рыцарь с мечом в поднятой руке.

У Игнатия Тютчева были сыновья Степан и Дмитрий. По писцовым книгам 1626 г. братья владели селами Хотылево, Кабаличи, Маковецкой пустошью на речке Именке с припущенным к ней в пашню селищем Пашичи и поверстным и десятинным лесом. За сыном Дмитрием Афанасием в 1676 г. было 850 четвертей земли и денежный оклад в 47 рублей. У Афанасия были дети Василий и Гаврила, владения которых переписаны в 1677 г.

Гаврила должен был являться на службу на коне, с ружьем, саблей, парой пистолей, а также приводить с собою человека с простым конем, двух человек с сайдаком, т.е. вооруженных луком и стрелами, одного человека с пищалью и двух человек в кошу, т.е. для обоза. Такое снаряжение требовало больших средств. На его сына, двухлетнего недоросля Никифора, тоже был выделен поместный оклад в 11 четвертей и 39 руб. 50 коп. деньгами. На год-два моложе Никифора был второй сын Гаврилы, Петр. Никифор служил в Азовской губернии в Белгородском полку прапорщиком. 24 февраля 1720 г. в военной коллегии ему был выдан печатный «пашпорт» на чин прапорщика с подписью Романа Брюсса и Ивана Бутурлина. Позже Никифор продолжал службу поручиком Тобольского полка. Его патент на звание поручика был подписан самим светлейшим князем Римского и Российского государств, генерал-фельдмаршалом Александром Даниловичем Меншиковым. В этом чине он был уволен в отставку с похвальным листом о добропорядочной его службе и поступках.

Сын Никифора Иван начал службу в гвардии рядовым солдатом, принимал участие в различных «комиссиях». Отставлен по болезни в чине полковника. Именным императорским указом от 1764 г. определен опекуном императорского воспитательного дома в Москве, а в 1766 г. – вице-президентом государственной юстиц-коллегии с чином статского советника. Патент на чин ему выдали в 1770 г. В 1775 г. он получил чин действительного статского советника, т.е. светского генерала. Женой его была сестра Дарьи Салтыковой, самой жестокой русской помещицы, Аграфена Николаевна Иванова. Видимо, в связи с такими родственными связями в том же 1775 г. ему было поручено опекунство над именем и детьми осужденной Дарьи Салтыковой. Портрет Ивана Никифоровича, запечатленный кистью Рокотова, находится в Третьяковской галерее. Брянское дворянство избирало его своим уездным предводителем.

У Ивана Никифоровича было четыре сына. Один из них, Иван Иванович, родился в селе Кабаличи в 1767 г., начал службу гвардии сержантом, а в 1796 г. женился на дочери брянского помещика Марии Алексеевне Мачехиной. Супруги проживали в селе Кабаличи. У них родилось пять сыновей и дочь. Из детей вошел в русскую историю декабрист Алексей Иванович, капитан Пензенского пехотного полка, член общества соединенных славян, посланный на поселение в с. Курагино Енисейской губернии.

Как свидетельствует хранящаяся в Государственном архиве Брянской области метрическая книга с.Кабаличи 1 февраля 1808 г. у местного помещика Ивана Ивановича и его супруги Марии Алексеевны Тютчевых родился сын Федор. Восприемником был помещик села Ожоги Кромского уезда Александр Никифорович Шеншин. Отцу новорожденного принадлежало 350 душ крестьян, 1200 дес. земли и 800 дес. лесных дач. Как и поэт, Тютчев в доме родителей научился российской, французской и немецкой грамоте. Знал математику, историю и географию. Подобно большинству дворянских отпрысков, Федор Иванович избрал военную службу. Кстати, следует задуматься над тем, почему будущий поэт избрал гражданское поприще, в отличие даже от своего брата Николая. Наверное, гражданская служба больше соответствовала его импульсивному характеру и сохранила для русской литературы поэта.

24 февраля 1824 г. Федор Иванов сын Тютчев вступил в службу унтер-офицером Переяславского конно-егерского полка. Ровно через два месяца он производится в юнкеры, через два года – прапорщиком с переводом в Казанский драгунский полк. В 1828 г. переводится корнетом в Екатеринославский кирасирский полк. В 1829 г. производится в поручики, в 1834 г. – в ротмистры. За участие в смотре при городе Чугуеве удостоился получить полугодовое жалованье. Медленно текли годы военной службы, так же медленно шло продвижение в чинах. Наконец, 15 марта 1840 г. он переименовывается из ротмистров в титулярные советники и назначается контролером в омскую полевую провиантскую комиссию. Однако в нужный срок на новую должность не явился, почему из службы по провиантскому ведомству был исключен. В сентябре был командирован в отдельный Сибирский корпус князя Горчакова и по прибытии в Омск назначен чиновником особых поручений при провиантской комиссии. Позже переводится в главное управление Западной Сибири. Здесь он вел следствие по делу об уклонении семипалатинского городского врача Харченко от пользования больных воинских чинов. Следующим поручением было разбирательство о киргизах разорившихся от падежа скота, и оказании им помощи. Пришлось Тютчеву расследовать дело о грабеже султанами Каракарашинского округа Худийменом Газиным и Косне Урмаковым, проходивших через их территорию Ташкентских и Бухарских караванов. Поручения приходилось выполнять на огромных сибирских просторах. Так Тютчеву пришлось совершать поездки в Томскую и Енисейскую губернии с целью получения сведений о ценах на хлеб, заготовлявшийся для казенных винокуренных заводов.

Хорошим здоровьем Тютчев не отличался. Еще в 1826 г. он получил отпуск на четыре месяца, но в срок из-за болезни не явился. В 1834 г. был уволен на 28 дней для излечения болезни на Московские искусственные минеральные воды. Так же из-за болезни он просрочил свой двухмесячный отпуск в 1842 г. В 1843 г. он был уволен от должности чиновника по особым поручениям с производением в чин коллежского асессора.

Брат Федора Ивановича Иван тоже был чиновником по особым поручениям и гордился древними корнями своего рода. Протоиерей Верховский в своих воспоминаниях описывает совместную командировку с Иваном Ивановичем Тютчевым в старообрядческие стародубские поселения. При первой же встрече «Тютчев принялся мне объяснять древность своей фамилии, производя ее от Тючева, который еще во времена оно при великом князе Дмитрие Ивановиче был послом от князя к Мамаю. Теперь эта древняя фамилия, говорил Тютчев, имеет трех представителей, в лице трех родных братьев, из которых Иван Иванович был старшим. Все братья, по словам его, были довольны своим положением, и все трое ничего более не желают, как только того, чтобы на службе приносить пользу ближним».

Имение родителей было продано за долги. Пришлось изыскивать другие возможности для существования. Немного спасло положение наследство от дядюшки Михаила Алексеевича Мачехина, который завещал племянникам Федору и Ивану Тютчевым три души мужского и столько же женского пола в слободе Дятьковичи Брянского уезда. Братьям также совместно принадлежало 98 душ мужского пола в селении Угревище Севского уезда. Какие-то имения у них были в Рославльском, Черниговском и Радомышльском уездах. Свои скудные средства братья решили пополнить поставками для воинских частей в г. Киеве и Киевском уезде соломы и дров. В качестве задатка по этому подряду они получили 24 467 рублей 21 копейку серебром. Однако Тютчевы оказались неисправными поставщиками, чем нанесли казне убыток. Киевское губернское правление постановило взять в опеку все имения Тютчевых с целью использования доходов с них для погашения необходимой суммы. Со своими претензиями выступили кредиторы Тютчевых: житомирский купец Комперовский, мещанин Присмойлов, удельный крестьянин Прасолов, купцы Бойдаковский и Шилов, канцелярист Дендера, наследники майора Долгина, помещиков Трубицына и Статкевича и коллежского асессора Ивана Жуковско-го. Тютчевы подали апелляцию на решение суда, но написали ее на простой, а не гербовой бумаге, за что с них было взыскано 485 руб. штрафа.

Более успешно Федор Иванович занимался поставкой водки по винным откупам. Последние годы жизни он провел, как и его тезка в Царском селе. В 1850 г. занимался делами по внесению в родословную книгу. В департаменте герольдии было вынесено решение о взыскании с него суммы в 1 р. 80 коп. за то, что прошение в сенат о занесении в родословную книгу было написано не на гербовой, а на простой бумаге.

1 октября 1855 г. чиновник с объявлением указа о выплате штрафа явился на квартиру Тютчевых в доме госпожи Даниели на Большой Московской улице в Царском Селе. Однако коллежского ассессора Федора Ивановича Тютчева уже не было в живых, а его вдовы Сусанны дома не оказалась. О его детях сведений нет.

Вот так прошла его жизнь, не оставив после себя заметных следов. Однако в селе Кабаличи Брянского района и поныне сохранилась церковь, построенная дедушкой Федора Ивановича, где его крестили.

Литература

Верховский, Т.А. Стародубье / Т.А. Верховский. - Казань, 1874.

ГАБО, ф.5, оп.2, д.642

ГАОО, ф.826, оп.2, д.1048

ГАОО, ф.6, оп.1, д.2364

Руммель, В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий / В.В. Руммель, В.В. Голубцов. - Спб, 1887. - 2 т. - С.570.

РГАДА, ф.350, оп.2, д.439, л.1179

РГИА, ф.1343, оп.30, д.3855

Краснова Н. А.,
*заведующая отделом
Государственного музея-заповедника
Ф. И. Тютчева «Овстуг»
Брянская область*

Значение Овстуга в детстве поэта. Роль детских впечатлений в формировании тютчевского таланта

Ф.И. Тютчев – вдохновенный певец природы, поэт-философ, романтик, гуманист. Он вошел в русскую культуру, как одно из ее бесспорных и драгоценных достояний. Проходит время, и наследие Тютчева в глазах новых поколений обретает все большую ценность. Высокий духовных настрой, глубочайший интерес ко всему, что происходит в мире, неустанная работа мысли, чистота и глубина чувства, обостренная способность сострадания и сопереживания – вот отличительные черты личности Тютчева. Тщеславие, погоня за успехом, карьеризм были чужды и враждебны его истинно русской натуре. Тютчев – это полное и безусловное отрицание бездуховности и равнодушия, самоуспокоенности и высокомерия.

Где истоки многогранных талантов Тютчева и своеобразных особенностей его характера? Отвечая на этот вопрос позволительно поставить рядом два важнейших фактора в жизни любого человека: Семья и Место рождения, окружающая среда. Для Федора Тютчева таким местом стала родовая усадьба в с. Овстуг Брянского уезда Орловской губернии, в 35 км от уездного города.

Усадьба – не только вместилище раритетов, библиотек, коллекций, не только архитектурный ансамбль, усадебно-парковый ландшафт... Усадебный мир является зеркальным отображением духовной жизни со всеми открытиями, приобретениями и со всеми пороками своего века. Миропонимание русского человека всегда исходило из его взаимоотношений с окружающим миром. Усадьба дарила своим обитателям чувство душевного покоя, рождала ощу-

щение определенной замкнутости мира – чувство дома. Все это очень своеобразно соединялось с бескрайностью родных просторов, их, казалось, вечной былинной красотой, с присущими их обитателям душевными порывами к простору, свободе, воле... Сколько мечтателей родилось в сельских усадьбах средней полосы России, сколько высоких мыслей и дерзких открытий, внешне не связанных с тесным семейным миром, наоборот – как бы раздвигающих его границы, оказались сотканы из усадебного воздуха. Автор питерского журнала «Аполлон» – А. Трубников писал: «В дворянских усадьбах сгустилась вся суть русской культуры; то были интеллектуальные теплицы, в которых распускались самые красивые цветы из них вышли Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Лесков, наши великие писатели, наши лучшие музыканты и поэты. Если русско-византийская культура проявилась в богоносной красоте икон, то эволюция нашего общества после Петра проявилась вовсе не в архитектуре Царского села или сокровищах Эрмитажа, а в рождении очень своеобразного и ни на что не похожего мира русских усадеб». Мира, несомненно, противоречивого, непростого, неоднородного, а сегодня во многом невозвратно утраченного и уже непознаваемого. Жизнь крестьян и жизнь дворянской семьи при всей их удаленности, противоположности все-таки имели точки пересечения, соприкосновения – одна земля, одно время, одна на всех история Родины.

Семья – колыбель духовного рождения человека. Многообразие отношений между ее членами, обнаженность и непосредственность чувств, которые они питают друг к другу, обилие различных форм проявления этих чувств, живая реакция на мельчайшие детали поведения ребенка – все это создает максимально благоприятную среду для эмоционального и нравственного формирования, для накапливания фактов и наблюдений, которые кристаллизуются потом в новую неповторимую личность.

Семья Тютчевых была обычной русской барской семьей конца 18 начала 19 вв. Родители Федора Ивановича, люди независимые, среднего достатка, просвещенные и доброжелательные, славились гостеприимством и хлебосольством. В семье преобладал французский язык, но свято сохранялись обычаи родной старины,

особенно все православные обряды. По словам И.С. Аксакова, отец поэта, Иван Николаевич Тютчев был «человеком рассудительным, с спокойным, здравым взглядом на вещи», отличался «необыкновенным благодушием, мягкостью, редкой чистотою нравов», но «не обладал ни ярким умом, ни талантами» (с данным определением, впрочем, можно и поспорить). Тот же биограф характеризует мать поэта, как «женщину замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с склонностью к ипохондрии, с фантазией, развитой до болезненности».

Ф.И. Тютчев унаследовал многие черты внутреннего облика своих родителей.

От отца – особую деликатность и полное отсутствие тщеславия, карьерного рвения, а также культуру общения, которая не исчерпывается одной лишь вежливостью. Ее неперменный атрибут – тактичность, одно из самых симпатичных и привлекательных человеческих качеств, которое состоит в умении понять чувства и настроения окружающих. Но первоначальное влияние на развитие талантов и способностей ребенка оказывает мать.

Характер взаимоотношений матери и ребенка – одна из важнейших проблем. Каждому человеку, тем более маленькому, нужна любовь. Привязанность ребенка к матери формируется при общении с ней. Воспитание, способности любить, сочувствовать, как утверждают психологи, начинается в первые недели жизни. Ребенок учится смотреть, слушать, различать цвет и форму, звуки и запахи. Если ребенок голодный, неухоженный, нелюбимый, ему эта наука дается труднее. Так же как в пище, ребенок нуждается в постоянном притоке разнообразных воздействий из внешней среды. Существует даже такое понятие «сенсорный голод», т.е. недостаток зрительных, звуковых и других впечатлений. Такой «сенсорный голод», как показывают исследования, крайне отрицательно сказывается на развитии ребенка. Так что не хлебом единым жив не только взрослый, но и растущий человек. Мы сегодня уже знаем, что навыки, умения, привычки и черты характера сформировавшиеся в раннем детстве, имеют особую устойчивость и нелегко поддаются последующим преобразованиям.

Педагоги-исследователи начала XIX в. уже сошлись во мнении: «Детский возраст – есть возраст внушения. В первые годы жизни ребенка, когда сознательная работа мысли, рассудка отсутствует или находится в зачаточном состоянии, внушение является почти единственным фактором его умственного развития. Обстановка, которую мы создаем детям, привычки, которые мы устанавливаем, понятие, которое мы им внушаем, образуют тот фундамент, на котором будет строиться здание дальнейшего их развития...». Не споря с классиками стоит только уточнить, что одним из краеугольных камней такого фундамента является религиозное воспитание. В храме Овстуга был окрещен Федор Тютчев. Мать-христианка – лучшая учительница богопознания для ребенка. По правилам той поры, перед глазами дитяти к колыбели прикреплялась святая икона ангела-хранителя. Едва окрепнет ребенок, мать подносила его к киоту, освещенному лампадой. Мать обучала первым молитвам и вводила в мир православия. Церковь предлагала верующим средства для духовного совершенствования, упражнения для сердца и воли. Упражнения эти известны. Молитва, очищающая сердце, постоянное посещение Богослужения, пост, говение, исповедь и приобщение Святых Тайн.

Федор Тютчев в раннем возрасте, в Овстуге получил эти основы религиозного воспитания. Пройдут годы. Много изменится в жизни, но память детских лет светлым огоньком лампадки в минуты испытаний и утрат подарит утешение и поддержку.

Для Федора – влияние матери было основополагающим. И потому что этот сын был несомненным любимчиком, баловнем, как утверждали близкие, и в силу особенностей характера самой маменьки Екатерины Львовны, и в силу особенностей той эпохи.

Характер женщины весьма своеобразно соотносится с культурой эпохи. С одной стороны, женщина с ее напряженной эмоциональностью, живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его. В этом смысле характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни. С другой стороны, женский характер парадоксально реализует и прямопротивоположные свойства. Женщина – жена мать – в наибольшей степени связана с надысто-

рическими свойствами человека, с тем, что глубже и шире отпечатков эпохи. Поэтому, влияние женщины на облик эпохи в принципе противоречиво, гибко и динамично. Гибкость проявляется в разнообразии связей женского характера с эпохой.

В доме каждого образованного человека 18 века хранились и печатные, и рукописные книги. Круг этих материалов настолько обширен, что одни части библиотеки хранились теперь в кабинете хозяина, а другие – у его жены. Так к концу 18 в. появляется совершенно новое понятие – женская библиотека. Книги были разные и читательницы – тоже. Мы знаем в начале 19 в. замечательных русских женщин, которые были приобщены к высшим проявлениям европейской и русской литературы. Но документы сохранили для нас упоминания и многочисленных, уже в пушкинскую эпоху, девушек и женщин, не отличавшихся особыми талантами. Это не были писательницы или участницы исторических событий, это были матери. И хотя имена их остались неизвестными, их роль в истории русской культуры, в духовной жизни последующих поколений огромна. Домашние библиотеки женщин конца 18 нач. 19 вв. сформировала облик людей 1812 г. и декабристской эпохи, домашнее чтение матерей и детей 1820-х годов взрастило деятелей русской культуры середины и второй половины 19 века.

Примерно к 70-м годам 18 в. над Европой пронесется дыхание нового времени. Зарождается романтизм, и, особенно после сочинений Ж.Ж. Руссо становится принятым стремиться к природе, к «естественности», нравов и поведения. Стремление к «естественности» прежде всего, оказало влияние на семью. С этого же времени начали ценить ребенка, ценить детство.

Раньше в ребенке видели только маленького взрослого. Это очень заметно, например, по детской одежде. В начале 18 в. детей одевали в маленькие мундиры, шили им маленькие, но по фасону – взрослые одежды. Считалось, что у детей должен быть мир взрослых интересов, а само состояние детства – это то, что надо пробежать как можно скорее. Но в 19 в. постепенно в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек. Появляется детская одежда, детская комната, возникает представление о том, что играть – это хорошо. Учить с помощью розги про-

тиворечит природе. Так в домашний быт вносятся отношения гуманности, уважения к ребенку. И это – заслуга в основном женщины. Подчеркнуто детское платье – свободная рубашка, не стесняющая движений малыша, – изображено на акварельном портрете Федора Тютчева работы неизвестного художника. Несомненно, Екатерина Львовна Тютчева пристально следила и сочинения Ж.Ж. Руссо присутствовали в ее библиотеке.

Мужчина служит и дома бывает редко. Детский же мир создает женщина. А для того, чтобы создать его, женщине необходимо много пережить, передумать. Ей надо стать читательницей.

В значительной мере складывается это под влиянием двух людей: Николая Ивановича Новикова и Николая Михайловича Карамзина.

Новиков, посвятивший свою жизнь пропаганде Просвещения в России, создал новую эпоху и в истории русской женской культуры. Им была создана подлинная библиотека для женского чтения.

Карамзин, поэт и один из самых блистательных деятелей русской литературы 18 в. создает литературу, нравственный и педагогический эффект которой не был основан на прямолинейной назидательности. Сегодня эти романы кажутся очень наивными, но Карамзин, писал, что человек, который плачет над судьбой героя, не будет равнодушен к несчастьям другого человека.

Когда мы говорим о том, откуда берутся люди декабристского круга, которых Герцен называл «поколение богатырей, выкованных из чистой стали», – тут можно указать много причин. Это и исторические события, и война, и книги, но это еще и гуманистическая атмосфера, которая так неожиданно ворвалась в семейную жизнь. Героическое поколение жен декабристов еще впереди. На рубеже веков живут их матери, «мечтательницы нежные», но без этих матерей не было бы этих дочерей. В этом культурном мире складывалось особое детство – дети очень рано начинали читать. Женский мир был неотделим от детского, и женщина-читательница породила ребенка-читателя. Чтение книги вслух, а затем самостоятельная детская библиотека – таков путь, по которому пройдут будущие литераторы, воины, политики.

Книга к началу 19 в. стала обязательным спутником детства. У ребенка были очень интересные книги, – конечно, прежде всего, романы, ведь дети читали то, что читала женщина. Женская библиотека, женский книжный шкаф формировали круг чтения и вкусы ребенка. Романы кружили голову: в них – героические рыцари, которые спасают красавиц, служат добродетели и никогда не склоняются перед злом. Книжные впечатления очень легко соединялись со сказкой, которую ребенок слышал от няни. Роман и сказка не противоречили друг другу.

Книги многое значили в жизни юного Тютчева. Они будоражили воображение, порождали мечтательность. Трудно переоценить роль фантазии в формировании способностей к любой деятельности, будь то литературное творчество, изобразительное искусство или история.

Мечта – необходимое условие претворения в жизнь творческих сил человека. Полет фантазии опережает медленную поступь реальных событий, яркими красками расцветивает и делает живыми даже самые сухие абстракции. Развитие воображения служит предпосылкой формирования многих способностей, а формируется само в первые годы жизни ребенка. Напомним, эти первые годы для Федора Тютчева неразрывно связаны с Овстугом, природой села и библиотекой овстугского дома.

Русская детская книга, начинавшаяся с издательской деятельности Новикова, к началу 19 в. стала уже достаточно разнообразной. Здесь и классические произведения – такие как «Дон Кихот» или «Робинзон Крузо», – и литература во многом примитивная: переводы произведений для детей, почерпнутые из немецких и французских дидактических книг. В эту же эпоху входит в детское чтение и друга книга – «Плутарх для детей». Плутарх – известный античный прозаик, автор «Сравнительных жизнеописаний» великих людей древней Греции и Рима. Только что, пережив «первую волну» литературных впечатлений, почувствовав себя средневековым рыцарем, который борется со злодеями, колдунами и великанами, крестоносцем, воюющим с маврами, – ребенок окунается в мир исторической героики. Самым обаятельным в глазах детей и подростков становится образ римского республиканца.

В сборнике сер. 19 в. «Энциклопедия воспитания и обучения», как бесспорный давно признанный факт звучат строки: «Ребенок – поэт: знание доступны для его ума не в виде отвлеченных положений и правил, а в форме поэтических, живых и художественных рассказов, уносящих воображение и ум в мир чудесного. Не даром еще Плутарх, живший за пять веков до Рождества Христова советовал матерям рассказывать детям мифы и сказки».

Нет возможности узнать, рассказывала ли маменька сказки юному сыну, но мифы древней Греции, Эллады, несомненно, очень рано вошли в жизнь Федора Тютчева. Образы мифологических героев очень естественно проявляются в поэзии Тютчева.

Овстуг, родительский дом подарили Тютчеву и мир книг. Без светской суеты в отсутствие сановных гостей, у родителей Федора было время и желание видеть и оценивать важность этапов взросления юного сына, необходимость книги в его судьбе. Рано обретенная в Овстуге привычка к чтению осталась в характере на все последующие годы.

Книга закладывает основу будущего мировоззрения ребенка. Система взглядов на мир, на явления окружающей нас жизни, дающая возможность оценить, что справедливо, прекрасно, а что недостойно, отталкивающе. Воспитать в ребенке любовь к прекрасному и протест против плохого – разве это не значит заложить основы его будущего мировоззрения. С ребенком можно и нужно говорить о многом. Важно – как говорить. Надо уметь о большом и серьезном рассказывать просто, зримо, взволнованно, умно.

Екатерина Львовна, несомненно, следила за кругом чтения сына, формировала его. К пяти годам Федор Тютчев овладел грамотой, примерно в эти же годы к нему был приставлен воспитатель.

Николай Афанасьевич Хлопов, вольноотпущенный господ Татищевых. Дядька должен был опекать своего воспитанника, следить за каждым его шагом. Николай Афанасьевич в этом качестве прослужил почти 20 лет, и Тютчев был привязан к нему как к одному из самых родных и близких людей.

Этот факт важен по двум причинам.

1. Ученые-психологи отмечают, что естественная потребность осмыслить всякое природное явление длится у детей недолго – до 8-10 лет. И этим надо своевременно воспользоваться, потому что позднее приходят новые интересы, иногда очень далекие от изучения природы. Если же любовь к естественным наукам прочна, она будет развиваться и дальше. Каждое название предмета, его действия и его качества есть следствие наблюдений, и что есть в речи логического, то проистекает из наблюдений человека над природой и самим собою. Если слово не связано с образом, не опирается на живые, непосредственные наблюдения, оно лишается своего содержания. Природа гармонична. И в этой гармонии все взаимосвязано, оплетено, подчинено единым великим законам. Мы постоянно испытываем на себе ритмичную, из века в век повторяющуюся смену дня и ночи, смену времен года. Эта цикличность жизни приносит нам радость смены ощущений, настроений. Она позволяет ежегодно, как долгожданного гостя встречать весну с ее пробуждением, первоцветами и надеждами, лето с буйством трав, ароматов, щебетанием птиц, богатую всевозможными красками и мягким теплом плодородную осень, белоснежную пушистую зиму с ядреным морозцем и метелями. Она учит нас эстетическому восприятию мира, каждый раз, неожиданно по-новому раскрывая нам прелести жизни. Вот об этой слитности художественного восприятия природы человеком с потребностью выразить в своем творчестве то вдохновение, которое дарит ему природа, нам следует постоянно помнить. Есть еще одна причина выделить факт появления в Овстуге Николая Хлопова. В уже упоминавшейся «Энциклопедии семейного воспитания и обучения», как бесспорный факт, как давно признанная истина звучат строки: «Важнейшим средством для приобретения знаний служит ребенку родной язык. Он является зеркалом, которое отражает и картины внешней природы, и движение мысли, верования и обычаи, унаследованные от прежних поколений. Родное слово объясняет ребенку природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих людей, с обществом, с его историей, как не мог бы ознакомить ни один историк; оно вводит его в народную поэзию как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает

такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ – язык величайший наставник народа».

Можно только уточнить, что язык – величайший наставник для юного Тютчева. Федор услышал, прочувствовал, принял красоту родного русского языка среди родных просторов Овстуга.

Свидетельств о детстве поэта сохранилось мало и самым ценным из них является письмо Дарьи Федоровны из Овстуга сестре Екатерине от 20 августа 1855 года: «Мы отправились вместе, папа и я, сперва на могилу дедушки, а затем в рощу, с которой у папа связано столько детских воспоминаний. Он рассказал мне, что однажды, гуляя со своим дядькой в роще у кладбища, нашел мертвую горлицу в траве, они похоронили ее, а папа написал эпитафию в стихах. Ты помнишь ночные фиалки, которые так благоухают по вечерам? Так, вот, весной папа приходил после заката солнца в рощу и собирал этот душистый чудоцвет в тишине и мраке ночи; это вызывало в нем неясное чувство таинственности и благоговения. О, я понимаю, какое пронзительное чувство должен испытывать поэт, возвращаясь в края, на которые когда-то его пробуждавшееся воображение набрасывало свой волшебный покров! Эти рощи, этот сад, эти аллеи были целым миром для папа – и миром полным; тут пробудился ум, и детское воображение искало в этой действительности свой идеал. Теперь Овстуг для папа – точно призрак его детских грез – в том, что некогда рисовалось ему как идеал, он видит нынче ничем не прикрашенную действительность, и пропасть пролегла между ребенком той поры и тем же ребенком, возмужавшим и познавшим все жизненные разочарования...».

«Детство – важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь. И от того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира, – от этого в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш» – писал через столетие Сухомлинский.

Тютчеву повезло и в этом отношении. Открывая мир природы, ребенок имел возможность разделить эту радость открытия со

взрослым другом, понимающим и щадящим наивность переживаний.

Наблюдательность – то драгоценное свойство человека, благодаря которому он способен ориентироваться в окружающей среде, понимать разнообразный мир природы, контактировать с людьми. Только в раннем возрасте можно было воспитать эмоциональное начало, порождающее у Тютчева – давно взрослого поэта – удивление, восхищение, радость от пережитого, желание новых встреч с прекрасным. Великий дар – умение понимать природу такой, какая она есть на самом деле, со всеми ее естественными, такими простыми и в то же время великими, в своей гармонии свойствами. Для этого нужно уметь наблюдать, анализировать и обобщать: в настоящем видеть прошлое, в единственном зернышке предугадывать поле прекрасных цветов и, главное, умом и сердцем понять закон единства живого и неживого; прошлого, настоящего и будущего. В каждом времени года, в каждом из его двенадцати месяцев есть неповторимое чудо, своя нежная прелесть, свои радости. Очень важно, что юный Федор Тютчев сердцем познал гармонию движений и связей в природе, услышал и постиг ее мудрый жизненный ритм в родном селе, в самом начале жизненного пути.

В.А. Сухомлинский видел нерасторжимую связь между умением видеть красоту природы и потребностью ее изобразить собственным словом, собственным напевом.

Тютчев рано ощутил тягу к поэтическому слову. Что стало первотолчком определить сложно, но что очень вероятно Овстуг подарил эту возможность.

Нередко взрослые в быту, в семье забывают о том, насколько чутко и восприимчиво сознание ребенка. А оно запечатлевает самые ранние влияния. Знакомство детей с творениями народного творчества – песнями, сказками, былинами, дает им ключ к поэтическому открытию мира. Через свой особый, сложный, полный поразительных открытий мир, искусство ведет детей в большую жизнь. И разбуженные им волнения чувств ставят юных перед необходимостью и возможностью первых самостоятельных нравственных оценок: что хорошо и что плохо.

Память детства – самая драгоценная память: то, что узнал в детстве, остается на всю жизнь. Если бы можно было проанализировать многие свершения в человеческой жизни, то, вероятно, мы с удивлением обнаружили бы, что это в какой-то степени разматывание маленьких клубочков от впечатлений и опытов, вынесенных из детства.

Т.Г. Динесман предполагает, что упоминавшаяся эпитафия на смерть горлицы была написана в 1809 году. А ко дню рождения отца 13 ноября 1814 года было написано сохранившееся стихотворение «Любезному папеньке».

Зимой 1813 года в Овстугском доме появляется первый учитель Федора – двадцатилетний Семен Егорович Раич, закончивший Севскую семинарию и до того бывший домашним учителем у теток Тютчева – Надоржинской и Шереметьевой. Позже Раич вспоминал: «...Из дома Н.Н. Шереметьевой я поступил в дом И.Н. Тютчева, родного ее брата: здесь Провидению было угодно вверить моему руководству Ф.И. Тютчева, вступившего в десятый год жизни. Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня, года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, – так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум».

Три года в Овстуге рядом с Федором был даровитый выпускник одной из лучших семинарий того времени – Орловской духовной в г. Севске. Раич в совершенстве знал древнегреческий, итальянский и латинский языки, классическую поэзию античности, свободно владел церковнославянским, а это литературный язык Древней Руси. Влияние Раича на формирование характера Тютчева сложно переоценить.

Внутренняя культура, духовное богатство, высокие моральные качества только тогда социально ценны, когда они определяют нормы повседневного поведения людей, характер и формы общения между ними, гармонию внутреннего мира и внешнего облика. Воспитанность выступает, прежде всего, как качество социально необходимое, общественно ценное. Люди соприкасаются друг с другом в самых разнообразных социальных, нравственных, психологических ситуациях. Вступают во взаимодействие непохожие,

иногда просто противоположные взгляды, вкусы, темпераменты, характеры. Совершенно очевидно, что невоспитанность, незнание психологических механизмов общения, неумение уважать, щадить и беречь друг друга в условиях повседневного, обыденного, будничного общения приводит к большим социальным издержкам.

Родители Ф. Тютчева сумели создать весьма доброжелательную и спокойную семейную атмосферу. Аксаков, первый биограф Тютчева, упоминает о том, что юный Федор был добросердечен, кроток, с ласковым нравом и признаками высших дарований.

Хорошие манеры, соблюдение норм этикета, воспитанность – они испокон века потому ценятся и почитаются в народе, что за ними стоит глубокая духовность, богатый внутренний мир человека. Не случайно еще в 15 веке поэт заметил: « Об истинно высоком нраве судить мы по манерам вправе». Разумеется, нельзя представлять дело так, что внутренняя культура автоматически порождает внешнюю, а эта последняя зеркально отражает глубины души. При неправильной расстановке акцентов в воспитании это единство может быть нарушено. Принципы и нормы культуры общения формировались веками. Стержнем, основой истинной культуры общения является гуманное отношение человека к человеку. Формирование у детей позиции открытости, доверия, дружелюбия – неперемнное условие воспитания культуры общения.

Основы моральных качеств, заложенные маменькой Е.Л. Толстой, успешно, судя по всему, продолжит развивать учитель. В родном селе, с младенчества погруженный в стихию русской народной речи, Тютчев получает бесценные уроки. Общеизвестно, что главным средством общения является язык, речь, слово. По тому, как владеет человек этим средством коммуникации, нередко судят о его культуре и воспитанности. Воспитание культуры речи органически входит в формирование культуры общения.

Редкая беседа обходится без полемики. Искусство спорить, не нарушая добрых отношений и дружбы, опять-таки формируется с детства. Самое элементарное, что усвоил Тютчев: ругань, перечисление личных недостатков собеседника, отрицательная оценка его качеств аргументами не являются. Зато очень может помочь в

споре шутка. Чувство юмора и остроумие – качества, которые высоко ценят в обществе.

Чьи уроки, чье влияние сказалось наиболее значительным для формирования всех качеств Тютчевской природы, однозначно сказать невозможно. Несомненно одно, влияния эти дополнялись, в чем-то нивелировались окружающей средой. Очарование природы, просторы Овстуга, быт крестьян, народное творчество не прошли бесследно в процессе формирования пытливого ума и чуткого сердца Федора. Эти уроки детства проявятся через десятилетия.

Услышьте, как глагол чують (слышать) представлен у Тютчева во всем многообразии его лексических значений, начиная от общерусского «ощущать» и кончая диалектным «слышать», весьма характерным для брянских говоров. В стихотворении «Графине Е.П. Растопчиной»:

*Ну вот я чую, надо мною,
Не на яву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...*

Связь глаголов позволяет говорить о диалектном значении «слышать». Иное значение глагола «чують» в стихотворении «Как птичка, раннею зарей...»:

*На мне, я чую, тяготееет
Вчерашний зной, вчерашний прах...
или строки:
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне...*

здесь уже глагол «чують» сопоставил с более общим – «ощущать», а в других стихах приобретает значение «обонять»:

*Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?*

Но если учесть, что птицы не умеют обонять, глагол и в этом случае имеет значение «чувствовать», «ощущать».

Таким образом, в этих случаях виден переходный ряд значений глагола чують от сугубо диалектного, конкретного, к более общему, ставшему общерусским.

Глагол прядать в современных брянских говорах сохранил древнее значение «прыгать», «отпрыгивать». С этим же значением использует его Тютчев в стихотворении «Конь морской»:

*Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!*

Слово цвет в значении «цветок» широко и устойчиво используется в современных брянских говорах. Именно с этим значением встречается оно в стихотворении «Я помню время золотое»:

*И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свесал...*

А в стихотворении «Не то, что мните вы природа»:

*Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил.*

Слово «листы», до сих пор живет в брянских говорах. В литературном русском языке тютчевской поры эквивалент ему слово «листва». Но Тютчев в стихотворении «Первый лист» пишет:

*Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы...
О первых листьев красота...*

Признанные стихотворения Тютчева написаны на протяжении большого временного отрезка, от 20-х до 80-х годов 19 в., но и в ранний, и в поздний период творчества Тютчев, прослуживший

почти четверть века за границей, пользовавшийся в повседневном обиходе почти исключительно французским или немецким языком, оставался предельно русским, используя все богатство и разнообразие национального русского языка. В тютчевских стихотворениях представлены различные пласты русского языка: нейтральные, книжные, народно-разговорные. Особый интерес вызывает использование народно-разговорных элементов в творчестве поэта. Создавая колорит живой разговорной речи, Тютчев использует общенародные языковые элементы и вкрапления узко-местных, сугубо-брянских слов и выражений, неожиданных в стихотворной речи поэта – «европейца», философа «космогонического» плана. Брянские диалектные особенности в стихотворениях Тютчева, прежде всего, органичны, неотъемлемы от русской речи поэта («Тебя он прядать научил, Играть, скакать по воле...», «Вот арфа ее в обычном углу...», «Смотри, как листьям молодым Стоят обвеяны березы», «Я царь земли, прирос к земле», «Под пламенным небом, на знойном холму Стоит и цветет одинока», «Грустит в пыли по небесам» и др.)

В работах о творчестве Тютчева всерьез заговорили о фольклорности его поэтической речи. Исследователи считают, что сам Тютчев рассматривал фольклорные элементы основой национальной образности собственного творчества (вывод Ф. Прийма). Эта фольклорность не может быть отвлеченной. Она строится на определенном языковом фундаменте, в основе которого лежит устная народная речь, весьма четко определяемая территориальным диалектом родины великого поэта – села Овстуг Брянской области

«Архаические» особенности языка тютчевских стихотворений – это элементы церковнославянского происхождения и древние русские языковые единицы, которые до нашего времени сохранились в брянских говорах.

В 1847 г. 44-летний поэт высказывает горькую мысль: «Я отжил свой век и у меня ничего нет в настоящем».

По дороге в Овстуг, Тютчев пишет стихотворение, которое начинается строками:

*Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые хоть и родные...*

Состояние, в котором оказался поэт, можно назвать шоком, вызванным смертью отца и той душевной пустотой, которую он не в силах был преодолеть. Но уже в следующих строчках – «Где мыслил я и чувствовал впервые» – поэт признает, что в Овстуге он начинался как человек, как личность. В целом же, стихотворение звучит не как осуждение, а как сожаление о многолетней разлуке по воле судьбы, оторвавшей от родных мест.

Но былого вернуть нельзя, а теперь рядом с ним новая любовь и новая жизнь. Пережив в стихотворении разрыв цепи времен, поэт тем самым пытается преодолеть его реально. Подведя этим стихотворением итог пережитому, поэт начинает вдыхать с овстугским воздухом новую жизнь, которая засветилась для него всеми красками родной природы, ожила, наполнилась смыслом и одухотворилась. Тютчев пишет маленькое стихотворение:

*Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют.*

*Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной.*

Развернутую характеристику этого стихотворения дал литературовед Н. Берковский: «Стихотворение это на первый взгляд кажется непритязательным описанием. Между тем оно полно мысли, и мысль здесь скромно скрывается, соответственно описанной и рассказанной здесь жизни – неяркой, неброской, утаенной и в высокой степени значительной... От крестьянского трудового хлеба в полях Тютчев восходит к небу, к луне и звездам, свет их он связывает в одно с зреющими нивами... Жизнь хлебов, насущная

жизнь мира, совершается в глубоком молчании. Для описания взят ночной час, когда жизнь эта полностью предоставлена самой себе и когда только она и может быть услышана. Ночной час выражает и то, насколько велика эта жизнь, – она никогда не останавливается, она идет днем, она идет и ночью, бессменно...»

13 августа 1855 г. по дороге из Москвы в Овстуг, доехав до Рославля, Федор Иванович пишет стихотворение: «Эти бедные селенья...».

В этом небольшом стихотворении с поразительной силой выражена психология русского народа. Русским судьба не уделила ни роскошной природы, как южанам, ни богатства; в удел им достался тяжелый труд и терпение. Судьбу русского крестьянина Тютчев приравнивает к скорбному пути Христа на Голгофу. Бог – с угнетенным народом, а не с его угнетателями. Простой русский народ, а не его верхушка, олицетворяет у Тютчева всю нацию, которую не может понять «гордый взор иноплеменный». Основная мысль поэта не читается, хотя и подразумевается – ведь за распятием следует воскрешенье.

Всю жизнь Тютчев был певцом родной природы и, все-таки, каждый раз по-разному ощущал ее, и, может быть, только здесь, в Овстуге, вдали от цивилизации он мог почувствовать все ее величие и тайну.

«В сознании читателя, – отмечает К.В. Пигарев – Тютчев вошел, прежде всего как певец природы. Такое представление о нем оправдано тем, что он был первым и в своем роде единственным русским поэтом, в творчестве которого образцы природы заняли исключительное место».

Тютчев чувствует природу очень интимно, живо, у него родственное внимание к природе и живая любовь к ней. Вместе с тем в изображении Тютчева природа богата не столько красками, сколько движением. Стихи Тютчева о природе представляют собой, как правило, не картины, а сцены. Природа изображается во времени, в открытых и скрытых ее переходах.

В отношении Тютчева к природе всегда ощущается сугубо человеческая заинтересованность. Тютчев-поэт постоянно и при-

стально вглядывается в природу, всматривается в ее загадочные лики, прислушивается к ее таинственным голосам.

Литературное наследие выдающегося поэта 19 века Ф.И. Тютчева обладает не слабеющей притягательностью. Самобытный мастер лирического стиха, поэт-философ, широко известный своими космическими созерцаниями, деятель высокой культуры, воспринявший традиции русского, западно-европейского и античного мира, гуманист, подлинной ценностью почитавший жизнь человеческого сердца, Тютчев оказался весьма созвучен и веку 20 и веку 21.

До 13 лет Тютчев прожил в Овстуге в исходной родной диалектной среде, здесь прикоснулся к истокам познания мира, здесь же он начал свои поэтические опыты, сюда, не только мысленно, но и реально, не раз возвращался в жизни, с самой теплой интонацией говоря в стихах о родном крае. Детские впечатления были отеснены в глубины души, но на их основе выросла личность великого поэта.

Что значил Овстуг в жизни юного Тютчева? Здесь зарождалась и формировалась любовь к Отечеству, к отчему дому, своим корням, к скромному, но всегда чем-то особенному среднерусскому пейзажу. Здесь начала проявляться возвышенная мечтательность, сентиментальность, гостеприимство, доброта и терпение к ближним.

Сиверин Н.Н.,

учитель Рогнединской средней школы,
пос. Рогнедино, Брянская область

Тютчевы, их окружение и Рогнединский край

*В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...
Чудный день! Пройдут века-
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.
Ф.И. Тютчев
1862 год*

Отчизна... Россия... Брянщина легендарная... Край древний Рогнединский - земля родных людей, капелек России - составляющих моей Родины. Она начинается с них, с героической истории нашего народа и с поэзии великого Тютчева, и с уклада жизни исчезающих деревень моего края, где слышны еще шаги предков поэта, и с натруженных рук матерей, трудовых и ратных побед и свершений, с горя общего и счастья общего... Родина наша всегда была красна вечной работой над осуществлением своей национальной идеи - сохранение и приумножение своих непреходящих духовных ценностей, нераскрытых человеческих способностей и возможностей при всей высоте особой русской души, т.е. внутреннего мира человека, его сознания. Но сиятельная звезда России все еще находится за туманом...

Ф.И. Тютчев, наш выдающийся русский поэт - земляк, как раз об этом писал еще в 1866 году, в связи с событиями на острове Крит:

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда ..?*

Проснись теперь иль никогда...

Спрашивал я себя нередко: "Чем мне помочь своей земле, на которой родился, своей капельке России?". И давно следую, по силе возможностей, убеждению- наказу дорогих моему сердцу предшественников - россиян:

*Деревни не повинны,
Что время их стирает невзначай.
Пока окошки ловят луч рассвета-
Дымы их до небес превознося,
Я говорю - и твердо верю в это -
Земля должна быть русская воспета
Из края в край,
До малой пяди,
Вся!*

Анна Ахматова

Ведь эту землю воспевал и верил в нее наш Тютчев. Что удалось сделать в итоге краеведческого поиска длиною в жизнь? Есть, скажем, наши заметные с питомцами - школьниками дела: походы, экспедиции, экскурсии, исследования, благотворительные литературные вечера, трудовые десанты, новые краеведческие залы, музеи, фольклорные классы, картинные галереи, памятники защитникам Родины и подвижникам народного образования 18 - 20 веков, театрализованное представление на областной сцене "Тютчевы на исторической Рогнединской ярмарке" и др., дорожная фотокарта "Тютчевы на Рогнединской земле", посадка Тютчевского дуба в Тюнине, словарь народного языка Рогнединской земли, тютчевские уроки, мини - спектакли, например, "Мария и Николай Бирилевы в Тюнине", Тюнинские праздники поэзии, культуры и труда, авторские программы, циклы тематических радиопередач для районного

радио на общественных началах, циклы краеведческих публикаций в газете, брошюры, выпущенные типографским способом и другое.

Недавно вышла в свет моя книга "Край Рогнединский". В ней есть очерк "Следы предков Ф. И. Тютчева на Рогнединской земле". Материалов на эту тему не было практически никаких, не разработана она никем. С этой темой я выступал на юбилейной областной конференции нашего института повышения квалификации работников образования в 2003 году, отыскав кое-что из документов.

По крупице собирали новый материал. Нашли интересные данные. Государственный архив Смоленской области нам пояснил, что род поэта Тютчева издавна внесен в родословные книги дворянства не только Московской, Орловской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской губерний, но и Смоленской. Род Тютчевых внесен в Книгу Смоленского дворянства определением Смоленского Дворянского Депутатского Собрания еще от 22 июня 1795 года, 19 февраля 1817 года, 17 сентября 1830 года, утвержденных Указом Правительствующего Сената от 21 марта 1850 года за номером 2032.

В Госархиве Смоленской области имеются родословная роспись Смоленского рода Тютчевых и летопись прихода села Гореново (Троицкое тож).

Гореново (Троицкое) располагалось в Рославльском уезде Смоленской губернии, куда до 1929 года своими основными землями входил наш Рогнединский край. В Горенове жили дед и бабка поэта - Николай Андреевич (1739 - 1797), Пелагея Денисовна (1759 - 1812) Тютчевы. Здесь родились и получили первоначальное образование семеро их детей: три сына и четыре дочери. Конечно же, Тютчевы посещали церковь в Горенове - Троицком. Дед поэта построил новый деревянный храм во имя Живоначальной Троицы в 1768 году, в 1786 году он стал большим каменным. В гореновском храме в то время был священником Андрей Алмазов (1782 - 1839). Его сын Мартиан был в Горенове пономарем. Мартиан в 1825 году переехал в Рогнедино дячком в храм во имя Смоленской Божьей Матери, пономарем в нем он продолжал работать с 1833 года. Умер Мартиан Алмазов 11 ноября 1839 года и похоронен в Рогнедине, как и его сын - пономарь Федор (1818 - 1848). В Рогнедине с

1848 года работал тоже пономарем внук гореновского священника - Константин, родившийся в нашем историческом селе в 1825 году.

В Горенове родился отец поэта Иван Николаевич Тютчев (1768 - 1846), ему досталось по наследству имение Овстуг Брянского уезда. В Овстуге родился его знаменитый сын - Ф.И. Тютчев (1803 - 1873). Ранее, еще в 18 веке, Овстуг с 20 душами получила от родителей бабка поэта Пелагея Панютина в качестве приданого. Дед поэта, живя еще в селе Гореново (Троицкое), в том же 18 веке приобрел дополнительно поместья разорившихся соседей - помещиков и на территориях нынешних Рогнединского, Жуковского районов. К 1790 году он имел уже более десятка деревень почти с двумя тысячами душ крепостных крестьян.

На Рогнединской земле поместья Тютчевых размещались в Хорошкове, Щепете, Лозицах, Осовике, Княгинине, Молотькове, Желтоноговичах в периметре около шести десятков километров.

О рогнединских поместьях Тютчевых мы узнали из завещания бабки поэта - Пелагеи Денисовны от 17 декабря 1797 года. Это был год смерти деда поэта.

Последним владельцем родовой усадьбы Гореново был средний брат отца поэта Николай Николаевич Тютчев (1766-1835) - человек благородный, нелегкой судьбы. В своей книге я рассказывал о дружбе его детей с декабристом Вильгельмом Кюхельбекером, Белинским, композитором Глинкой, И.С. Тургеневым.

Один из сыновей Н.Н. Тютчева, тоже Николай, дружил с А.П. Керн, вдохновил ее на написание воспоминаний о Пушкине, помогал ей. В 1859 году Керн писала Павлу Васильевичу Анненкову: "Вы увидите Н. Н. Тютчева - возьмите на себя труд засвидетельствовать ему наше почтение и глубокую преданность. Я привыкла считать его своим провидением..."

Практически нет в литературе собранных воедино материалов о жизни прекрасной и мужественной тетки поэта Надежды Николаевны Тютчевой (в замужестве Шереметевой). Со своей большой семьей она была тесно связана при жизни с Рославльским уездом Смоленской губернии, с Рогнединской землей.

Познакомлю вас сегодня с нашими свежими находками, с материалами о жизни Н.Н. Шереметевой и ее славной большой се-

мы. Лучшие человеческие качества ее обитателей отразились в натуре поэта, в его духовном и поэтическом мире. В статье А.А. Фета "О стихотворениях Ф. И. Тютчева" есть такие строки об этом:

*Вот... патент на благородство, -
Его вручает нам поэт,
Здесь духа мощного господство,*

Здесь утонченный жизни свет.

Н.Н. Шереметева родилась в селе Гореново (Троицкое), что в 10 верстах от города Рославля в 1775 году.

После смерти своего отца в 1797 году она, как младшая дочь Тютчевых, согласно завещанию матери, получает в наследство поместья родителей, в том числе в Рогнединском крае Рославльского уезда: Хорошково, Щепет, Лозицы, Осовик и переведенных в упомянутые деревни из Княгинина Брянского уезда семь дворов (нынешняя территория Рогнединского района).

Н.Н. Тютчева (Шереметева) (1775-1850),
тетка поэта, владелица рогнединских поместий.

Четвертой ее сестре, княгине Авдотье Николаевне Мещерской завещалась рогнединская деревня Желтоноговичи.

Надежда Тютчева в самом конце 18 века выходит замуж за богатого московского помещика, отставного гвардии поручика

Шереметева Василия Петровича (1765 - 1808), имение которого, Покровское (Шереметево), находилось в Рузском уезде Московской губернии, а богатый их гостеприимный дом - в Москве.

Личное счастье Надежды Николаевны было коротким - муж в возрасте 42-х лет погибает неожиданно - нежданно в дорожном происшествии в 1808 году. На руках молодой матери остаются семилетний сын Алексей и маленькие дочери Пелагея - 5 лет и Анастасия - 2 года. Тетка Тютчева, умная, гостеприимная женщина (это в крови Тютчевых) не замкнулась в горе - она совершает свой жизненный подвиг служения людям, становится подлинным подвижником, спасителем и помощником людей.

Получив красивое Рогнединское поместье Хорошково в качестве приданого, она строит еще в 1801 году на свои средства в этом селе чудный Афанасьевский храм - на взгорье, в березовом ожерелье. Рядом шел тракт в уездный Рославль. По нему спешил к другу К.В. Мясоедову в близлежащее волостное село Несоново академик В.И. Вернадский, Ломоносов 20 века. А почетный гражданин А.Н. Пригодин тогда спешил по этому тракту в свое любимое Тюнино. Вернадский изучал в Несонове опыт добычи и переработки местных залежей фосфоритов. Вокруг Хорошкова стояли русские села, деревни, хутора: Сегор, Меловка, Веселовка, Томичев поселок, Дубовец, историческое волостное село Тюнино, а также Фурцево, Ивашково, Алферово, Стречаново, Аселье, Крутица, Теребынь, Грамаши, Новоселки, Лахи, Пригоры, волостное село Несоново.

При жизни Надежды Николаевны в Хорошкове проживало более двухсот крестьян. При жизни внука Евгения - 480! Нет уже трудолюбивого Хорошкова, как тысяч сел, на карте России... Нет и стройного Афанасьевского храма в Хорошкове. Но спят вечным сном на кладбище у его развалин вечные труженики земли: Княгининские, Бодрянины, Фроловы, Алешины, Панковы, Курсаковы, Пантюховы, Цацурины, Жбановы, Агрютенковы, Чивиковы, Бабакины, Сосины, Савкины, Шматковы, Ермаковы... Спят целыми поколениями. Ниже взгорка смотрится в голубое небо речка Демьяниха. Зеленая роща отражается в ней.

*Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,*

*А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!*

Ф.И. Тютчев, 1857 год

Надежда Николаевна воспитала достойнейших детей и внуков, подлинных граждан Отечества. Оба ее зятя - и Иван Дмитриевич Якушкин (1793 - 1857) и Михаил Николаевич Муравьев (1796-1866) стали декабристами.

Н.Н. Шереметева вместе со своими зятьями и их другом, декабристом Михаилом Александровичем Фонвизиним спасают в 1820 году Рогнединский край, весь Рославльский уезд от голодной смерти. После увольнения в отставку с 24 апреля 1820 г. зять Н.Н. Шереметевой, М.Н. Муравьев, подполковник, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, раненный под Бородином в батарее Н.Н. Раевского, живет в поместье тещи, в рогнединском селе Хорошково со своей молодой женой Пелагеей Васильевной (урожденной Шереметевой). М.Н. Муравьев при активном содействии тетки поэта, Н.Н. Шереметевой, и других патриотов в короткий срок собрал в фонд голодающих крестьян 30 тысяч рублей. М.А. Фонвизин обратился за помощью к московскому генерал - губернатору Голицыну. Второй зять Н.Н. Шереметевой, верный друг И.И. Пущина, И.Д. Якушкин объехал весь наш край, весь уезд, беседовал с крестьянами лично. В Рославль были приглашены помещики.хлопоты наших известных земляков (Якушкин - тоже уроженец Рославльского уезда, с. Жуково) дошли до царя. Министр внутренних дел направляет в наш край сенатора Мертваго. В его распоряжение из средств государственного заемного банка было выделено для спасения голодающих в нашем крае, на Смоленщине 910 750 рублей.

13 августа 1855 года, по пути из Москвы в Овстуг мимо нищих деревень края Ф.И. Тютчев пишет в нашем уездном Рославле потрясающее душу стихотворение "Эти бедные селенья..."

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа -
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Удрученный ношей крестной,*

*Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благославляя*

...Н.Н. Шереметева большую часть жизни прожила в Москве, ее гостеприимный дом стал притягательным центром известных россиян. Ее имя было хорошо известно в Москве и за ее пределами. Это был человек очень незаурядный, решительный, редкой души. Она дружила и переписывалась с В.А. Жуковским, братьями Петром Васильевичем и Иваном Васильевичем Кириевскими, была другом П.Я. Чаадаева, "духовной матерью" Н.В. Гоголя. Именно многолетняя дружба Гоголя с благочестивой и набожной Шереметевой является одним из свидетельств глубокой духовной связи Гоголя с православной Москвой. Постоянным посетителем дома тетки поэта был Аксаков Иван Сергеевич (1823 - 1886) - зять Ф.И. Тютчева, муж его дочери Анны (1829 - 1889) - общественный деятель, публицист, автор "Биографии Ф.И. Тютчева", редактор периодических изданий "Москва", "День", "Русская беседа" и др., последовательно закрывавшихся правительством. Был частым гостем гостиной Н.Н. Шереметевой и отец зятя поэта, Аксаков Сергей Тимофеевич (1791 - 1859), писатель, автор книг "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова - внука".

Гоголь и Жуковский переписывались с теткой поэта, поддерживали ее в радостях и несчастьях ее семьи. А горе шло за горем... Арестовали зятя - декабриста И.Д. Якушкина. Она организовала сожжение его бумаг в Покровском. Зятя приговорили вначале к смертной казни, затем к 20 - летней каторге и вечному поселению в Сибири. Жена его была беременна. Родился мальчик. Но своего знаменитого сына Евгения (1826 - 1905) Якушкин обнимет впервые лишь в 1850 году - в сибирском городе Ялуторовске, где ссыльный был уже на поселении и организовывал обучение детей в школе. Евгению шел тогда 24-й год.

В Сибирь он добился своей командировки по служебным делам, был дважды в ней за 1850 год. Выпускник Московского университета, Евгений был управляющим палатой государственных имуществ в Ярославле, где его мать Анастасия Васильевна Шере-

метева и бабушка специально ожидали в 1827 году на этапе в Сибирь первой встречи со ссыльным Иваном Якушкиным, с его друзьями. Всячески помогали им.

И.И. Пущин в письме родным 31 октября 1827 года пишет об этих женщинах "...они, несмотря на все неприятные встречи, живут в Ярославле и снабжают всем, что нужно... Мать ее благословила меня образом... Я истинно ее руку расцеловал в эту дверь... Я видел в ней сестру...". В сибирском Ялуторовске в 1850 году Евгений подружился с И.И. Пушиным, которого вдохновил на "Записки о Пушкине". В предисловии "Записок..." Пущин тепло отзывается о внуке Н.Н. Шереметевой. Евгений Якушкин, внук тетки Тютчева, вместе с отцом и Пушиным сплотили декабристов для выживания, всячески им помогая.

Евгений занимался научной и литературной деятельностью, читал лекции по юриспруденции в Московском межевом училище. Он издал почти без всяких пропусков "Записки" своего отца в 1905 году, в год своей смерти. "Записки" И.Д. Якушкина составляют ценный материал о декабристах. Декабристов невозможно забыть. "Этих блестящих юношей, - как писал А.И. Герцен, - выходящих из рядов гвардии, этих баловней знатности... оставляющих свои гостиные... для требования человеческих прав, для протеста, для заявления, за которое - и они знали это - ждали веревка палача и каторжная работа... Мы от декабристов получили в наследство... чувство человеческого достоинства... ненависть к рабству..."

Нет, не удалось Николаю I задуть идеи декабристов!

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, -
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей*

Ф.И. Тютчев. "Эпитафия Николаю I" 1855 год

В 60-х годах 19 века Евгений - сын декабриста и внук тетки поэта - открывает в Ярославле воскресную народную школу, работает учителем в ней, пишет статьи о сочинениях Пушкина.

О своей милой матери, А.В. Якушкиной, Евгений отзывался очень высоко: "Прислуга и простой народ любили ее чуть не до обожания... совершенная красавица, замечательно умна и превосходно образована. Я не встречал женщины, которая была бы добрее ее... Она мне всегда казалась совершенством..."

Царь запретил женам, едушим в Сибирь за декабристами - мужьями, брать с собой детей. И.Д. Якушкин считал, что малолетние его дети, Вячеслав и Евгений не выдержат сибирских холодов, что их достойно воспитают жена и теща Н.Н. Шереметева, которых он очень ценил, глубоко уважал, а тещу называл матушкой. Анастасия вела дневник. Записи в нем - это страстное объяснение в любви, это непрерывные мольбы к мужу разрешить ей приехать к нему в Сибирь.

19 октября 1827 года - через 4 дня после расставания с мужем в Ярославле (встречу с мужем царь разрешил только после 3-го ее прошения) - Анастасия Васильевна пишет Ивану Дмитриевичу: "У меня к тебе все чувства любви, дружбы, уважения... и я отдала бы все на свете, чтобы у тебя могло быть ко мне такое же исключительное чувство... Во имя Бога, разреши мне приехать!"

Не дождалась Анастасия Якушкина своего любимого - она умерла 20 февраля 1846 года, не дожив до 40 лет. А он вернулся к детям из сибирской ссылки лишь через 10 лет после смерти любимой.

В своем письме от 24 июня 1849 года друг Якушкина, И.И. Пущин, пишет Н.Н. Шереметевой: "...Да успокоит вас милосердный Бог в... горе. Лучше вас никто не укажет дорогу к добру..."

Прощайте, добрая Надежда Николаевна. Обнимите за меня Алексея (сына Н.Н. Шереметевой - Н.С.) и позвольте мне вас самих обнять с искреннею признательностью за неизменную дружбу...". Через год тетки поэта не стало. Она умерла в 1850 году.

В горе тетку поэта утешал в письмах В.А. Жуковский. "Поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и за ваше несчастье...", - писал он Н.Н. Шереметевой в одном из писем.

До наших дней дошли два письма Ф.И. Тютчева к тетушке. В них он восхищается ее сыном, Алексеем Шереметевым, его редкими душевными свойствами, его прекраснейшим характером. "Милостивую государыню тетушку" поэт благодарит за теплое дружеское расположение к его семье, благодарит и ее дочь Пелагею Васильевну (она жила одно время в рогнединском Хорошкове) - за любовь и ласку к детям его. Это сильно растрогало Тютчева.

В мае 1846 года в письме к Пелагее Васильевне Ф.И. Тютчев искренно благодарит кузину за доброту и участие. Такими вот отзывчивыми, добрыми воспитала детей и внуков тетка поэта Н.Н. Шереметева.

В январе 1823 года поэт пишет свое стихотворение "Послание к А.В. Шереметеву", сыну тетки, офицеру лейб - гвардии конной артиллерии. В это время Алексей гостит у Тютчева в немецком городе Мюнхене:

*Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
От жизни мирно-боевой...*

"В нем (Алексее - Н.С.), - писал своей тетке поэт Тютчев, - послана вам, любезнейшая тетушка, большая награда за вашу большую доброту. И да сохранит вас Бог..."

"...Почтение тетушке Надежде Николаевне", - пишет Ф.И. Тютчев в 1846 году в письме своей двоюродной сестре Пелагее Васильевне Муравьевой (урожденной Шереметевой (1802 - 1871) - хозяйке рогнединского Хорошкова начала 20-х годов 19 века. Да-

лее он пишет: "О болезни коей (т.е. Н.Н. Шереметевой) я весьма сожалею. Жена поручает передать вам самый сердечный привет".

... Недавно мы вновь посетили Хорошково, когда - то любимое Тютчевыми, Шереметевыми, Муравьевыми, Якушкиными поместье. Липы вековые в селе сегодня напоминают о том мужественном времени России первой четверти 19 века. Мысленно в памяти встают десятки имен великодушных, образованных, благородных, мужественных представителей большой и дружной семьи Тютчевых - Шереметевых - Якушкиных - Муравьевых.

И.Д. Якушкин - любимец тетки поэта, горячо, как и она сама, откликнулся на всякое несчастье, беду, будь она личной или бедой страны. Он как офицер прошел героический путь от Бородина до Парижа вместе со славным своим Семеновским полком. В 1824 году Якушкин жил в своем Рославльском родовом имении Жукове. Он всегда с сочувствием относился к крестьянам. Еще в июне 1816 года он пытался освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Искал свидания с царем. Не добился. Лишь с трудом удалось встретиться с министром. Безрезультатно. В 1818 году И.Д. Якушкин становится одним из основателей "Союза спасения", 1819-ом - членом "Союза Благоденствия", в 1821 году - членом Северного общества. Присягать Николаю I отказался. 14 декабря 1825 года замыслил поднять против царя московские войска. Был арестован 10 января 1826 года.

На допросе царь Николай I грубо приказал И.Д. Якушкину:

- Если вы не хотите губить ваше семейство... то должны во всем признаться!

- Я дал слово не называть никого, - был твердый ответ Якушкина.

- Что вы мне... с вашим мерзким честным словом!

- Назвать, государь, я никого не могу!

Не правда ли, налицо подлинное достоинство и мужество И.Д. Якушкина!

Ключом к постижению облика декабриста И. Д. Якушкина как нельзя более точно служит пушкинская характеристика его личности. В "стране рабов, в стране господ" особо остро звучали призывы Якушкина к достоинству и уважению человека.

Пушкинское "береги честь смолоду" приобретало для Ивана Дмитриевича значение своеобразного мерила ценности человека. Понятие чести для него, борца за свободу в первом поколении тираноборцев, - это не только сохранение репутации порядочного человека, но и стремление найти достойный способ добиться свободы. Молодой Якушкин ищет способы борьбы против тирании. А.С. Пушкин, с которым Якушкина познакомил Чаадаев, писал:

*Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.*

"Умышлял на цареубийство... участвовал в умысле бунта", - говорилось о Якушкине в царском приговоре. Казнь заменил царь, по его мнению, на более суровую медленную смерть. Почти на два года перед каторгой Якушкин был заточен в страшную крепость Роченсальм.

Выжил. Заковали его в кандалы и через всю Россию отправили в конце 1827 года на сибирские рудники в Нерчинск, затем в Петровск. Руду добывал в кандалах.

В 1835 году вышел на вечное поселение в Сибири. Якушкин вспоминал, как он в молодости был дружен с А.С. Грибоедовым (М. В. Нечкина говорит в трудах, что И.Д. Якушкин был прототипом Чацкого в комедии "Горе от ума"). Наталья Дмитриевна Щербатова - его первая безответная любовь - оказалась несчастной в замужестве с Ф.П. Шаховским. Но об этом - особые страницы нашего поиска. В Ялуторовске Якушкин стал заниматься педагогической деятельностью. В 1842 году основал там училище для мальчиков. После смерти жены, в 1846 году открыл в Сибири школу для девочек.

Выжил. Амнистирован новым царем, Александром II, в 1856 году без права проживания в столицах. Здоровья не осталось. Он умер на руках сына Евгения в 1857 году.

*... Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые -
Его призвали все благие,
Как собеседника на пир*

Ф.И. Тютчев

... В тенистом саду поэтического Тюнина (через него шел тракт - путь тетки Тютчева в ее Щепетское и другие рогнединские поместья), Тюнина, где состоялся в 2005 году 30 праздник поэзии, культуры и труда, посвященный памяти известного российского поэта-земляка Н.И. Рыленкова, рядом шелестят любимая поэтом липа вековая и Тютчевский дуб, посаженный нами в 2003 году. Здесь, на месте проведения традиционных рыленковских праздников, Н.И. Рыленков благоговел перед поэзией Ф. И. Тютчева. В мемориальном рабочем кабинете Рыленкова в г. Смоленске на видном месте висит портрет Тютчева - поэта, его кумира.

*То званье, что Пушкин и Лермонтов,
Некрасов и Тютчев носили,
Живет не старея, согретое
У самого сердца России!*

Н.И. Рыленков, 6 июня 1961 г.

К моему современнику 21 века Ф.И. Тютчев, от имени себя, своих замечательных предков, своего и их достойного окружения, - как бы обращается с проникновенными словами: "Мужайся, стой, крепись и одолей!" Прекрасные строки! Они зовут, поддерживают, окрыляют!

... Мне на юбилейном поэтическом празднике в Тюнине у Рыленковской вековой липы и начинающего жить рядом с ней Тютчевского дуба вспомнились незабываемые тютчевские строки:

*Как сладко дремлет сад темно - зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!*

И - рыленковские:

*Все те же кущи Тюнинского сада,
Прохлады родниковая струя...*

Жизнь продолжается! И надо помочь молодому поколению земляков, россиян осознать свое место под солнцем - взять с собой в дорогу бесценный духовный багаж подлинных Граждан Отечества, отчего края, в том числе непреходящие человеческие духовные ценности в бессмертной поэзии Ф.И. Тютчева, в творчестве Н.И. Рыленкова, ценности укладов жизни поэтов и их предков - во имя процветания родной земли, во имя России!

Литература

- Тютчев, Ф. И. Лирика : в 2 т. / Ф.И. Тютчев. - М., 1966.
ГАСО, фонд 391.
"Русский архив", 1865.
Мурановский архив, фонд 1.
Тюнинский июнь // Народное образование. - 1985. - №10.
"В Россию можно только верить..." : сб. ст. / под ред. А.М. Гаркави, О.Я. Самочатовой, Н.А. Соболева. - Тула, 1981.
Материалы переписки Тютчевых, Шереметевых, Якушкиных с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, И. И. Пушиным, братьями Кириевскими, Аксаковыми, А. П. Керн
Пигарев, К. В. Жизнь и творчество Тютчева / К.В. Пигарев. - М., 1962.
Рыленков, Н. И. Страницы жизни / Н.И. Рыленков. - Л., 1981.
Горелов, А. Вещая душа. Ф. Тютчев / А. Горелов. - М., 1976.
Якушкин, И. Д. Записки / И.Д. Якушкин. - М., 1905.

Кокунько О.П.,

*заведующая отделом
краеведческой литературы
БОНУБ им. Ф. И. Тютчева*

Никулина С.А.,

*старший научный сотрудник
Брянского государственного
объединенного краеведческого музея*

**Тютчевский фотоархив Брянской
областной научной универсальной
библиотеки им. Ф.И. Тютчева**

Фотоархив "**Федор Иванович Тютчев**" начал создаваться Брянской областной научной универсальной библиотекой им. Ф.И. Тютчева в 2002 году в преддверии празднования юбилея нашего великого земляка (1). Необходимость иметь под рукой определенную базу данных (а также иконографический ряд) ощущалась библиотечными работниками и пользователями при самых разнообразных действиях, связанных с тютчевской тематикой. Отсутствие же этого каждый раз требовало неоправданно много времени на поиски специалистов, литературы, уникальных изданий с редкими иллюстрациями.

Началом формирования творческого коллектива (2) явилось создание "**Тютчевской экспозиции**" в отделе краеведческой литературы областной научной библиотеки. Часть выявленных в ходе этих работ материалов вошла в итоге и в фотоархив. Нам повезло привлечь к сотрудничеству известного мэтра брянского фотожурналиста сотрудника газеты "Брянский рабочий" Александра Шкроба, чей богатейший личный архив уникальных авторских фотографий в итоге придал всей работе непреходящую историческую ценность. Многие, запечатленные его фотокамерой, уже покинули этот мир...

Первоначальный объем и содержание фотоархива определялся насущными потребностями и отпущенными средствами - планировалось подобрать не более 300 фотографий и фотокопий. Параллельно велась работа по созданию цифровой копии фотоархива, который размещался в рамках электронного продукта "**Ф.И. Тютчев**" на сайте областной библиотеки (<http://www.scilib.debryansk.ru>). Сюда должны были поступать и новые фотографии (в результате к настоящему моменту количество их приближается к 400).

Центральное место в архиве занимает **иконография Федора Ивановича Тютчева**: живописные портреты, акварели, дагерротипы, и даже карикатуры. Помещены все прижизненные изображения, которые нам удалось собрать в различных изданиях.

Подробно исследованы генеалогические корни **рода Тютчевых (потомков Захария Тютчева)**. Собраны не только изображения предков и родителей Федора Тютчева, но и герба рода, переда-

вавшихся из поколения в поколение семейных реликвий Тютчевых, Толстых и Остерманов, родовых усадеб, могил и т.д.

Отдельный раздел занимают прижизненные портреты его жен - Элеоноры фон Ботмер и Эрнестины фон Пфедфель - и их немецких родственников, в том числе Карла Пфедфель (адресата многих писем Тютчева). Не забыты и дорогие сердцу поэта любимые брат Николай и сестра Дарья, в замужестве Сушкова. Очаровательные дочери Федора Ивановича: Анна, Дарья, Екатерина и Мария представлены и в детском возрасте, и на службе при царском дворе, и в более зрелые годы. Продолжатели рода - Дмитрий и Иван - их жены, дети и внуки завершают раздел "**Семья Ф.И. Тютчева. Потомки**".

Среди **современников Тютчева** можно найти его любимых женщин, вдохновивших поэта на золотые строки; царственных особ, которым не удалось скрыть от пронизательного дипломата ни своих достоинств, ни недостатков; а также друзей - единомышленников.

В.Д. Гамолин, создатель и первый директор Государственного мемориального историко-культурного музея-заповедника Ф.И. Тютчева "Овстуг". Фото А. Шкроба. 2002

"Места, связанные с жизнью и деятельностью Ф.И. Тютчева и его семьи" представлены живописными полотнами, гравюрами, литографиями, акварелями, зарисовками в путевых блокно-

тах, карандашными набросками, черно-белыми фотографиями разных авторов 19 - начала 20 вв., а также авторскими работами А. Шкроба начала 21 века. География мест широка: Россия (Овстуг, Москва, Санкт-Петербург, земля предков в Ярославской губернии, Новгород Великий...), Германия, Италия, Швейцария. Цифровой вариант фотоархива позволяет, не выходя из дома, совершить виртуальное путешествие по тютчевским местам.

Бессмертные стихотворные строки (раздел **"Автографы стихотворений, написанных Ф.И. Тютчевым на Брянской земле"**) помогут окунуться в поэтическую атмосферу Овстуга - родины поэта, дипломата, великого гражданина.

Обновленная к 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева экспозиция Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника

Ф.И. Тютчева "Овстуг" детализирована

по залам. Интерьеры, мемориальные вещи, первый директор и создатель музея В.Д. Гамолин, здание школы, открытой Марией Бирилевой (четвертая дочь поэта), окрестности и пейзажи Овстуга и Вщижа - все это только часть раздела **"Музеи Российской Федерации: экспозиции, посвященные Ф.И. Тютчеву"**. Достаточно полно проиллюстрирована экспозиция первого музея поэта в Мураново, где находится основной массив мемориальных вещей. Кроме того, здесь можно ознакомиться с туристическим маршрутом Брянского государственного объединенного краеведческого музея "Тютчевская дорога".

г. Брянск. Открытие памятника Ф.И. Тютчеву.

27 июля 2003 г. Фото А. Шкроба. 2003.

Самый динамичный, постоянно пополняемый раздел - **"Мероприятия, связанные с именем Ф.И. Тютчева"** (идет учет не только происходящему на брянской земле). Юбилейные фейерверки отнюдь не поставили торжественную точку в череде мероприятий, посвященных человеку, чья жизнь и творчество будут всегда актуальны. Продолжают свою исследовательскую деятельность и работу по популяризации тютчевского наследия Брянский и Овстугский музеи, областная библиотека, носящая имя Ф.И. Тютчева; ежегодно проходят Всероссийские праздники поэзии в с. Овстуг...

Все новых и новых лауреатов называет **премия "Русский путь"**. Среди них не только известные на всю страну поэты и писатели (Петр Проскурин, Андрей Дементьев, Егор Исаев), но и провинциальные литераторы.

Сцена из спектакля "Ангел мой" Брянского театра драмы им. А.К. Толстого. В роли Ф.И. Тютчева народный артист России В. Мацапура. Фото А. Шкроба. 2003.

Как известно, первым биографом Ф.И. Тютчева был его зять И.С. Аксаков. За прошедшее с 19 века время список исследователей значительно расширился. Отрадно, что раздел **"Исследователи жизни и творчества Ф.И. Тютчева"** постоянно пополняется именами новых поклонников его неисчерпаемого таланта.

Неисчерпаемой оказалась и тема **"Тютчев в искусстве"**. Не только произведения скульптуры и живописи, но и кинематографа, театра, наконец, целая выставка старейшины брянских фотографов Николая Романова.

Материалы фотоархива **"Ф.И. Тютчев"** активно работают - используются при проведении мероприятий, выставок, предоставляются тютчеведам для иллюстрации их публикаций. Архив пополняется за счет предоставления редких материалов из личных коллекций брянских краеведов, а также фотографий российских и зарубежных авторов.

Примечания

1. Идея создания фотоархива "Ф.И. Тютчев" принадлежит Наталье Александровне Сомовой (в то время - заместитель начальника Управления культуры Брянской области). Проект профинансирован Управлением культуры Брянской области.
2. Авторский коллектив: Кокунько Оксана Петровна, заведующая отделом краеведческой литературы БОНУБ; Никулина Светлана Александровна, старший научный сотрудник БГКОМ; Александр Иванович Шкроб, фотограф; Пилькова Наталья Николаевна, главный библиотекарь БОНУБ; Алешина Светлана Владимировна, главный библиотекарь БОНУБ. Отдельная благодарность директору БГКОМ Алексееву Владимиру Петровичу за помощь в работе.

Симоненко В.Е.,
главный хранитель Брянского
государственного объединенного
краеведческого музея
Брянская область

Разнообразие чешуекрылых, обитающих на территории Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника Ф.И.Тютчева «Овстуг»

Окрестности Овстуга прекрасны и неповторимы. С высокого правого берега Десны открываются широкие Задеснянские дали. Живописные луга и поля дают приют множеству животных, из которых дневные или булавоусые бабочки – настоящее украшение природы.

Обитает их и на территории Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника Ф.И.Тютчева «Овстуг» и в его окрестностях множество. Есть среди них как редкие, нуждающиеся в охране, так и часто встречающиеся виды.

Самый редкий вид - махаон (*papilio machaon*), крупная, до 60 мм в размахе крыльев, лимонно-желтая бабочка с черным геометрическим рисунком и хвостовыми выростами на задних крыльях. Он относится к семейству парусников. Бабочки этого вида обладают сильным полетом, редко садятся на цветы. Их гусеницы питаются на диких и культурных растениях семейства зонтичных, в частности на укропе и петрушке, поэтому махаона можно изредка встретить и в самом Овстуге.

Над лугами, залетая в село, обитают многочисленные представители семейства белянок. Это и знакомые всем с детства лимонницы, и белые с черным жилкованием боярышницы, и капустницы, репницы, брюквенницы. Бабочки вышеперечисленных видов встречаются в таком большом количестве, что могут даже принести определенный вред сельскохозяйственным культурам, т.к. их гусеницы наряду с дикорастущими питаются и на огородных рас-

тениях семейства крестоцветных – капусте, редисе, редьке и др. Но и среди белянок, обитающих на территории заповедника, есть редкий и красивый вид – зорька (*Anthocharis cardamines*).

У самцов этой небольшой, до 30 мм в размахе крыльев бабочки, внутреннюю половину передних крыльев занимают ярко-оранжевые пятна округлой формы, а весь основной окрас, как и у других представителей этого семейства – белый. Летают зорьки только ранней весной, начиная с апреля, и очень украшают природу в это, еще не живописное время года.

К нимфалидам относится очень много крупных и ярких дневных бабочек, и самой часто встречаемой, летающей весь теплый вегетационный сезон, является всем известная крапивница. Ярко-оранжевого цвета с черными и желтыми пятнами на крыльях, спокойная, эта бабочка любит садиться на землю и подолгу сидеть, греясь на солнце. Гусеницы ее питаются только на крапиве. Почти так же часто встречается и павлиний глаз – одна из самых красивых, ярко окрашенных бабочек. На каждом из ее вишневых крыльев располагаются по крупному глазчатому пятну с сочетанием желтого, голубого и черного цвета. Как и крапивница, летает павлиний глаз все теплое время года, радуя нас своей красотой, гусеницы так же, как у предыдущего вида выкармливаются на крапиве.

К нимфалидам относятся бабочки рода перламутровок. Это бабочки средних размеров, обладающие стремительным полетом, обитают на цветущих лугах и склонах холмов. Окраска верха их крыльев ярко-оранжевая с чередованием черных точек, а на изломе крыльев расположены пятна и полосы перламутрового цвета, отчего они и получили свое родовое название. Их гусеницы выкармливаются на фиалках и подорожнике.

Обитают в окрестностях Овстуга и бабочки семейств бархатницы и голубянки. Небольшого размера – от 12 до 20 мм, самой разнообразной расцветки, они порхают над цветущими растениями на лугах и мы не можем представить себе летний пейзаж без этих удивительных созданий природы.

Всего на территории Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника Ф.И.Тютчева «Овстуг» в

2005 году нами было отмечено 35 видов чешуекрылых, о некоторых из которых мы рассказали.

Содержание

<u>Секция: Ф. И. Тютчев: проблемы истории и теории литературы</u>	3
Голованевский А. Л., Первые материалы «Полного поэтического словаря Ф. И. Тютчева».....	3
Атаманова Н. В., Лексика звука и ее семантика в поэтическом языке Ф. И. Тютчева.....	17
Аникеева Т. В., Параллелизмы «человек-природа» в творчестве Ф. И. Тютчева.....	32
Горелая О. Н., Оттенки цвета в «денисьевском цикле» Ф. И. Тютчева.....	45
Головачева О. А., О некоторых компонентах смысла лексемы <i>странник</i>	54
Непомнящий И. Б., Реминисцентная структура стихотворения «Хоть я и свил гнездо в долине...» в системе «горного» цикла Ф. И. Тютчева.....	59
Гехтляр С. Я., Не отводя взгляда от пропасти.....	84
<u>Секция: Краеведческие аспекты в изучении жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Село Овстуг и его окрестности</u>	91
Покрасова Л. Н. Литературно-издательская и музейно-экспозиционная деятельность Центральной районной библиотеки им. Ф. И. Тютчева как часть культурного наследия Балашихинского района Московской области.....	91
Алексеев В. П., Другие Тютчевы, другой Федор Иванович.....	97
Краснова Н. А., Значение Овстуга в детстве поэта. Роль детских впечатлений в формировании тютчевского таланта.....	103

Сиверин Н. Н., Тютчевы, их окружение и Рогнединский край....	122
Кокунько О. П., Никулина С. А., Тютчевский фотоархив Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф. И. Тютчева.....	137
Симоненко В. Е., Разнообразие чешуекрылых, обитающих на территории Государственного мемориального историко-литературного музея-заповедника Ф. И. Тютчева «Овстуг».....	143

